

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

2 (22) ВЛАДИМИРСКОГО
2019 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
 ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
 И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2019

*Редактор
Е. В. Невская*

*Корректор
Н. В. Пустовойтова*

*Технический редактор
С. Ш. Абдуллаева*

*Верстка оригинал-макета
Е. А. Кузьминой*

*Выпускающий редактор
А. А. Амирсейидова*

*Автор перевода
А.В. Борзов
кандидат ист. наук, доцент*

*За точность и добросовестность
сведений, изложенных
в статьях, ответственность
несут авторы*

*Адрес учредителя:
600000, Владимир,
ул. Горького, 87.
Владимирский государственный
университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых*

*Адрес редакции:
600014, Владимир,
пр-т Строителей, д. 3/7,
ауд. 231^а*

*Подписано в печать 28.06.19.
Заказ №*

*Формат 60×84/8
Усл. печ. л. 12,56
Тираж 500 экз.*

*Издательство Владимирского
государственного университета
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича
Столетовых.
600000, Владимир,
ул. Горького, 87*

Редакционная коллегия серии «Социальные и гуманитарные науки»

<i>Е. М. Петровичева</i>	доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
<i>Е. И. Аринин</i>	доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиове-
дения (зам. главного редактора серии)
<i>М. В. Артамонова</i>	кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
<i>И. Й. Деретич</i>	доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
<i>В. В. Жданов</i>	доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
<i>С. И. Реснянский</i>	доктор ист. наук, профессор
академик РАН
<i>И. Я. Кантеров</i>	доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
<i>К. А. Аверьянов</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
<i>Ю. В. Кривошеев</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионове-
дения Исторического факультета СПбГУ
<i>Т. Л. Лабутина</i>	доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
<i>И. К. Лапина</i>	доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
<i>А. В. Лубков</i>	доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета
<i>С. А. Мартыанова</i>	кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
филологии
<i>М. В. Пименова</i>	доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
<i>Г. С. Егорова</i>	кандидат ист. наук
доцент кафедры истории России
(отв. секретарь редакционной
коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

И. А. Николаева

Особенности взаимоотношений губернской власти и прессы в начале XX века (на материалах Владимирской губернии) 5

В. Ж. Цветков

Несостоявшийся глава московского региона (генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский: военная биография на фоне политических событий) 13

Г. С. Егорова, М. Д. Ломоносов

Документальный атеистический кинематограф как маркер антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева 26

ФИЛОЛОГИЯ

В. М. Калинин

Прототип – протоним versus поэтоним 38

О. В. Оборнева

Лингвокультурологическое и ономастическое содержание понятия «инобытие имени» 47

И. А. Герасименко

Лингвокультурная полифония эргонимов современного Донбасса сквозь призму экологии языка 52

Н. Б. Фельдман

Ономастическое пространство лексики атомной отрасли 60

ФИЛОСОФИЯ

С. Ш. Абдуллаева

Роль учения имама Абу Ханифы в распространении идей гуманизма и веротерпимости 70

Т. И. Хижая

Геры, гиюр и прозелитизм в иудейской традиции и истории: основные подходы, проблемы, тенденции 77

М. Л. Хижий

Епископ Афанасий (Сахаров) и «движение непоминающих» в годы Великой Отечественной войны 92

А. В. Маковецкий

Подписание акта о каноническом общении в 2007 году: церковно-историческое значение 100

Сведения об авторах 106

CONTENTS

HISTORY

I. A. Nikolaeva

Peculiarities of the Relationship Between Provincial Power and the Press
in the Early 20th Century (Case-Study: Vladimir Province)..... 5

V. Zh. Tsvetkov

Failed Head of Moscow Region (Lieutenant General V. Z. May-Mayevsky:
A Military Biography Against the Background of Political Events)..... 13

G. S. Egorova, M. D. Lomonosov

Atheist Documentary Cinema as the Marker of Anti-Religious Campaign
under N.S. Khrushchev 26

PHILOLOGY

V. M. Kalinkin

Prototype – Protonym versus Poetonym..... 38

O. V. Oborneva

Linguo-Cultural and Onomastic Content of The Concept «Otherness»..... 47

I. A. Gerasimenko

Linguo-Cultural Polyphony of Modern Donbass Ergonyms through
the Lens of the Problem of Language Purity 52

N. B. Feldman

Onomastic Space of Nuclear Industry Vocabulary..... 60

PHILOSOPHY

S. Sh. Abdullayeva

The Role of teaching of Imam Abu Hanifa in Spreading of the Ideas
of Humanism and Tolerance 70

T. I. Khizhaya

Gers, Giyur and Proselytism in Jewish History and Traditions:
the Main Approaches, Problems, Trends..... 77

M. L. Khizhiy

Bishop Athanasius (Sakharov) and the «Not-Mentionnig In Prayers»
Movement During the Great Patriotic War..... 92

A. V. Makovetzkiy

The Signing of the Act of Canonical Communion in 2007:
the Church-Historical Significance..... 100

Contributors 106

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГУБЕРНСКОЙ ВЛАСТИ И ПРЕССЫ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В представленной статье рассматриваются взаимоотношения губернской власти с органами периодической печати в условиях социально-политической нестабильности и государственных трансформаций начала XX в. На материалах Владимирской губернии – одного из типичных регионов Центральной России – изучаются особенности проявления государственной политики в отношении прессы через призму региональных условий. Значительное внимание уделяется выяснению характера и способов выстраивания отношений местной власти с прессой, определению роли периодической печати в общественно-политической жизни региона.

Ключевые слова: региональная история, губернская администрация, пресса, государственная политика в отношении периодической печати, роль прессы в общественно-политическом развитии России начала XX в.

Начало XX в. стало эпохой значительных перемен в истории Российской Империи, в ходе которых пресса, являвшаяся одним из важнейших факторов общественно-политической жизни, превратилась в ещё более активный субъект общественно-политической жизни страны, оказывающий влияние на умонастроения в обществе и развитие политических процессов [30, с. 446 – 447; 28, с. 36]. При этом неоднозначная роль прессы в исторических событиях начала XX в., очевидная схожесть данных процессов с общественно-политическими условиями развития России начала XXI в. и сохранение дискуссионности в научной среде по вопросу исторического значения периодической печати как одного из важнейших демократических институтов общества заставляют современных ис-

следователей обращаться к данной тематике. Для географических масштабов Российского государства особенно актуально изучение вопросов истории прессы в их региональном аспекте и, в частности, проблемы взаимоотношений местной власти и прессы в условиях социально-политической нестабильности и государственных трансформаций. Территория Владимирской губернии, относившейся к центральным регионам Российской Империи и занимавшей в начале XX в. одно из наиболее значимых мест по развитию революционного процесса, в этом отношении довольно показательна.

Обращаясь непосредственно к проблемам Владимирской губернии, прежде всего следует отметить, что после выхода в свет Манифеста 17 ок-

тября 1905 г. пресса в России существовала в условиях фактической политической свободы [26, с.12]. «Временные цензурные правила» от 24 ноября 1905 г. и указы от 18 марта и 26 апреля 1906 г., введшие некоторые ограничения в правила издания периодической печати, сохранили важнейшие гарантии её независимости: отмену предварительной цензуры и административных взысканий. Хотя губернатор мог временно приостанавливать распространение газеты по закону, вопросы уничтожения тиража, наложения штрафа, закрытия печатного органа подлежали исключительно суду [25, с. 197, ст. 8, 9, 10]. Показательно, что владимирские губернаторы в 1906 г. подавали прошения о возбуждении уголовного преследования против редакции прокадетской [27, с. 166] газеты «Клязьма» восемнадцать раз, но Окружной суд ни разу не возбудил дела «за неимением состава преступления», и газета выходила снова [7, л. 14 – 208].

Возможность применения по отношению к прессе административного воздействия в начале XX в. давали условия чрезвычайных положений и обязательные постановления губернаторов, которым печать обязана была подчиняться, а губернская власть получала полномочия самостоятельно закрывать органы печати, накладывая на них штраф или заключать редактора в тюрьму в случае нарушения ими «государственного порядка» и «общественного спокойствия». Главы губернии, несомненно, использовали эту возможность. Владимирский губернатор И. Н. Сазонов, в частности, признавал факт применения им штрафов к редакторам газет за нарушение обяза-

тельных постановлений, что, по его мнению, заставляло последних «более осмотрительно» относиться к помещаемым в газете статьям [9, л. 15об.]. В 1907 – 1909 гг. редакторы газеты «Старый владимирец» были оштрафованы 6 раз (штраф от 100 до 300 руб.) [19, л. 10об.].

Однако применение к печати административных мер не носило постоянного характера. Во-первых, действия чрезвычайных положений и обязательных постановлений носили ограниченный по времени и территории характер. Давление власти обычно усиливалось в периоды социальной и политической активизации населения, например, в период выборов в Государственную думу с целью предотвратить излишнюю политизацию общества [20, л. 67-67об.]. Во-вторых, редакторы газет находили вполне законные пути избежать административного воздействия губернской власти. Эффективным средством были жалобы на постановления губернатора в Министерство внутренних дел. В 1912 г. министр внутренних дел дважды заставлял губернатора Сазонова отменить наложенное на редактора газеты «Старый владимирец» П. Ф. Леонтьева денежное взыскание, посчитав, что в содержании статей не усматривается «возбуждения вражды к правительству» [Там же, л. 65об., 70]. Кроме того, в случаях закрытия редакции издатели могли просто поменять главных редакторов или название газеты и вновь начинать свою деятельность. Так, владимирская газета либерального направления «Старый владимирец» с 1906 по 1917 гг. выходила под тремя разными названиями: «Клязьма»,

«Владимирец» и с 1908 г. – «Старый владимирец» [35, с. 8]. Подобная практика лишала смысла применение административных мер в отношении с прессой. Губернаторы И. Н. Сазонов и В. Н. Крейтон неоднократно отмечали, что «репрессивные меры» не только малодейственны, но часто имеют эффект обратного действия, привлекая повышенное внимание общественности и подрывая авторитет представителей власти [17, с. 166; 16, л. 38]. Это вынуждало губернскую администрацию искать другие пути взаимодействия, пытаться наладить мирные отношения с издателями, о чем свидетельствуют многочисленные уступки в уменьшении или сложении обременительных для редакторов штрафов на основе взаимной договоренности [27, с. 166 – 167].

Следует помнить, что в начале XX в. пресса часто становилась фактором, дестабилизирующим общественные отношения. После отмены цензуры в 1905 г. в российской периодической печати появилась масса изданий либерально-демократического и социалистического толка, часто открыто призывавших к революционным выступлениям [1]. Свобода слова, по воспоминаниям современников, превратилась в «средство для восхваления самых диких преступлений» или «орудие шантажа» [36, с. 169]. В 1905 – 1906 гг. местные и центральные издания яростно нападали на представителей власти, крайне жестко критикуя их деятельность. В 1905 г. либерально-демократические газеты «Русь» и «Начало» абсолютно безосновательно обвиняли владимирского губернатора И. М. Леонтьева в черносотенных про-

вокациях, произволе и превышении власти в губернии [5, л. 321 – 324, 344, 352], газеты также муссировали тему июньской Иваново-Вознесенской стачки и открыто возлагали вину за «кровавые события» 3 июня на вице-губернатора И. Н. Сазонова, называя его действия «административной бестактностью» и предлагая ему уйти в отставку [6, л. 11]. В этот период можно говорить о целой кампании, проведенной прессой и направленной на дискредитацию власти в глазах населения с целью привлечения жителей губернии к продолжению борьбы с правительственным аппаратом. При этом в интерпретации событий газеты часто использовали не только недостоверную информацию, но и заведомо ложные факты. Не зря С. Ю. Витте в своих воспоминаниях писал, что в тот период газеты «кишели... всевозможными выдумками» и вся пресса «прямо революционизировалась» [2, с. 316].

Навязчивая критика и клевета не могли не вызывать возмущения должностных лиц и заставили правительство перейти к политике ограничения вседозволенности в печати. В частности в марте 1906 г. было опубликовано высочайше утвержденное мнение Государственного совета «Об установлении уголовной ответственности за распространение ложных сведений о деятельности правительственных установлений и должностных лиц», подписанное императором еще 13 февраля 1906 г. [25, с. 194]. Данная мера позволила стабилизировать ситуацию, но критический настрой периодической печати в отношении государственной власти и её представителей явственно ощущался на всем протяже-

нии периода, что определило постоянное напряжение в отношениях прессы и администрации. Это касалось, главным образом, конечно же, либерально-демократической печати, так как газеты правого направления в целом подерживались государственной властью, а левая нелегальная печать существовала вне закона, и её распространение было уголовно наказуемым деянием.

С последним направлением губернская власть бескомпромиссно боролась полицейскими мерами, препятствуя распространению газет путем изъятия и уничтожения опубликованных экземпляров, арестами издателей и распространителей, уничтожением подпольных типографий [9, л. 5 – 6; 15, л. 2]. В результате гонений на социал-демократическую печать с 1907 по 1910 гг. в России сократилось количество издаваемых такими организациями листовок со 129 в год (тираж – 36 700) до 38 в год (тираж – 900) [31, с. 96].

Либеральная печать в целом и в особенности кадетская, любимым занятием которой было «всемерное развенчивание» существующего строя с применением тенденциозного освещения и извращения фактов [23, с. 630, 642], вызывала недоверие властей. Местные и центральные газеты либерально-демократического толка, распространявшиеся в регионе, такие как «Старый владимирец», «Северный край», «Вечерняя почта», «Новости», «Биржевые ведомости», «Речь», «Русь», «Утро России» и другие, часто печатали или перепечатывали критические статьи в адрес владимирской администрации. При этом центральные

издания, которые находили в губернии широкое распространение и были практически независимы от губернской администрации, критиковали её более целенаправленно, не стесняясь в выражениях. В 1913 г. в газете «Современное слово» появилась статья, в весьма острой форме осуждавшая действия Владимирского губернатора, отказавшего губернской управе в выдаче ей свидетельства на издание «Сельскохозяйственного листка Владимирского губернского земства», по мнению автора, без достаточных на то оснований [4, л. 1 – 27]. «Старый владимирец» постоянно освещал деятельность органов местного управления, допуская критические замечания в адрес различных чиновников и власти в целом. Так, газета писала о денежных махинациях Вязниковского городского головы и делала вывод о бездействии власти [33, с. 3]. Деятельность местного самоуправления достаточно часто становилась объектом обсуждения в региональной печати. В 1916 г., освещая заседание губернского земского собрания, корреспонденты писали: «вопросы мелочные, доклады общие и не выработано ничего конкретного», а «гласные не приспособлены к решению стоящих вопросов» [34, с. 2]. Только за июль 1910 г. в газете было опубликовано 11 статей критической направленности по отношению к органам самоуправления и администрации [32].

Периодические издания постоянно обращались к деятельности конкретных чиновников разного уровня и ведомств; однако с уверенностью можно сказать, что чаще всего под прицел корреспондентов попадали полицейские и земские начальники, в

среде которых, действительно, было много правонарушений, но газеты регулярно освещали их деятельность тенденциозно и нередко помещали недостоверную информацию [5, л. 360].

Выводы современных исследователей показывают, что на местах отношение администрации к критике в свой адрес было различным [37, с. 198 – 210]. Однако во Владимирской губернии власть воспринимала подобные публикации достаточно взвешенно при условии, что критика не была открыто направлена против государственного строя и не содержала призывов к неповиновению. Не случайно газета «Старый владимирец» вполне успешно существовала в губернии вплоть до конца 1917 г., хотя за её корреспондентами по поручению губернатора Сазонова велось полицейское наблюдение, а в ноябре 1916 г. Управление по делам печати отметило «резко оппозиционный» характер газеты и советовало усилить контроль за её деятельностью [18, л. 1; 22, л. 23].

Позиция Владимирской администрации иногда казалась даже излишне либеральной центральным органам власти. В 1912 г. директор Департамента полиции в возмущении писал губернатору И. Н. Сазонову, что в газете «Биржевые ведомости» была перепечатана местная информация, свидетельствующая о «нерадении» полиции. По мнению министра внутренних дел и директора департамента, «публичные и огульные обвинения чинов полиции, обостряющие к ней отношения со стороны общества», недопустимы [20, л. 88].

Ещё в январе 1906 г. вышел циркуляр Председателя Совета Мини-

стров, обязывающий губернаторов срочно принять меры к тому, чтобы все искажения истины, допускаемые прессой в отношении подведомственной губернии, «опровергались путем печати», а при появлении статей, содержащих «явную клевету или оскорбительные суждения» по поводу действий должностных лиц, следовало «немедленно привлекать виновных... к суду» [3, с. 3]. Однако местная власть не всегда следовала данной установке. В декабре 1911 г. циркуляр управляющего по делам печати МВД констатировал факт попустительства губернаторов по отношению к появлявшимся в прессе «ложным и тенденциозным известиям» и игнорирование инструкций министерства [11, л. 2]. Причиной этого был не излишний либерализм губернской администрации, а понимание слабости эффекта от метода опровержений. Во-первых, заставить газету напечатать опровержение можно было только через посредничество судебных органов, а, во-вторых, это не останавливало распространение ложной информации. В период подготовки и празднования во Владимирской губернии юбилея Дома Романовых местные и центральные газеты пестрели сенсационными выдумками о крупных денежных тратах администрации на проведение торжеств, саркастичными замечаниями о готовящихся мероприятиях, создавая, таким образом, негативный настрой у читающей публики по отношению как к самому юбилею, так и к деятельности местной власти. Губернатор пытался бороться с этими фантастическими и вредными для государственной власти слухами путем опровержений. Он заставил газету

«Утро России» напечатать опровержение, но в скором времени клеветнические публикации появились ещё более чем в 12 изданиях [12, л. 16 – 29].

С другой стороны, в исследуемый период местная власть уже активно использовала периодическую печать в качестве источника информации о жизни в губернии, показателя эффективности работы административного аппарата, а также инструмента осуществления контроля за деятельностью подведомственных чиновников. В канцелярии Владимирского губернатора отслеживалась любая газетная информация, касающаяся жизни губернии и деятельности государственных учреждений, которая проверялась и вполне могла стать прецедентом к разбирательству по фактам различного рода злоупотреблений и нарушений [6, л. 2 – 25]. В 1913 – 1914 гг. по меньшей мере по 14 статьям, помещенным в различных газетах*, были проведены расследования местной администрацией [14, л. 6 – 12об; 13, л. 1 – 20].

Изученные документы свидетельствуют, что постепенно представители местной власти признавали важность роли периодической печати в жизни губернии и под влиянием политических реалий вынуждены были считаться с её интересами и допускать свободу действий. В частности, о свободе деятельности агентов печати в губернии свидетельствует тот факт, что местные корреспонденты были в курсе всех важнейших событий жизни региона и многих дел администрации.

* В основном это были центральные издания («Путь Правды», «Северная рабочая газета», «Правда», «Гроза», «Луч») и местная газета – «Муромский край».

Газеты сообщали о данных губернатором поручениях чиновникам администрации, о ведущихся негласных полицейских дознаниях и т. п. [6, л. 65, 126]. Очевидно, что корреспонденты либо допускались в различные правительственные учреждения, либо имели в них осведомителей, в том числе и среди высокопоставленных должностных лиц. В этом отношении интересен следующий прецедент: в 1909 г. был уволен столоначальник окладного стола Ковровской уездной управы Н. А. Акимов, состоявший агентом газеты «Старый владимирец» и сообщавший в редакцию «исключительно компрометирующие слухи» о деятельности органов власти, а также «информацию, не подлежащую разглашению» [10, л. 17, 20-20об.]. В том же году губернатор разослал циркуляр во все административные учреждения региона со строгим наказом принять меры к охране секретных распоряжений МВД, поручая их исполнение лицам, «заслуживающим исключительного доверия». Поводом к изданию циркуляра послужило постоянное помещение в прессе сведений о секретных распоряжениях министерства [16, л. 7]. В январе 1917 г. губернаторам было направлено секретное распоряжение МВД, в котором отмечалось, что в связи с ослаблением надзора за органами периодической печати на местах, в газетах «нередко появляются сведения, которые могли бы быть добыты лишь из дел правительственных учреждений, не подлежащих огласке» [21, л. 7].

Во взаимоотношениях с прессой представители губернской администрации стремились опираться на законные нормы. Даже в тех ситуациях,

которые современники склонны были считать проявлением административного произвола, чиновники стремились действовать вполне в рамках закона. Материалы Владимирской губернии свидетельствуют, что характер взаимоотношений прессы и представителей государственной власти на уровне регионов варьировался в зависимости от социально-политических и других условий, и местная администрация могла относиться к деятельности прессы вполне терпимо. Однако в исследуемый период губернская власть так и не смогла окончательно избавиться от излишней подозрительности по отношению к печати и стремления использовать административный нажим в её ограничении, поскольку роль прессы как средства массовой информации была далеко неоднозначна, и в начале XX в. часто становилась фактором, дестабилизирующим общественные отношения, вынуждая тем самым власть применять административные методы воздействия. Не лишним будет отметить, что подобный подход

административной власти на местах в целом был характерен для взаимоотношений ее представителей с либерально-оппозиционными силами, партиями, земским самоуправлением [29, с. 34 – 41]. Некоторые современники, в частности, отмечали определенное усиление к 1913 г. придирчивости цензуры, имевшей склонность «смешивать подчас вопросы самые пустяковые с основными» и изымать их из обсуждения [23, с. 642]. Но последующий ход исторических событий скорее подтверждает другой вывод, что подчас власть в России относилась к печати даже излишне либерально и отмена закона о предварительной цензуре, «являясь в правовом отношении значительным событием, на практике была излишней» [24, с. 25 – 27]. Наиболее драматичный оборот последствия плохо контролируемой, нечистоплотной критики правительственных учреждений со стороны прессы приняли в условиях Первой мировой войны, во многом предрешив крушение Российской Империи.

Библиографические ссылки

1. Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П. История мировой журналистики. 2003. URL: https://lawbooks.news/istoriya-jurnalistiki_852/jurnalistika-rossii.html (дата обращения: 12.05.2019).
2. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 т. Т. 3. М., 1960. 416 с.
3. Владимирские губернские ведомости. 1906. № 4. 26 янв.
4. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 3824.
5. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1635.
6. Там же. Д. 1636.
7. Там же. Д. 1653.
8. Там же. Д. 1794.
9. Там же.. Д. 2530.
10. Там же. Д. 2616.
11. Там же. Д. 2824.

12. Там же. Д. 3083.
13. Там же. Д. 3273.
14. Там же. Д. 3399.
15. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 2. Д. 1794.
16. Там же. Д. 2470.
17. ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Т. 3. Д. 2633.
18. Там же.. Д. 2995.
19. Там же. Д. 2484.
20. Там же. Д. 2769.
21. Там же. Д. 3802.
22. ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22818.
23. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 746 с.
24. Дейли Джонатан. Пресса и государство в России (1906 – 1917 гг.) // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 25 – 27.
25. Именной высочайший указ правительствующему Сенату о Временных правилах о повременных изданиях 1905 г., ноября 24 // Российское законодательство X – XX вв. /под ред. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1994. 352 с.
26. Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л. : Лениздат, 1990. 253 с.
27. Маслова Ю. В. Владимирская печать и губернская власть // Древняя столица: история и современность : материалы междунар. науч.-практ. конф. Владимир, 2006. С. 163 – 168.
28. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М. : Флинта : Наука, 2004. 368 с.
29. Петровичева Е. М. Земское самоуправление и власть в период Думской монархии в контексте модернизационной парадигмы // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 2(6).
30. Пушкарев С. Г. Россия 1801 – 1917: власть и общество. М. : Посев, 2001. 671 с.
31. Пушкарева И. М. Рабочее движение в России в период реакции. 1907 – 1910 гг. М. : Наука, 1989. 272 с.
32. Старый владимирец. 1910. № 140 – 168.
33. Старый владимирец. 1916. № 20. 26 янв. С. 3.
34. Там же. 1916. № 29. 6 февр. С. 2.
35. Титова В. И. Зачинатель независимой прессы во Владимирской губернии // Блажен, кто рядом славных дел свой век прославил быстротечный... . Общественные деятели г. Владимира середины XIX – начала XX в. Владимир, 2006. 20 с.

36. Туринский М. Газеты в провинции. Воспоминания и наблюдения // Исторический вестник : ист.-лит. журн. Т. XXVIII. СПб., 1912. С. 151 – 176.
37. Хафизова Р. И. Государственное управление Уфимской губернией во второй половине XIX – начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 220 с.

I. A. Nikolaeva

**PECULIARITIES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PROVINCIAL
POWER AND THE PRESS IN THE EARLY 20TH CENTURY
(CASE-STUDY: VLADIMIR PROVINCE)**

This article deals with relationship of the provincial administration with the periodical press in the conditions of socio-political instability and state transformations in the early 20th century. It studies the features of the manifestation of state policy regarding the press through the prism of regional peculiarities on the example of the Vladimir province materials - one of the typical regions of Central Russia. The special attention is paid to clarifying the nature and methods of building relations between local authorities and the press, and determining the role of the periodical press in the public and political life of the region.

Keywords: regional history, the provincial administration, the press, the state policy regarding the periodical press, the role of the press in the socio-political development of Russia in the beginning of the 20th century.

УДК 94(47).084.3

В. Ж. Цветков

**НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ГЛАВА МОСКОВСКОГО РЕГИОНА
(ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ В. З. МАЙ-МАЕВСКИЙ: ВОЕННАЯ
БИОГРАФИЯ НА ФОНЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ)**

Посвящаю памяти энтузиаста изучения Белого движения, историка московской архитектуры Вячеслава Викторовича Тютина, трагически рано ушедшего из жизни в «лихие» 1990-е.

В статье рассмотрены особенности биографии генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского, командующего Добровольческой армией во время боевых действий в течение весны-осени 1919 года. Показана эволюция отношений к нему со стороны верховного белого командования. Отмечены наиболее характерные примеры его боевой деятельности и руководства тылом. Высказана гипотеза о причинах его отставки в ноябре 1919 года.

Ключевые слова: Гражданская война в России, Белое движение, Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России, генерал Май-Маевский, Орловско-Кромское сражение.

Биография командующего Добровольческой армией генерала В. З. Май-Маевского еще не стала предметом отдельного исследования. Будущий генерал-лейтенант, ставший прообразом генерала Ковалевского в советском сериале «Адъютант его превосходительства», родился 15 сентября 1867 г., а в год «великой и бескровной российской революции» отметил свое 50-летие. Не так много документов о его биографии до 1919 г. Имеются даже разночтения в его отчестве, поскольку в «Послужном списке» (на 1913 г.) полковник Май-Маевский указан с отчеством «Зиновьевич», тогда как в приказах по Добровольческой армии, на многочисленных плакатах деникинского Отдела пропаганды четко написано: Владимир Зенонович Май-Маевский.

Он принадлежал к потомственному дворянству Могилевской губернии, ведущему свою родословную еще со времен Речи Посполитой (Majevsky). Его племянница Вера была замужем за полярным исследователем Г. Я. Седовым. После окончания 1-го кадетского корпуса и Николаевского инженерного училища в Санкт-Петербурге Май-Маевский «вышел в службу» в сентябре 1885 г. Лейб-гвардии в 1-й саперный батальон, а немногим позднее (август 1888 г.) Лейб-гвардии в Измайловский полк. Больше 10 лет продолжалась его служба в гвардии, что давало право считаться «коренным измайловцем». Затем – обучение в Николаевской академии Генерального штаба, ее окончание в 1896 г. по 1-му разряду и получение должности старшего адъютанта штаба 13-й пехотной дивизии. Будущий командарм Добровольческой был и начальником штаба знаменитой

в сражениях Первой мировой крепости Осовец (с ноября 1900 по ноябрь 1903 гг.).

География его службы была разнообразной – от Вильно до Туркестана. А вскоре после начала русско-японской войны молодой подполковник отправился в далекую Маньчжурию и участвовал в боевых действиях, будучи начальником штаба 8-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (с мая 1904 г. по сентябрь 1906 г.). В годы войны был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и в декабре 1904 г. произведен в полковники [3, с. 71].

Первую мировую войну Май-Маевский встретил в строевой должности командира 44-го пехотного Камчатского полка, дислоцированного в г. Луцке, в составе второй бригады 11-й пехотной дивизии [24, с. 16; 17, с. 5]. Участие в боях добавило к выслуженным орденам Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 3-й степени орденом Св. Георгия 4-й степени.

В 1917 г. генерал-майор Май-Маевский принял командование над 1-м Гвардейским корпусом на Юго-Западном фронте и участвовал в последнем, «июньском», наступлении Русской армии на Восточном фронте. «Герой войны, герой 18 июня» вызывал уважение и среди солдат, что доказало его награждение солдатским Георгиевским крестом («Георгий с веточкой»). Его генерал никогда не снимал (в отличие, например, от П. Н. Врангеля) и носил рядом с офицерским крестом белой эмали [13].

Эти штрихи биографии Владимира Зеноновича не дают, может быть, ответа на вопрос – почему весной 1919 г. именно он стал командующим Добро-

вольческой армией, объединявшей лучшие «офицерские» полки («корниловцев», «марковцев», «дроздовцев», «алексеевцев»). Ведь Май-Маевский не был «первоходником», не принимал участие в легендарном «Ледяном походе», а этот критерий был главным в иерархии белого Юга «деникинского периода» (1918 – начало 1920 гг.). В 1918 г. генерал жил в Киеве, участвовал в деятельности местных монархических кружков, но в ряды армии гетманской Украинской Державы не вступил и лишь в ноябре 1918 г. выехал на Дон [1, л. 4].

Но Май-Маевский имел качества, которые вполне устраивали Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России (далее – ГК ВСЮР) генерал-лейтенанта А. И. Деникина. Подкупала честность Мая, его «солдатская прямота». Он был лишен болезненного честолюбия и готов был «сработаться» с самыми разными командирами (от лихого «волка – партизана», не чуждого сибаритства генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро до аскетичного и жесткого строевика генерал-лейтенанта А. П. Кутепова).

Эти черты его характера, плюс неоднократно проявленная храбрость в бою и доверие к подчиненным (возможно, излишнее, как станет ясно позднее) признавались в то время более важными, в сравнении, например, с наличием академического военного образования или стажа «первоходника».

Назначение на должность начальника 3-й пехотной дивизии, состоявшееся после смертельного ранения генерал-майора М. Г. Дроздовского (приказ ГК ВСЮР № 27 от 5 января

1919 г. (даты здесь и далее указаны по Юлианскому календарю, принятому на белом Юге), еще не дало Май-Маевскому авторитета. Назначенный «сверху» генерал стал «своим» для добровольцев после боев в Донбассе весной 1919 г. Здесь Добрармии пришлось выдерживать натиск многократно превосходящих сил Красной армии, пытавшейся прорваться к Ростову и Новочеркасску. И здесь Май-Маевский был назначен на должность командующего 2-м армейским корпусом (приказ ГК ВСЮР № 268 от 12 февраля 1919 г.), «за боевые отличия» получил чин генерал-лейтенанта (приказ ГК ВСЮР № 428 от 9 марта 1919 г.) и возглавил Добровольческую армию (приказ ГК ВСЮР № 815 от 8 мая 1919 г.).

Полковник Корниловского ударного полка М. Н. Левитов хорошо описывал то впечатление, которое производило на добровольцев участие генерала в боях: «На фронт в Донбассе очень часто приезжал... генерал Май-Маевский. Страдал генерал от своей тучности... Но этот человек совершенно преобразался, появляясь в боевой обстановке. Пыхтя он вылезал из вагона, шел отдуваясь до цепи, но как только равнялся с нею, на его лице появлялась бодрость, в движениях уверенность, в походке легкость. На пули, как на безобидную мошкарку, он не обращал никакого внимания. Его бесстрашие настолько передавалось войскам, что цепи шли с ним в атаку, как на учение. За это бесстрашие, за умение сказать нужное ободряющее слово добровольцы любили своего «Мая» [20, с. 229].

Успешно отразив наступление Красной армии в Донецком бассейне, в

июне 1919-го добровольцы стремительным ударом заняли Харьков – важнейший узел железных дорог и центр Левобережной Малороссии, а кубанские казаки вошли в Екатеринослав. И Май-Маевский стал известен уже не только как командарм Добровольческой, но и как Главноначальствующий Екатеринославской, Харьковской, Полтавской и Курской губерний (приказ ГК ВСЮР (по Общему управлению) № 63 от 18 мая 1919 г.) [4]. В условиях вводившегося на Белом Юге областного устройства предполагалось образование и обширной Московской области, в которую могли быть включены не только Московская, но и Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Тульская и Калужская губернии. Наступление успешно развивалось. Взятие Курска, продвижение к Воронежу, Орлу, Туле и Брянску, занятие почти всей Малороссии с Одессой, Черниговом и Киевом вдохновляло командование ВСЮР.

Пресса тех лет писала: «12 сентября состоялось поднесение генералу Май-Маевскому золотого оружия... Клинок шашки испанский, 400-летней давности. На клинке выгравировано: “От купеческого и промышленного общества гор. Ростова и Нахичевани на Дону и Союза торгово-промышленных деятелей Центрального района России. Доблестному командующему Добровольческой армией генерал-лейтенанту Май-Маевскому на добрую память”» [5]. «14 сентября В. З. Май-Маевский прибыл в Курск, посетил женский Свято-Троицкий монастырь, где игуменья Эмилия поднесла ему икону Божией Матери. Курск поднес Добровольче-

ской армии бронепоезд “Курянин”» [6]. По ходатайству офицеров 2-го офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка генерал Май-Маевский зачислен в списки названного полка (Приказ ГК ВСЮР № 1699 от 4 августа 1919 г.). «...В. З. Май-Маевского наградила король великобританский Командорским рыцарским знаком ордена Св. Михаила и Георгия... Было чествование генерала в гостинице «Гранд-Отель» [7]. Примечательно, что награждение от «Его Величества Короля Англии Георга V» (подтвержденное приказом ГК ВСЮР № 2633 от 28 октября 1919 г.) состоялось за месяц до отставки Май-Маевского.

Успехи «похода на Москву» считались командованием ВСЮР стабильными, прочными, а неудачи – временными. Главное, в чем были уверены и Май-Маевский и Деникин – сохранить темп наступления, стратегическую инициативу и «дотянуться» до Москвы. И если в частных беседах «отец» (как называли Май-Маевского добровольцы) иногда высказывал сомнения в возможностях «удержания» Орла и быстрого взятия Тулы, то перед «орлами – корниловцами» он выступал очень бодро и вместе с ними подсчитывал: двадцать или восемнадцать «корниловских переходов» осталось до «матушки Москвы» [19, с. 139].

Первые признаки кризиса проявились после тактического неуспеха 2-го Корниловского ударного полка под Кромами (1 – 2 октября) и оставления Орла (7 октября 1919 г.) [20, с. 354]. Вроде бы, очередные «временные неудачи», маневр ради «выравнивания фронта». Действительно, сильное «вкли-

нивание» на московском направлении корпуса Кутепова могло вызвать беспокорство штаба армии. Позже участники боев поставят в вину командарму отсутствие необходимых перегруппировок воинских частей, однако в условиях постоянного давления по всему фронту численно превосходящего противника, усталости войск и недостатка снабжения подобные перегруппировки считались нецелесообразными.

Сохранение инициативы было возможно с образованием сильных ударных групп в тылу из запасных частей и новых полков. Нужно было создать «кулак», аналогичный Ударной группе Южного фронта РККА из Эстонской и Латышской дивизий. Но это требовало времени и сил. «Донбасский опыт» укрепления одних участков фронта за счет других не годился. Тем не менее, Май-Маевский в обширном интервью о положении на фронте (с небольшими отличиями напечатанном в харьковских газетах «Южный Край» и «Родина» 16 октября 1919 г.) отмечал: «Красные, сосредоточив большие силы отборных своих частей, повели наступление в Кромском районе и районе Орла с целью, прорвав фронт, выйти к нам в тыл. Маневр этот, благодаря доблести войск, не удался, и наше командование ответило контрманевром, пожертвовав некоторыми пунктами, в том числе Орлом. В данное время на фронте обычная картина, которую мы и раньше наблюдали во время обороны красными каменноугольного бассейна и боев под Харьковом, когда они с лучшими своими частями расколачиваются о железный фронт Добрармии, – и я предвижу вскоре то же, что и раньше бывало:

моральный перелом у противника, связанный с физическими потерями, после которого самый могучий кулак красных обычно превращается в беспорядочно бегущие орды... Более серьезно – появление весьма значительных масс конницы Буденного в районе Воронежа. Но испытанная доблесть конницы генералов Шкуро и Мамантова является достаточной гарантией в том, что и этот маневр красных, угрожающих моим флангу и тылу, будет разбит нашими славными казаками...».

Беспокойство у Май-Маевского вызывал рост повстанчества в тылу («авантюра Н. Махно» и действия С. Петлюры), традиционно связанный в пропаганде южнорусского Белого дела с «немецкими агентами – украинскими самостийниками». «...В районе Полтавской и Екатеринославской губерний, отмечал генерал, в настоящее время бродят разбойничьи банды, с которыми ведется энергичная борьба. Банды эти, нужно отметить, недурно вооружены, имеют немецкие орудия, немецких офицеров-артиллеристов, что лишний раз подтверждает связь их с немецким наемником Петлюрою. Несомненно, с другой стороны, что все эти выступления происходят не без участия большевиков, стремящихся волнениями внутри ослабить силу фронта...». Впечатление от этого интервью у обычного читателя могло быть самое благоприятное. Но здесь уместно отметить слишком большую самоуверенность белого командования, очевидную недооценку противника и характерную для 1919 г. убежденность в скором победоносном окончании войны и «разгроме большевизма».

Отдельный раздел своего интервью Май-Маевский посвятил тылу. И здесь лейтмотив заявлений генерала был таким: «мы должны сейчас прийти на помощь фронту путем организации тыла, устройства внутренней самообороны». «Ведь если население будет вести себя так, как это было в Лозовой, вспоминал командарм, (городской голова которой выхлопотал у меня 100 винтовок для вооружения граждан, среди которых потом нашлось лишь 7 человек, желающих защищать идеи Добровольческой армии), то, понятно, его любая банда палками будет бить. Нам нужно всем принять участие в защите своих же интересов, и я на днях издам приказ о призыве всех лиц, стоящих на платформе Добровольческой армии, для самообороны городов от всяких разбойных нападений...»

Заканчивалось интервью на «оптимистической ноте». На вопрос корреспондентов о положении в Екатеринославе Май-Маевский ответил, что его «оно ничуть не беспокоит». «Вообще же я уверен, что мы в достаточной мере сумеем организовать тыл, для того, чтобы наша славная армия могла бы смело идти вперед, железным кольцом сжимая красный фронт...» [9].

Стратегические и тактические действия Добрармии были, действительно, весьма активными, ведь после того, как в октябре 1919 г. повстанческая армия Н. И. Махно заняла Мариуполь, а затем все-таки ворвалась в Екатеринослав, под угрозой оказалась Ставка Деникина в Таганроге. От Май-Маевского потребовали немедленной переброски с фронта Терской казачьей дивизии, пехотных полков, что было выполнено. А укрепление правого

фланга армии у Воронежа, за который беспокоился командарм, было достигнуто переброской небольших подкреплений, составлявших группу генерала В. И. Постовского. Узловой железнодорожный центр – станцию Лиски – должна была прикрывать конная группа, основу которой составляли казаки части 4-го Донского корпуса под командованием генерал-лейтенанта К. К. Мамантова.

Но сил явно не хватало. С другой стороны, если бы не было этих, пусть и небольших пополнений из ближайших к фронту уездов, то вряд ли добровольческим полкам удалось бы сохранить относительно стабильный численный состав и отступить, сохраняя общую линию фронта. Следует отметить, что за время отступления от Орла до Харькова ни одна крупная воинская часть Добрармии не была окружена и уничтожена. Все это следует признать как заслугой Май-Маевского, так и его начальника штаба генерал-лейтенанта Н. П. Ефимова и комкора Кутепова, стойкость частей которого не позволяла красным полкам осуществить глубокие фланговые охваты.

Это подчеркивали и советские военачальники. В книге командующего Южным фронтом РККА А. Егорова «Разгром Деникина» приведены примечательные оценки действий Добровольческой армии в момент отхода от Орла, говорится даже о серьезном значении контрудара под Тимом, которому сами белые не уделяли большого внимания. «...Наступление правых фланговых дивизий и особенно Эстонской шло очень медленно, вспоминал командующий, так как противник орга-

низовал упорное сопротивление главным образом вдоль железнодорожной линии, где оперировали бронепоезда...».

Хотя, как признавал Егоров, «...общие количественные и качественные возможности белых были не велики, и маневрировать в такой тяжелый период (метели, сильнейшие бураны, гололедица) было весьма затруднительно», но все-таки «с большим трудом белым удалось у Тима собрать отряд генерала Третьякова..., который, перейдя в контрнаступление..., выбил 3-ю дивизию из Тима и начал распространяться на север и северо-запад с явным намерением действовать в тыл 9-й и Эстонской дивизий, чтобы затем вынудить их к отходу от Курска. Надо отметить, что организация этого контрманевра прошла совершенно незамеченной для красного командования, посему удар явился полной неожиданностью для 13-й армии... Тимская операция... выскользнула из внимания красного командования и, задержав в центре наступательный порыв армий, дала возможность белым оторваться от преследующих их красных частей... Тимский эпизод несколько нарушил расчеты фронтового командования...» [28, с. 202 – 204].

Однако в середине ноября 1919 г. на фронте стало ясно, что единственно возможным шансом на успех может стать удержание линии Киев – Харьков – Царицын. Но подготовленные к обороне позиции отсутствовали, опереться на рокадные железнодорожные линии было сложно. В Ставке же считали, что нужно снова «идти на Москву». И вот 14 ноября 1919 г. в адрес

Май-Маевского пошла директива от начальника штаба ГК ВСЮР генерал-лейтенанта И. П. Романовского. Ставка требовала «в связи с действиями конной группы (группа генерала Мамантова – прим. В. Ц.) наступать на фронт Ливны – Орел – Брянск», то есть нужно было повторить удар сентября-октября [23, с. 618]. Нереальность подобного плана была очевидна. Все наличные силы сражались на фронте. В бой шли уже отряды Государственной стражи. В подобной ситуации можно было рассчитывать лишь на скорую и тотальную мобилизацию.

Генерал, казалось бы, видел положение в тылу более опасным, чем на фронте. Вот, например, актуальные на тот момент заявления в последних номерах харьковской газеты «Родина»: «...Помогите армии бельем и одеждой... Армия возвращает населению его достояние, свободу, гражданские права и личную безопасность, но лишь только фронт продвинулся вперед на сотню верст, тыл забывает пережитые при большевиках бедствия и в своих эгоистических стремлениях не желает нести посильные жертвы. Сейчас тыл должен снабжать Армию теплыми вещами. Представители общественных организаций города Харькова пришли к выводу о необходимости издать обязательное постановление о принудительном сборе теплых вещей...».

«Что касается последних сведений относительно хода военных действий, то они, считал Май-Маевский, утешительны. На всех фронтах атаки красных отбиты и наши части перешли в контрнаступление на тех

направлениях, где сочло необходимым высшее командование. Мобилизация для пополнения частей свежими силами протекает чрезвычайно успешно...» [11, 12].

Приказ Май-Маевского по гарнизону Харькова от 22 ноября 1919 г. гласил: «Ввиду того, что многие из числа подлежащих призыву лиц не явились по призыву и тем не исполнили свой гражданский долг, командующий армией приказал принять по отношению к означенным лицам принудительные меры к привлечению их на службу». Но эта мобилизация не удалась.

И лишь 24 ноября 1919 г. в своем последнем интервью Май-Маевский, наконец, открыто заявил о критическом положении армии: «...Положение на фронте серьезное, даже тяжелое. Героические части Добрармии, которые уже почти два месяца истекают кровью в неравном бою, сильно поределли в своих рядах и нуждаются в спешном пополнении их сознательными бойцами... Можете сказать гражданам города Харькова, которых мой долг перед Родиной повелел мне призвать в ряды вверенной мне армии, что судьба их семей и домашних очагов в их руках...» [8].

29 ноября 1919 г. командующий Добрармией даже без предварительного уведомления был отстранен от должности с зачислением «в распоряжение» главкома ВСЮР, хотя и «с благодарностью» за службу и «с сохранением содержания по последней должности» (приказ по Добровольческой армии № 716 от 29 ноября 1919 г.).

Другая сторона деятельности Май-Маевского – его служба в долж-

ности Главноначальствующего обширных южнорусских губерний. Здесь в его адрес звучали многочисленные обвинения в развале местной администрации, назначениях «бывших царских сановников-реакционеров», поощрении грабежей, содействии спекулянтам, наконец – в «беспробудном пьянстве», в котором «преуспели» и Главноначальствующий и его штаб. Довольно красноречивы свидетельства из книги кубанского самостийника П. Ковгана: «...Май-Маевский, или просто «Май», как его вообще называли, представлял из себя тучную фигуру с брюхом на бок, на одну ногу хромой, с безобразной брюзглой рожой, с полужамуренными глазами, лет под 50, природный алкоголик и забулдыга... Организовал в Таганроге громадный штаб из «единомышленников»..., в Харькове... «Май» устроил банкет и был 14 суток невменяемым... Дальше «Май» пил без просыпу, вплоть до бегства из России...» [18, с. 168 – 169].

«Генерал пропил фронт» – это стало настоящим «штампом» в оценке «Мая». Как известно, «у победы сто отцов», и в случае успешного завершения «похода на Москву» Май-Маевского прочили в губернаторы столицы. А когда операции завершились провалом и начался «поиск виновных», «пьянство» командарма стали считать едва ли не главной причиной всех неудач. Действительно, знавшие его офицеры отмечали, что «отец» был не чужд «хорошего стола» (после ограничений походной армейской жизни), но при этом не переходил известных границ [26, с. 8 – 9, 11].

Вообще, анализ конкретных распоряжений производит иное впе-

чатление. Первым же приказом Главноначальствующего (8 июня 1919 г.) в ведение военно-полевых судов передавались дела «против порядка управления, о лихоимстве и мздоимстве, об убийствах, разбое, грабеже, против чести и целомудрия женщин, о стачках и локаутах, о зажигательстве, об умышленной порче ж.д. путей, мостов, телеграфных и телефонных линий, о спекуляции и всех преступлениях, связанных со снабжением продовольствием и о преступлениях по государственной и общественной должности». Преступникам грозили суровые наказания до расстрела включительно.

Приказы по армии №№ 514 и 515 обязывали командиров воинских подразделений «со всей строгостью» взыскивать за несоблюдение «правил ношения установленной формы одежды», «распитие спиртных напитков и буйство в общественных местах» [30, с. 53 – 54; 2, лл. 100 – 102]. Приказ по армии № 302 от 31 июля 1919 г. отмечал: «Добровольческая армия, ведущая тяжелую борьбу за воссоздание нашей Великой Родины, за установление в ней правового порядка, должна прежде всего вносить в освобождаемые от большевиков местности порядок, спокойствие и законность. Под мощной защитой армии всем гражданам без различия состояний, национальностей и вероисповедания должно быть обеспечено спокойное существование, должна быть обеспечена личная и имущественная неприкосновенность; даже и единичные случаи притеснения какого-либо класса населения, какой-либо национальности, например евреев, не

должны иметь места... Начальникам всех степеней принять настоящий приказ к строжайшему исполнению и руководству, привлекая к законной ответственности виновных в нарушении его» [25, с. 303 – 304]. Правда, именно при его командовании произошло несколько погромов в еврейских местечках и городах Правобережной Украины, из которых наиболее крупным стал еврейский погром в г. Фастове [Там же, с. 333 – 347].

В вину В. З. Май-Маевскому ставился приказ, запрещавший преподавание в школах украинского языка и украиноведения [16, с. 210 – 211]. Но в данном случае запрещалась «украинизация» только государственного образования, что, по мнению Май-Маевского, было недопустимо в будущей «Единой, неделимой России». В частной школе преподавание вышеназванных дисциплин допускалось, а в случае если преподавание в этих школах велось «в общегосударственном духе», то такие учебные заведения принимались на государственное финансирование.

При занятии уездов центрально-черноземной России Главноначальствующим указывалось на необходимость снабжения сельского и городского населения продуктами и предметами первой необходимости по значительно сниженным ценам (в первую очередь это касалось соли, в которой ощущался большой недостаток) [27, с. 59 – 60].

Большой вред приносило Май-Маевскому влияние штабного окружения и местных чиновников, особенно его адъютанта. Павел Васильевич Макаров – личность весьма инте-

ресная и неоднозначная. Блестящая игра Ю. М. Соломина в вышеупомянутом фильме создала образ благородного, обаятельного и решительного «капитана Кольцова». Но стал ли именно Макаров «прототипом» героя советского сериала и одноименного романа И. Болгарина и Г. Северского? Споры идут до сих пор. Макаров на многочисленных фотографиях всегда рядом с «Маем», легко узнаваем по «дроздовской» фуражке с белым околышем. К «дроздам» он попал случайно и сумел быстро сориентироваться, выдав себя за офицера-перебежчика из Красной армии.

Но, возможно, в случае «победы белых» адъютант спокойно продолжал бы служить в московской губернской администрации. Известно, что после ареста контрразведкой Черноморского флота Макарову удалось бежать из заключения и присоединиться к крымским партизанам. Вместе с ними он воевал во врангелевском тылу в 1920 г. Отличился во время Великой Отечественной войны. А во время пребывания в штабе «Мая» даже в его собственных воспоминаниях («Адъютант Май-Маевского») мы не найдем свидетельств об эффективной разведывательной или диверсионной работе. Экранизированная версия об уничтожении «адъютантом» эшелона с английскими танками – творческий вымысел. Подобной диверсии не было вообще и, тем более, Макаров к ней не причастен. Ему удавалось уничтожать сводки с фронтов, путать бумаги и, организуя банкеты, успешно создавать образ «генерала – забулдыги». Большой результат приносила работа его брата Владимира – штаб-

ного телеграфиста, копировавшего секретные сообщения для передачи красным подпольщикам. Он был разоблачен контрразведкой и расстрелян [29].

Не выдерживает критики и обвинение в стремлении возродить «реакционные порядки». Назначения на прежние должности старых чиновников преследовали цель – восстановить существовавший порядок, предоставить местное управление лицам, имевшим достаточный опыт гражданского руководства, а не представителям «революционной демократии». Эксцессы, связанные с возвращением бывших помещиков, тщательно расследовались, а вызывавший нарекания Екатеринославский губернатор С. С. Щетинин был распоряжением Май-Маевского снят с должности.

Официально замена Май-Маевского на посту командарма Добровольческой армии генерал-лейтенантом П. Н. Врангелем объяснялась необходимостью смены тактики действий на фронте [14, с. 253 – 254]. Однако такая перемена, помимо траты времени (новому командарму пришлось ориентироваться на незнакомом театре военных действий в условиях слабости воинских частей, отсутствия нормального снабжения и связи, укрепленных и естественных рубежей обороны), оказалась весьма сложной даже для такого талантливого военачальника, как Врангель. Перегруппировки воинских частей и попытки контрударов не оправдались, а одна из наиболее боеспособных дивизий Добровольческой армии – Офицерская генерала Маркова – оказалась

окруженной в районе Алексеево-Леоново и понесла значительные потери [21, с. 177 – 194]. Возможно, что тактика Май-Маевского – организованного постепенного отхода по всей линии фронта – была более оправданной в данной ситуации.

Кому была нужна перемена командования? Можно выделить три группы, прямо или косвенно в этом заинтересованные.

Первая – правоцентристская группа политических деятелей – «Совет Государственного Объединения России» (СГОР), усиливших свое давление на политику Особого Сопровождающего при Главнокомандующем осенью 1919 г. (А. В. Кривошеин, Н. В. Савич и др.) и заинтересованных в продвижении кандидатуры генерала Врангеля на более значимые посты в иерархии ВСЮР (пост командарма Добровольческой мог стать последней ступенькой к посту Главкома ВСЮР).

Вторая – весьма активная группа так называемых «общественных деятелей», представителей земского и городского самоуправления, близких к социалистическим, левоцентристским кругам («Союз Возрождения России», Харьковский городской голова Н. Н. Салтыков и его окружение, «Национальный Центр», а также буржуазия Юга России, косвенно заинтересованная в ослаблении военного руководства хозяйственными делами). Недостаточно твердая политика Май-Маевского, его стремление обращаться к сознательности общественных кругов позволяли этим «деятелям» держать поведение Главноначальствующего в определенных рамках. Так, Май-Маевский дал согласие на орга-

низацию «городской дружины для защиты семейных очагов», ставшей фактически прибежищем для всех уклоняющихся от мобилизации представителей харьковской буржуазии и «общественности» [10]. Но едва лишь Май-Маевский стал «проявлять власть», бороться со спекуляцией, закрывать игорные и развлекательные учреждения, начали активно распространяться слухи о развале штабной работы и «беспробудном пьянстве» самого Май-Маевского. Цели этой группы тесно смыкались с интересами подпольных большевистских организаций, использовавших, как известно, любой повод для подрыва белой власти.

Наконец, третья группа – офицеры штаба ГК ВСЮР. Об их реакции на известие о назначении П. Н. Врангеля писал член Особого Сопровождающего К. Н. Соколов: «Штабная молодежь видела в этом назначении большую свою победу над «высшими сферами». Они добивались его целый месяц. «Штабная молодежь» явно симпатизировала таким чертам П. Н. Врангеля, как аристократизм, «гвардейский дух», рассчитывая потеснить «армейцев-первопоходников», ставленником которых был В. З. Май-Маевский [22, с. 213 – 214].

Подводя итог, уместно вспомнить слова генерал-лейтенанта Б. А. Штейфона, ближе других знавшего «белого Мая» (еще со времени боев в Донбассе весной 1919 г.): «...Май-Маевский умер тем неимущим человеком, каким он и был в действительности. Лично я ни на мгновение не сомневаюсь, что он был человеком честным. Честным, конечно, в узком смысле этого слова. Эта

примитивная честность все же не мешала ему быть неразборчивым в своих знакомствах и принимаемых чествованиях. Не подлежит сомнению, что вокруг генерала группировались всевозможные дельцы и рвачи, которые под прикрытием громких фраз обделывали свои дела и делишки. Это создавало легенды, задевавшие не только доброе имя Май-Маевского, но и наносившие серьезный ущерб Добровольческому делу» [26, с. 45 – 46].

А вот не менее показательная оценка Май-Маевского Деникиным: «...Личность Май-Маевского перейдет в историю с суровым осуждением... Не отрицаю и не оправдываю... Но считаю долгом засвидетельствовать, что в активе его имеется, тем не менее, блестящая страница сражений в каменноугольном районе, что он довел армию до Киева, Орла и Воронежа, что сам по себе факт отступления Добровольческой армии от Орла до Харькова при тогдашнем соотношении сил и об-

щей обстановке не может быть поставлен в вину ни армии, ни командующему. Бог ему судья!» [15, с. 238].

История Белого Юга, равно как и Белого движения в России в целом, подтверждала: можно быть честным, порядочным руководителем, можно написать сколь угодно много демократических и своевременных приказов, но если разлажена исполнительная вертикаль, если расстроен тыл и слабо доверие населения, а местная власть может извратить или саботировать распоряжения «сверху» – на победу, на прочный успех рассчитывать нельзя. Но можно ли создать стабильную систему управления за несколько месяцев?

Жизнь Май-Маевского оборвалась в последние дни Белого дела в Крыму. 30 октября 1920 г. во время эвакуации армии Врангеля из Севастополя генерал умер. По одной версии – от разрыва сердца, по другой – застрелился. Место его захоронения неизвестно...

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5881. Оп. 2. Д. 789.
2. ГА РФ. Ф. 440. Оп.1. Д. 34.
3. Список полковников по старшинству. СПб., 1913.
4. Харьковские губернские ведомости. 1919. № 3. 12 июля.
5. Южный край. Харьков. 1919. № 81. 13 сент.
6. Там же. № 84. 18 сент.
7. Там же. № 133. 19 нояб.
8. Там же. № 135. 23 нояб.
9. Родина. Харьков. 1919. № 92. 16 окт.
10. Там же. № 119. 16 нояб.
11. Там же. № 114. 20 нояб.
12. Родина. Харьков. Экстренный выпуск. 1919. 22 нояб.
13. Часовой. Иллюстрированный военный и морской журнал-памятка. Орган связи русского воинства за рубежом. Париж. 1931. № 48.

14. Врангель П. Н. Записки. Ч. 1 // Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. 5. Берлин, 1926.
15. Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин : Медный всадник, 1926.
16. Дикий А. Неизвращенная история Украины – Руси. Т. 2. Нью-Йорк, 1961.
17. Звегинцов В. В. Русская армия. 1914 г. Подробная дислокация, формирования 1914 – 1917. Регалии и отличия. Париж, 1959.
18. Ковган П. Записки неуча. Т. 1. Харбин, 1927.
19. Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936.
20. Левитов М. Н. Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974.
21. Павлов В. Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917 – 1920 годов. Книга вторая. 1919 – 1920 гг. Париж, 1964.
22. Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София, 1921.
23. Трагедия казачества. Ч. 3 (июнь 1919 – декабрь 1919 г.). [Б.м. Б.г.].
24. Шапошников П. Офицеры, солдаты... Скромный памятник Маленьким людям кровью венчанной пехоты Российской // Военная быль. Париж. 1965. № 71. янв.
25. Шехтман И. Б. Погромы Добровольческой армии на Украине (к истории антисемитизма на Украине в 1919 – 1920 гг.). Берлин, 1932.
26. Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград, 1928.
27. Галицкий К. Орловско-Кромское сражение (разгром белых под Орлом в октябре месяце 1919 года), М. : ГИЗ, 1932.
28. Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919. Госвоениздат. М., 1931.
29. Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. М.-Л. : ГИЗ, 1927.
30. Цветков В. Ж. Правда и вымыслы в истории Белого движения: Генерал В. З. Май-Маевский – командующий Добровольческой армией (май – ноябрь 1919 г.) // Белое движение на Юге России (1917 – 1920 гг.). Неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995.

V. Zh. Tsvetkov

**FAILED HEAD OF MOSCOW REGION (LIEUTENANT GENERAL
V. Z. MAY-MAYEVSKY: A MILITARY BIOGRAPHY AGAINST
THE BACKGROUND OF POLITICAL EVENTS)**

The article discusses the features of the biography of Lieutenant General V. Z. May-Mayevsky, commander of the Volunteer army during the fighting during the spring and autumn of 1919. The evolution of the Supreme White commandment's attitude towards him is shown. The most characteristic examples of his combat activity and leadership of the rear are noted. The hypothesis about the reasons for his resignation in November 1919 is stated.

Keywords: Civil War in Russia, White movement, Volunteer army, Armed forces of the South of Russia, General May-Mayevsky, Orel-Kromsky battle.

**ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ КИНЕМАТОГРАФ
КАК МАРКЕР АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ Н. С. ХРУЩЕВА**

Статья посвящена изучению реализации атеистической программы средствами документального кино. На основе анализа аудиовизуального ряда фильмов, применения методов логосферного и контент-анализа были выявлены объекты критики (православные верующие и представители протестантских деноминаций), а также основные тематические акценты неигрового атеистического кинематографа: дискредитация образа верующих через свидетельства церковных ренегатов и частные примеры аморального поведения, а также использование научного дискурса для формирования атеистической картины мира.

Ключевые слова: документальное кино, верующие, ренегатство, Оттепель, антирелигиозная кампания Н. С. Хрущева.

XX век вошел в историю человечества как эпоха распространения секуляризации сознания. И если для большинства западных стран этот процесс стал результатом социального развития, то в Советском Союзе предпринималось несколько попыток насильственной секуляризации: первый этап охватил постреволюционный довоенный период, второй приходится на период Оттепели Н. С. Хрущева. Антирелигиозная кампания конца 1950-х – начала 1960-х гг. все больше привлекает внимание исследователей своей противоречивостью и методами борьбы: попыткой именно мирными способами, без физического устранения верующих, искоренить «религиозные пережитки» в короткие сроки.

Приближение коммунизма стало метаидеей хрущевского времени. Достичь этой цели можно было только с помощью подготовленных строителей такого общества: «осуществление всех наших планов по строительству коммунизма зависит во многом от уровня

политической сознательности масс» [1, с. 417]. К удивлению партийных деятелей, даже спустя почти полвека после революции проект создания «человека нового типа», свободного от «религиозных предрассудков», не достиг успеха. Вопиющее противоречие – как советский человек мог крестить детей, совершать таинства, восхищаясь при этом достижениями науки и техники – оставалось загадкой для идеологов партии. Пролить свет на эту дилемму может письмо жительницы Ростовской области в ЦК партии от 1963 г., в котором она сокрушалась: сложно поверить в то, что пока советские космонавты покоряют космос, в ее деревне все еще нет радио, а некоторые из ее соседей никогда не видели кино [17, р. 109]. Исторически сложилось так, что реальность советского человека была многослойной, СССР спустя полвека после революции оставался страной контрастов.

Искоренить религиозность советского человека на первых этапах

кампании казалось простой задачей. К поставленной цели двинулись с энтузиазмом, свойственным всему периоду Оттепели. Пропаганда охватила систему образования – от начального до высшего, включая урочную и внеурочную деятельность, перевоспитание взрослого населения осуществлялось с помощью СМИ, кино, литературы и т. д. Информационное пространство, в первую очередь сфера досуга, было наполнено атеистическим содержанием.

Историки часто обращались к изучению особенностей атеистического воспитания в советской школе [6, 12, 13, 16], художественном кинематографе [14], средствах СМИ [4]. В данной статье мы обратимся к исследованию особенностей агитационного, «документального» атеистического кино как одного из главных инструментов антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева.

Хрестоматийная фраза В. И. Ленина «Из всех видов искусств для нас важнейшим является кино» определила его широкое использование для идеологических нужд партии. Для современных исследователей «антропологический поворот» в исторической науке сделал кино важным источником для изучения истории повседневности, массового сознания и пропаганды в СССР.

Атеистические фильмы – зеркало антирелигиозной кампании, в котором отразились все штампы и особенности антирелигиозной пропаганды в СССР при Н. С. Хрущеве. Влияние атеистической пропаганды не стоит преуменьшать: кино обладает мощным способом воздействия на

эмоциональную сферу человека: не случайно на долгие десятилетия образ верующих сохранился в коллективной памяти исключительно как анахронизм существующей эпохи. Собираемый образ верующих – пожилые, малообразованные граждане, проживающие в сельской местности, реже в городе, преимущественно женщины – «ископаемые», символ консервативного, устаревшего сознания.

Художественные фильмы, создавая иллюзии, воздействуют на эмоциональную сферу человека. Обладая широкими возможностями – сюжетной линией, музыкальным сопровождением, постановкой кадра, талантом приглашенных актеров – игровые фильмы редко оставляют зрителей равнодушными. Документальный кинематограф использовал другие козыри. В основе атеистического неигрового кино лежал «эффект разоблачения», подкрепленный убедительными доказательствами. Сенсации, преподносимые как абсолютно достоверная информация, шокировали, а осознание реальности ситуации усиливало произведенный эффект.

Документальный кинематограф, как и всякий другой, несет печать субъективности. «Опытный зритель знает, что «документальное» – только привлекательная этикетка. Запечатленной на пленку (или цифру) правды не существует: камера беспристрастна, но само ее присутствие в кадре преобразует реальность. Намеренное, авторское или случайное искажение возникает на всех этапах производства «документального» фильма – от съемки до монтажа» [7, с. 48].

Советские документальные атеистические фильмы изначально предвзяты, так как являются орудием идеологической борьбы и средством пропаганды. Кроме специфических аудиовизуальных приемов («наплывание камеры», трагичное музыкальное сопровождение, монтаж), ключевая роль отводится закадровым комментариям диктора, объясняющим кадры кинохроники в определенном ключе.

Несмотря на высокую степень субъективизма, документальное кино остается важным историческим источником. Несколько десятков атеистических кинолент, «снятых в эти годы почти на всех студиях Советского Союза», могут предоставить как прямую информацию об истории антирелигиозной пропаганды, так и косвенную – о верующих в СССР. Документальные кадры сохранили подлинные картины молений, святых мест, быта «адептов культа», свидетельства верующих, разочаровавшихся в ней, и ренегатов. Эта неочевидная информация поможет дополнить немногочисленные источники и реконструировать портрет верующих в СССР.

Ключевой особенностью наступления на религию в период Оттепели стала борьба с «сектантством», так как на РПЦ и другие институциональные конфессии можно было воздействовать на законодательном уровне, ограничивая, к примеру, их финансовую деятельность. В инструкции по применению законодательства о культах от 1961 г. впервые были названы религиозные движения, не подлежавшие регистрации ни при каких условиях: секты, «вероучение и характер деятельности которых носит антигосу-

дарственный и изуверский характер: иеговисты, пятидесятники, адвентисты-реформисты» [11].

В игровом кино в этот период появляются фильмы, направленные на «разоблачение» именно протестантских деноминаций и сектантства: «Тучи над Борском», (1960, реж. В. Ордынский), «Люблю тебя, жизнь!», (1960, реж. М. Ершов), «Армагеддон», (1962, реж. М. Израилев), «Цветок на камне», (1962, реж. С. Параджанов, А. Слесаренко) и др.

В соответствии с поставленными задачами значительная часть неигровых фильмов была направлена на дискредитацию именно собирательного образа «сектантов». По мнению исследователей, «в начале 1960-х годов антирелигиозная тематика в белорусском неигровом кино стала чуть ли не основной», «разящее острие кинопублицистики было направлено на харизматические протестантские секты, баптистов и, в еще большей степени, на пятидесятников» [Там же].

В июле – сентябре 1959 г. выходит фильм «Правда о сектантах-пятидесятниках», продолжительностью 18,5 минут, целиком построенный на использовании кинодокументов подлинного судебного процесса над верующими. По мнению киноведа А. Красинского и кинокритика Е. Бондаревой, именно в этой картине впервые в белорусском документальном кино использовался метод «скрытой камеры». «Кинодокументы, положенные в основу фильма, не могли не привлечь внимания; очень уж непривычными были они для кинозрителя». Специалисты высоко оценивают творческие принципы, которыми руководствовались

создатели фильма: хотя фильм был «разоблачительным кинодокументом», он внес значительный вклад в развитие белорусского документального кинематографа [11].

Фильм состоит из 15 эпизодов. В первом эпизоде в прологе освещается развитие науки в СССР (с акцентом на покорении космоса), повышение образования населения и рост интереса к знаниям. Закадровый комментарий: «чтобы жить и работать коммунистически, надо знать все больше и больше». За этим следует традиционная бинарная оппозиция: «строители коммунизма» («Эти юноши и девушки стремятся к знаниям, к свету») и их антиподы – сектанты-пятидесятники («А эти? А куда они держат путь? Куда спешат? Ведь и для них светит солнце. Но они бегут от него, их манит мрак»). Обличительный дискурс комментатора в отношении верующих бескомпромиссен: «носители пережитков проклятого прошлого».

В ходе просмотра фильма становится известно, что в г. Пинске «свили свое гнездо сектанты-пятидесятники», «здесь ловко опутывает доверчивые сердца и души Петр Полховский, организатор и вдохновитель секты», «изувер и мракобес».

Как верно подметил К. Ремисhevский, «люди, запечатленные объективом камеры, не боятся и не прячутся от нее» ни на улицах города, ни во время допроса на процессе.

Кинодокументы этого фильма разбивают привычный образ верующего человека, сформированный атеистической пропагандой. В художественных фильмах одним из маркеров образа верующих выступает одежда,

точнее, ее цвет – темный, длинное в пол платье, неременный атрибут – темный платок на голове. Верующие представлены одинокими пожилыми женщинами, реже – молодыми неопытными девушками, попавшими в секту из-за сложной жизненной ситуации. Документальная кинохроника показывает, что на радениях присутствует много молодежи и людей средних лет, почти половину молящихся составляют мужчины. Внешне «сектанты» мало чем отличаются от типичных жителей райцентра: ситцевые платья, юбки и светлые платочки носили в повседневной жизни и обычные советские женщины.

Характерным является использование намека на связь «сектантов» с главным идеологическим врагом периода Холодной войны – США: «их реакционная идеология поддерживается сектантскими центрами капиталистического мира», «эти одурманенные люди <...> становятся невольными пособниками врагов коммунистического строительства». В кадре крупным планом показывают, что Библия, которую используют верующие, напечатана в Вашингтоне: «Заокеанские мракобесы заботливо снабжают своих духовных братьев <...> идейным товаром».

В 1963 г. список антирелигиозных кинодокументальных лент пополнился двумя новыми фильмами, снятыми на Белорусской киностудии: «В чаду экстаза» (автор сценария и режиссер М. Горбунов, операторы Г. Лейбман, Г. Масальский) и «Украденное детство» (авторы сценария Г. Бекаревич, Г. Масальский, режиссер и оператор Г. Масальский) [Там же]. В первой картине впервые проводится параллель

между приверженностью религии и сумасшествием на примере секты пятидесятников. Бывший член общины пятидесятников Н. Я. Стрельцов синхронно рассказывает, как под воздействием одноверцев 14 лет провел в подземелье. А. Тышкевич показывает орудия, которыми истязали ее единоверцы-пятидесятники.

«Разоблачению» подвергались не только протестантские деноминации, но и другие представители неконтролируемого «сектанства». В 1961 г. Куйбышевская студия кинохроники выпустила документальный фильм «Липкая паутина» (режиссер Д. Дальский), посвященный деятельности «Истинно-православной церкви». ИПЦ – самоназвание неканонических юрисдикций, появившихся в 1920-е гг. в СССР из-за неприятия церковного курса митрополита Сергия (Страгородского). Часть верующих, которые посчитали позицию митрополита неприемлемой, стали использовать данную формулировку, чтобы обозначить свою верность истинной церкви. «Истинно-православные христиане» исповедуют православие, но находятся вне юрисдикции РПЦ.

В фильме представлены интервью людей, проживающих в селах Мордовской АССР, Горьковской области, Татарской АССР, которые рассказывают о своей вере. Операторы Л. Барышев и А. Ткаченко запечатлели собрания жителей сел Аксубаево, Старая Мокша. Особенной остротой отличались выступления жителей, обличающих сущность сектантства своих земляков, присутствующих на собраниях. Корреспонденты беседовали со священником секты истинно-православных

М. Калининым, с руководителями сектантов в Шереметьевском районе Татарии, женщинами и мужчинами-сектантами. «Раскольники» представлены не просто анахронизмом советского общества, а опасным для него элементом. «Вот на экране человек, стыдливо отворачивающийся от кинокамеры. Он уже знаком с ней. Однажды его, бандита Ершова, снимали в тюрьме. Сейчас он выступает в новом качестве, его зовут “князь Михаил”. Ему не очень хочется знакомить нас со своим прошлым. Но вот фотография, где Ершов снят в женской одежде, которую он носил в годы войны, уклоняясь от воинской обязанности. Под стать ему и А. Калинин – человек с темным прошлым, выдающий себя за сына Николая II. Их ближайшие сподвижники – уголовники и бывшие фашистские шпионы. Они одурманивают свою паству, вымогают деньги и ценности, сколачивая подпольные миллионы. Одураченные ими люди уходят с работы, отказываются от советских паспортов, запрещают детям ходить в школу. Мы знакомимся с девочкой из Чистополя – Женей Лабутовой, которая вынуждена была бежать из семьи, отравленной «истинно-православным» ядом. Сейчас Женя учится в школе-интернате» [2].

Фильм также содержит все основные клише антирелигиозной пропаганды той эпохи: уголовное прошлое лидеров секты, уклонение от воинской службы в годы войны, завлечение через обман наивных граждан (с акцентом на «погубленной молодости» попавших в секту), растрату средств верующих. Ведущим лейтмотивом звучит противопоставление бдитель-

ных советских граждан, бьющих тревогу и порицающих раскол, и «призраков, пришедших из самых мрачных углов старого мира».

«Потерянное детство» – один из наиболее сильных драматических приемов атеистического кинематографа, встречающийся во многих фильмах. Крупные планы отстраненных или несчастных лиц подростков и молодежи противопоставляются активным и веселым советским молодым людям.

Антитеза проявляется и в личном выборе верующего: благополучный исход – юноши и девушки, порвавшие с сектой "Истинно-православных", работают на заводе, занимаются спортом, бывшие семинаристы становятся частью советского общества, трагичный – «невозвратно потраченные лучшие годы». «Женщине, которая появляется на экране, на вид не менее семидесяти лет. Но ей нет еще и сорока. Что же преждевременно состарило ее? Тяжелая болезнь? Безутешное горе? Нет! Долгие годы провела она в полном одиночестве в глухом лесу, вырыла могилу и жила в ней, ожидая конца света. Как проклиная сейчас Шурынина тех, кто внушил ей эту дикую идею подвижничества» [2].

Считается, что основным объектом кинокритики периода Оттепели становятся протестантские деноминации и «сектантство», однако пропаганда не обходила вниманием и «господствующее в прошлом вероисповедание».

Методы дискредитации православных верующих значительно отличались от использованных в отношении «сектантов». Атеистическая пропаганда против РПЦ в документальном

оттепельном кино стояла на трех китах: свидетельства ренегатов/бывших верующих, дискредитация образа верующих (клириков и мирян), использование научного дискурса (описание достижений науки и техники для доказательства атеистической картины мира). Использование подобных методов можно объяснить тем, что многие православные верующие были образованными людьми, некоторые состояли в партии и не видели противоречия в построении коммунизма и следовании христианскому образу жизни.

Особое беспокойство у партии вызывали представители верующей интеллигенции. «18 апреля 1959 г. председатель КГБ А. Н. Шелепин с тревогой писал в ЦК КПСС, что некоторые представители профессорско-преподавательского состава, артисты, научные работники активно участвуют в церковной жизни, препятствуют атеистической пропаганде, распространяют соответствующие взгляды. В докладе приводились многочисленные примеры: профессор Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева Н. В. Зволинский и заведующий кафедрой одного из московских институтов профессор Н. Е. Пестов написали несколько религиозных брошюр и распространяли их среди знакомых; доктор наук, сотрудник Ленинградского института теоретической астрономии Е. И. Казимирчак-Полонская «обрабатывала» учащуюся молодежь в религиозном духе, заявляя: «Я обязана нести идеи христианства в массы», и т. д. В итоге Шелепин предлагал применить меры воздействия в отношении “отдельных представителей интеллигенции”» [3, с. 461].

Поэтому упор в документальных фильмах традиционно делался на антиклерикальном характере свидетельств.

Образ христианина в документальных фильмах не просто противоречил идеям христианства, но и контрастировал с традиционными ценностями общества и «кодексом строителя коммунизма». В 1961 г. на Минской киностудии авторский коллектив¹ выпустил две ленты – «Правда о святых местах» и «От тьмы к свету». Фабула первой ленты основана на разоблачении мест поклонения верующих, «которые использовались мошенниками для обмана искренне верующих людей». В центре внимания второго фильма – исповедь церковных ренегатов, бывших семинаристов и священнослужителей, по разным причинам оказавшихся вне Церкви или порвавших с религией из-за недостойного поведения пастырей, их корыстолюбия: «большинство священников, не веря ни в черта, ни в Бога, прикрываются религией, чтобы строить свои собственные пороки. Верующие отдают свои трудовые рубли и копейки на благолепие церкви, на укрепление веры, но если бы они знали, куда их духовные наставники тратят их деньги, они давным-давно отвернулись бы от своих наставников, от церкви и от самого Бога».

Образ «неработающих священников», которые «имеют прислуг, одеваются в шелка, золото, бриллианты», является хрестоматийным для советской атеистической пропаганды. Рас-

точительство и роскошная жизнь священнослужителей, далекая от целомудрия – часто встречающийся сюжет и в других фильмах. Документальный фильм «Исповедь», снятый на Куйбышевской студии кинохроники, построен на «живом рассказе протоиерея Николая Спасского, который в своем открытом письме, опубликованном советской печатью, отрекся от церкви» [2]. Примеры аморального образа жизни знакомых ему священнослужителей вынудили его порвать с верой. Иов, архиепископ Казанский, «построив себе великолепную дачу-дворец, потребовал еще 500 тысяч рублей на прочие расходы». «Вот фотоаппарат настиг отцов церкви во время грандиозной попойки в ресторане. Они обнимают полуголых девиц. Как выяснилось, именно на содержание этих «духовных дочерей» уходила львиная доля “прочих расходов”» [Там же].

Заметим, что прием дискредитации образа священства через отрицательные стороны финансовой и бытовой жизни клириков использовался еще в первые послереволюционные годы. В монографии С. Л. Фирсова анализируется рубрика «Попы и народ» «Красной газеты» периода Гражданской войны. Антиклерикальный характер отдельных публикаций должен был оправдывать наступление большевиков на церковь. Церковь на страницах этой газеты была представлена как влиятельная, антинародная сила. Для ее дискредитации использовались частные примеры, которые должны были доказать лицемерие священнослужителей. При этом информация не была абстрактной: описывались «конкретные случаи с указанием места и времени; приводились

¹ Автор сценария и дикторского текста Э. Марьямов, режиссер П. Шампур, оператор Г. Григорьев.

имена священников и монахов», суммы пожертвований верующих на религиозные цели. Священнослужители и монашествующие представляли жадными, нетрезвыми развратниками-тунеядцами. Во время обыска, причиной которого стали распространявшиеся слухи о мужском монастыре города Сарапула, у монашествующих «было обнаружено масса рюмок, всяких других предметов, вплоть до шелковых платков с вышивками “кого люблю, тому дарю”» [15, с. 152]. Подобное поведение свидетельствовало о полном несоответствии клириков учению Христа, что приводило читателей к мысли, что священник избрал этот путь просто как легкий способ заработка и вся его деятельность держится на обмане.

Грубое обращение клириков с верующими, их всевластие и корысть стали предметом неоднократных публикаций в прессе того времени: «хамы в рясах», как гласило название статьи, получив 200 рублей за отпевание, не встретили гроб у храма. «В ответ на замечание дьякон Кондратьев отсчитал взятую им за вынос, проводы и отпевание сумму и со словами: “Ах, так вы упрекаете меня вашими деньгами”, – злобно бросил деньги на каменный пол храма, сплюнул и ушел в алтарь» [Там же, с. 157].

Приемы дискредитации верующих кочевали из десятилетия в десятилетие и из литературы на большой экран. Не случайно разоблачительные воспоминания ренегата П. Ф. Дарманского, изданные в 1961 г., содержат все основные клише негативного образа священнослужителей и верующих, которые встречаются в документальном кино этого периода. К примеру, среб-

ролюбие: «Я наблюдал болезненную жадность попов к деньгам, был свидетелем страшных скандалов за неправильно разделенный рубль, булку или яблоко», пьянство: «А сколько раз приходилось видеть, как в алтаре под видом причащения священнослужители самым настоящим образом упивались вином!» [5, с. 54 – 55], лицемерие и двойные стандарты клириков: «семинаристам запрещалось курить под страхом увольнения, а сами преподаватели (как светские, так и духовные) почти все курили <...> А протоиерей Дмитрий Дуцык <...> любил повторять: – Всякое зелье от бога есть! <...> Часто после вечернего богослужения он отправлялся в пивную...» [Там же, с. 18 – 19] и т. д.

Сильный акцент в воспоминаниях сделан на финансовых преступлениях внутри церковной организации. «Экономом (заведующим хозяйством) академии был Антон Порфирьевич Прилежаев, он бросил монашество и, нарушив обет безбрачия, женился. Интересно, что когда вместе с инспектором академии Львом Николаевичем Парийским они присвоили несколько сот тысяч рублей, Прилежаева сняли с должности эконома и назначили ...епархиальным казначеем (заведующим денежной кассой)» [Там же, с. 27 – 28].

Вовлечение в атеистическую кампанию ренегатов из священнослужителей – один из маркеров антирелигиозной борьбы на рубеже 1950 – 1960-х гг. «На путь предательства Церкви в годы хрущевских гонений удалось склонить около 200 священнослужителей, среди которых наиболее активными в распространении атеистических идей были: бывший препо-

даватель Одесской семинарии Е. Дулуман (в 1958 г. была опубликована его атеистическая брошюра; с заявлениями об отречении от Бога в печати выступали бывшие священники П. Дарманский, Н. Спасский, Чертков, а также Героднин, Янушкевич и др.)» [3, с. 475].

Отметим, что в первые постреволюционные годы информацию о случаях ренегатства бывших клириков власть не использовала в идеологических целях, ограничиваясь констатацией. 1 января 1919 г. «Красная газета» сообщала о случае организации священником Бочейковской волости Лепельского уезда Околовичем партийной ячейки, которая опередила по партийной и культурно-просветительской работе другие волости уезда [15, с. 154 – 155].

Известны случаи участия ренегатов в атеистических документальных фильмах в качестве экспертов/свидетелей («От тьмы к свету»). Обличения бывших клириков, знавших жизнь церкви изнутри, придавали фильмам достоверность.

Атеистический документальный кинематограф нашел широкое применение в рамках антирелигиозных мероприятий: лекциях для учащихся всех уровней системы образования, для взрослого населения – в клубах, актовых залах, на телевидении, которое также использовалось для нужд антирелигиозной пропаганды: «Настало время более эффективно и действительно использовать телевидение в качестве мощного орудия пропаганды в борьбе с религиозными и другими мистическими предрасудками, в воспитании у советских

людей научного материалистического мировоззрения» [9].

Об успешном опыте внедрения атеистической тематики в эфирное время свидетельствует пособие П. Мишутиса. Телевидение Литовской ССР готовило несколько атеистических передач в месяц с учетом возраста, профессиональной принадлежности и уровня образования потенциальной аудитории. «В передачах "Планета малышей" и "Окно в природу", адресованных самым маленьким зрителям, очень популярно и вместе с тем квалифицированно разъясняется сущность различных явлений природы. Те же темы рассматривались и в передаче "Дни школьников", посвященной ребятам школьного возраста. Кстати, в последних систематически и разносторонне освещалась деятельность школьных кружков атеизма. В передачах для молодежи немало места занимали встречи с атеистами, учеными. <...> Продажность части духовенства, его служба реакции, интересам буржуазных националистов, антинародная деятельность нынешних реакционно настроенных клерикалов» нашли яркое отражение в телевизионном документальном фильме "На веки вечные" [8, с. 190 – 191].

В результате изучения особенностей атеистического кинематографа периода Оттепели как средства реализации антирелигиозной кампании мы пришли к следующим выводам. Главной целью пропаганды было создание усредненного образа верующего, обладающего набором негативных поведенческих характеристик. Наряду с атеистической пропагандой в СМИ и литературе именно кино как коллек-

тивный опыт сыграло определяющую роль в формировании образа верующих в массовом сознании.

Принимая во внимание субъективность подачи материала (использование закадрового комментирования визуального потока документальных кадров), данные фильмы нельзя в полном смысле слова назвать документальными, они выступают орудием идеологического влияния, создавая определённую мифологию. Однако использование самого видеоряда может служить косвенным источником для реконструкции образа верующего человека в СССР.

В основе неигрового атеистического кино лежал разоблачительный характер сюжета. Критика была направлена против православных верующих и «сектантов». В фильмах использовались устоявшиеся формулы и приемы атеистической пропаганды, используемые еще с постреволюционного времени: несоответствие образа жизни верующих учению, которое они исповедуют, лицемерие и тунеядство священнослужителей, растрата ими денежных средств прихожан, поляризация картины мира через противопоставление верующих и «строителей коммунизма», использование научного дискурса.

Информационный поток критики особенно остро затронул протестантские деноминации и сектантов. «Сектантство» показано как тупиковый путь развития человека, изолирующий его от социума и разрушающий личность. Преемственность и связь протестантских общин в СССР с общинами в США и намеки на шпионаж стали маркерами пропаганды времен Холодной войны.

В целом образ верующих в атеистической пропаганде эпохи Оттепели лишился многослойности, получался примитивным и плоским, наделялся целостно-негативным характером. Традиционно пропаганда олицетворяла верующих со следующими категориями населения: пожилые, малообразованные, одинокие, несчастные женщины либо одинокие молодые женщины в трудной жизненной ситуации, либо священники-лицемеры, а также маргиналы советского общества (люди с криминальным прошлым) и т. д. Членение визуального потока документальных фильмов на отдельные образы позволяет опровергнуть представленный выше стереотип: среди верующих мы видим много молодежи, а также мужчин.

Терминологию, характеризующую верующих (не только «сектантов», но и клириков и мирян РПЦ) в фильмах отличал унижительный характер, что противоречило требованию о недопущении оскорбления чувств верующих, прописанному в программе КПСС 1961 года: «Партия использует средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих» [10]. Заметим, что язвительно-разоблачительное повествование в документальных фильмах сохранится и после 1961 г.

В кампании по искоренению религии, включающей использование сферы образования, СМИ, литературу, живопись, именно кино как массовому средству развлечения и досуга отводилась одна из ведущих ролей. Идеологи

«оттепельного» наступления на церковь намеренно решили добиться максимального эффекта, используя атеистическую тематику как в игровом, так и в документальном кинематографе. Искоренить религиозность не удалось, формирование определенного образа верующего в массовом сознании можно считать единственным достижением данной кампании.

Библиографические ссылки

1. Амосов Н. К. О формах и методах научно-атеистической пропаганды в современных условиях // Наука и религия. Сборник стенограмм лекций, прочитанных на Всесоюзном совещании-семинаре по научно-атеистическим вопросам. М. : Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, 1957. 432 с.
2. Белявский О. Липкая паутина // Советский экран. 1961. № 8. С. 14.
3. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь. XX век. М. : Сретенский монастырь, 2015. 792 с.
4. Горбатов А. В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954 – 1964 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 3 (59).
5. Дарманский П. Ф. Побег из тьмы. Рассказ бывшего священника. М. : Советская Россия, 1961. 114 с.
6. Егорова Г. С., Ломоносов М. Д. Воспитываем убежденных атеистов: реализация программы антирелигиозного воспитания в школах Владимирской области при Н. С. Хрущеве // Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 12(4). С. 29 – 44.
7. Кувшинова М. Ю. Кино как визуальный код : лекции. СПб. : Мастерская «Сеанс», 2014. 304 с.
8. Мишутис П. Система атеистического воспитания в Советской Литве (1960-1977 гг.) : пер. с литов. Вильнюс : Минтис, 1985. С. 190 – 191.
9. Опарин А. Пропаганда научного мировоззрения и телевидение // Правда. 1964. № 81. С. 2.
10. Программа КПСС 1961 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 10 : 1961 – 1965. М., 1986. С. 170.
11. Ремишевский К. История, ожившая в кадре. Белорусская кинолетопись: испытание временем. Кн. 2 : 1954 – 1969. Litres, 2018. https://books.google.ru/books?id=o_5ODwAAQBAJ&pg=PT323&lpg=PT323&dq=от+тьмы+к+свету+фильм+1961&source=bl&ots=zP8vHZgiLG&sig=ACfU3U1139tiwSwMdn9w55gQFPdpM5EEw&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjYz76dvIXiAhWT7KYKHbqsDzA4ChDoATABegQICBAV#v=onepage&q=от%20тьмы%20к%20свету%20фильм%201961&f=false (дата обращения: 02.02.2019).

12. Сажин П. Д. Атеизм в теории и практике советской школы 1950-х – 60-х гг. (на примере Горьковской области) // Вестник ПСТГУ 1. Богословие. Философия, 2013. Вып. № 3 (47). С. 118.
13. Соколова М. И. Проблемы атеистического воспитания населения на рубеже 1950-х – 1960-х гг. (на примере Сталинградской (Волгоградской) области) // Известия Волгоградского университета. 2014. Т. 18. Вып. № 16 (143).
14. Федоров А. В. Опыт герменевтического анализа советских аудиовизуальных медиатекстов антирелигиозной тематики на занятиях в студенческой аудитории // Инновации в образовании. 2013. № 7.
15. Фирсов С. Л. Власть и огонь. Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. 474 с.
16. Шубкин В. М. Атеизация детей и молодежи, проводимая государственно-партийными органами на территории Оренбургской области в период хрущевских религиозных гонений в 1958 – 64 гг. // Казань. 2015. сб. ст. IV Междунар. науч. конф. Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность.
17. Smolkin, Victoria. A Sacred Space Is Never Empty. A history of Soviet Atheism. Princeton University press: Princeton & oxford. 2018. 342 pp.

G. S. Egorova, M. D. Lomonosov

**ATHEIST DOCUMENTARY CINEMA AS THE MARKER
OF ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN UNDER N. S. KHRUSHCHEV**

The article deals with the implementation of the N. S. Khrushchev's atheistic program by means of documentary films. With a help of the analysis of the audio-visual features of films, as well as the logosphere and content analysis, the methods of demonization of believers of the Russian Orthodox Church and some Protestant denominations were identified. Much attention is given to the main thematic accents of non-fiction atheistic cinema: the discreditation of believers through the evidence of Church renegades and some examples of clergy's immoral behavior, as well as the use of scientific discourse to form an atheistic world views.

Keywords: documentary film, the believers, apostasy, the “Thaw” period, N.S. Khrushchev's anti-religious campaign.

ПРОТОТИП – ПРОТОНИМ versus ПОЭТОНИМ

Рассматривается дискуссионная проблема метаязыка поэтонимологии как междисциплинарной науки: содержание понятия «поэтоним» по отношению к филологической диаде, обозначенной, с одной стороны, литературоведческим термином «прототип», а с другой – понятием, закрепившимся в поэтонимологии – «протоним». Пунктирно обозначены недостаточно изученные аспекты формирования свойств характеров персонажей в русской литературе. Показаны выявляемые с помощью поэтонимологических методик свойства антропоэтонимов, зависящие от характера отношений в диаде прототип – протоним.

Ключевые слова: антропоэтоним, поэтоним, поэтонимология, протоним, прототип, тип, характер.

Любая попытка разрешения противоречий, точнее – недоразумений, в дискуссионном вопросе об отношениях между компонентами триады «поэтоним – прототип – протоним» имеет важное значение для теории поэтонимологии.

Камнем преткновения в большинстве случаев оказывается метаязыковой конфликт, корни которого кроются в разнообразной, часто произвольной трактовке смысла «краеугольного камня» в фундаменте поэтонимологии – термина «поэтоним». Им я начал пользоваться во время работы над кандидатской диссертацией в самом начале 80-х годов прошлого века. Но должен признаться, что и сущность этого, как оказалось впоследствии, довольно удачного термина и покрываемую им зону я скорее ощущал интуитивно, чем понимал скрупулёзно. По мере исследования феноменологии поэтонима, углубления в его сущность предпринимались попытки дать более

точное определение, появлялись более или менее удачные дефиниции, однако отдельные моменты в них постоянно тревожили некоторой неопределённостью¹. И то, что к этой проблеме до сих пор приходится возвращаться, лишний раз свидетельствует о правоте Ю. А. Карпенко, в 2008 году, в итоговом сборнике работ о литературной ономастике написавшего (цитирую без перевода): «<...> літературна ономастика – дуже важка дисципліна (курсив мой. – В. К.). Майже все, написане про неї, належить до «перших шкіців²», за якими рано чи пізно прийде глибше пізнання» [7, с. 3]. Сложность и трудность дисциплины, не в последнюю очередь связанная с определением её предмета, равно как и надежда на бо-

¹ Ряд дефиниций представлен в [4] и последующих публикациях автора, отражающих смену точки зрения на сущность поэтонима.

² Шкіц – эскиз, набросок.

лее глубокое познание сущности поэтонима, сохраняются до сих пор.

В абсолютном большинстве произведений повествовательной художественной литературы персонажи обозначаются собственными именами – антропонимами или, как называют их поэтономологи, антропоэтонимами. Именно этому разряду поэтонимов, в основном, будут посвящены нижеследующие размышления.

Персонаж (герой, действующее лицо) в художественном произведении может быть либо «рупором» взглядов автора, либо его оппонентом, либо войти в так называемый фон, необходимый для объективации «существования» личности, описываемой в произведении. Кавычки, в которые заключено слово «существования», очень важны для его правильного понимания: в художественной действительности всё только словесно, а само «существование» – виртуально. И относиться к нему нужно надлежащим образом, ни в коем случае не отождествляя с документом (летописью, исторической хроникой, отчётом и т. д.), т. е. не предъявляя требований неперемного соответствия реальности бытия. Сегодня это хорошо понимают литературоведы и, к сожалению, всё ещё недостаточно правильно другие филологи, не говоря уж об остальной читающей публике. В этом положении скрываются и противоречия и недоразумения, обозначенные вынесенной в заглавие сообщения триадой.

Литературоведческим термином «прототип» (др.-греч. πρῶτος – ‘первый’ и τύπος – ‘отпечаток, оттиск; первообраз’) в современном литературоведении принято обозначать реальное лицо, послужившее автору художе-

ственного произведения образцом для создания персонажа. Чаще всего имеется в виду конкретная историческая или современная личность, послужившая основой для образа в литературе. Мерой следования образцу определяется «достоверность» персонажа. Зависит она также от творческой индивидуальности Автора, от его желания следовать установкам того или иного литературного направления либо жанра создаваемого произведения и, не в последнюю очередь, от Читателя.

Совершим краткий историко-поэтономологический обзор процесса формирования и развития в русской литературе представлений о «прототипе», намеренно упрощая ситуацию³. Однако прежде зададим вопрос: может ли писатель-реалист, создавая произведение, пренебречь сходством персонажа с устоявшимися в обществе представлениями о должном, о системе ценностей, сложившейся в определённой культуре? Ответ очевиден, и поэтому формула о «типичных характерах в типичных обстоятельствах» [12] вовсе не представляется чем-то слишком уж традиционным, несмотря на стремительное обновление теоретико-литературных трактовок реализма. Однако если персонаж типичен, то образцом для его создания может быть даже не одно лицо, а несколько, обладающих сходными чертами и свой-

³ Максимальная редуцированность теоретико-литературоведческой составляющей в рассуждениях, касающихся понятий «литературный тип» и «литературный характер», обусловлена, с одной стороны, поэтономологической направленностью сообщения, а с другой, само собой разумеющимися ограничениями, связанными с допустимым объёмом публикации.

ствами. Этим объясняется обычно то, что рядом с понятием *прототип* оказывается другое – *типичный характер*, хотя *тип* и *характер* целесообразнее всё-таки различать. Тип – это художественный образ, содержащий характерные, обобщённые черты какой-либо группы людей. А характер – это (при всей типичности) всё-таки совокупность индивидуальных черт образа.

В любом случае, когда речь заходит о содержании или семантике имени персонажа, в поэтономологии (отвлекаясь от свойств формы и возможной фигуративности антропонима) её представляют как совокупную информативность характеризующих высказываний, своего рода квинт-эссенцию образа. Например, в семантическую ауру имени главного героя романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», в первую очередь, входит семантика определительных и предиктивных характеристик («добрый мой приятель...», «учёный малый», «педант», «франт», «второй Чадаев», «театра злой законодатель», «забав и роскоши дитя», «непостоянный обожатель очаровательных актрис» и т. д.⁴).

Персонажи произведений любой национальной литературы в разные исторические периоды развития искусства слова описывались по-разному, но общую тенденцию можно условно определить линией «от символа и маски к характеру».

⁴ Полный перечень высказываний, характеризующих Евгения Онегина в романе, собран в словарных статьях «Е. Онегин» (1), «Евгений» (44), «Евгений Онегин» (5) и «Онегин» (82) [5, с.137 – 141; 183 – 187]. В скобках указано количество характеризующих персонаж высказываний.

В древнейших из дошедших до наших дней литературных памятниках античности всё начиналось с богов и героев древней Эллады – «мифоперсон» повествовательной части греческой религии, естественно, обозначенных собственными именами, из которых в процессе разрушения мифов «рождались» потом действующие лица античных трагедий. Ф. Ф. Зелинский, в самом конце XIX века опубликовавший серию статей, посвящённых идее нравственного оправдания, убедительно показал линию трансформаций мифоперсон одного из старинных мифов религии Зевса в героев трагической тетралогии Эсхила «Орестея», «мифа о Зевсе-Агамемноне и Земле-Клитемнестре», который был дополнен под влиянием новой религии Аполлона: «Объятый Солнце-богатырь стал, конечно, Аполлономъ, а именно Аполлономъ святой горы, гдѣ былъ убить Змѣй (Эгисф. – В. К.), – Орестомъ; Аполлонъ же привелъ съ собою и свою сестру «лучезарную» Артемиду-Электру. <...> И вотъ божественные элементы мифа мало-помалу предаются забвенію: перед нами уже не Зевсъ-Агамемнонь, не Земля-Клитемнестра, а просто Агамемнонь, Клитемнестра, Эгисф, Орестъ, Электра...» [3, с. 10 – 11]. Меняется масштаб изображения, туманные образы мифа низводятся до человеческой нормы, становятся понятны человеку и подвергаются человеческим оценкам. «Клитемнестра стала просто невѣрной женой, замыслившей вмѣстѣ со своимъ любовникомъ убійство своего супруга; Орестъ сталъ вѣрнымъ сыномъ, отомстившимъ за смерть своего отца...» [Там же, с. 11]. Изъятие из семантики имён сакраль-

ной составляющей превратило имена мифоперсон в антропонимы – имена действующих лиц трагедии.

В русской литературе Средневекового периода личности, обозначившиеся собственными именами-антропонимами, почти без исключений существовали реально. Д. С. Лихачёв писал: «Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица русских литературных произведений XI – начала XVII в. – исторические или претендующие на историчность: Борис и Глеб, Владимир Святославич, Игорь Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской или митрополит Киприан – все это князья, святые, иерархи церкви, люди существовавшие, высокие по своему положению в обществе, участники крупных событий политической или религиозной жизни. Писатели XI–XVI вв. ищут для своих произведений значительных лиц, значительных событий – при этом не в литературном, а в чисто историческом смысле. Они стремятся писать о реально существовавших лицах, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегают к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. При этом все фантастическое, чудесное мыслится как объективно реальное, исторически свершившееся» [9]. Вместе с тем, академик Лихачёв отметил и зарождающееся в этот период стремление писателей к типизации персонажей: «Несмотря на историчность каждого имени литературного героя, литература изображала вовсе не только единичные факты. В каждом из изображаемых ис-

торических лиц авторы пытались воплотить идеалы эпохи (непосредственно, позитивно или косвенным путем, негативно), то есть все то, что считалось абсолютно хорошим или особенно отрицательным в данную эпоху. Поэтому в образах Александра Невского или Меркурия Смоленского авторы изображали не столько те черты, которые были свойственны этим реальным лицам (хотя реальные черты в большей или меньшей мере в них присутствовали), сколько те именно качества, которые должны были бы у них быть как у представителей определенной социальной группы или определенной категории святых (святый-мученик, святый-воин, святый-аскет и т. д.)» [Там же]. Разумеется, эту форму типизации не имеет смысла сравнивать с той, которая позднее утвердилась в произведениях реалистического направления.

Общеизвестность нижней границы древнерусской литературы («Слово о полку Игореве») и наличие авторитетных исследований, относящих начало художественной словесности на русском языке к XVII веку, условно говоря, даёт право здесь не поднимать и вообще не касаться вопроса о переходном (от Средневековой культуры к культуре Нового времени) периоде. Д. М. Буланин в предисловии к «Словарю книжников и книжности Древней Руси» указал на важнейшее свойство русской средневековой литературы: «Вплоть до XVII в. Русь не знала беллетристики в современном смысле слова – словесность наряду с эстетической несла и деловую нагрузку» [1, с. 3]. С XVII века литература начинает приобретать светский характер. «Начало

XVII в. было временем, когда человеческий характер был впервые «открыт» для писателей во всей его сложности и противоречивости. До XVII в. проблема «характера» вообще не стояла в русской литературе. <...> Новое понимание человеческого характера начинает складываться лишь в произведениях XVII в., посвященных “Смуте“» [8, с. 219; 222]. Д. С. Лихачёв в основополагающей для понимания процесса секуляризации русской литературы статье отметил: «Человеческий характер объявляется автором второй редакции Хронографа сотканным из противоречий, сложным, в известной мере “относительным”, соотнесенным со средой, условиями жизни, особенностями биографического порядка. “Не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем”, объявляет автор Хронографа. “Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприяньственаго злокозньствия врага”, повторяет он. “Во всех земнородных ум человек погрешителен есть, и от добраго нрава злыми совратен”, иначе говоря, – каждый человек в той или иной степени “совращен” от “добраго нрава”, данного ему при рождении. Нет, следовательно, во первых, людей только злых или только добродетельных, и, во-вторых, человеческий характер формируется жизнью». [Там же, с. 224].

Развитие русской литературы в XVIII веке выводит на культурную арену сатирическую литературу, а вместе с ней и новую эстетику именования персонажей. Именно в этот период получает развитие сатирическая и ироническая аллюзия, намёк, понятный всем тем, кем должен быть понят,

иносказание, эзопов язык и т. д. Это состояние сатирического жанра и предопределило появление протонимов как средств эстетизации собственных имён персонажей, действующих и упоминаемых лиц. Однако начало было положено изобретением вымышленных имён.

Для развития литературных языков восточнославянских народов, в первую очередь, для русского литературного языка, большое значение имели филологические труды Антиоха Кантемира, по определению В. Г. Белинского, «первого светского поэта на Руси», автора «Симфонии на псалтырь» (1727 г.), знаменитой книги по стилистике художественной речи и стиховедению «Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1744 г.), обширных примечаний и комментариев к собственным стихам и переводам с древнегреческого и латинского языков. Стремление Кантемира к передаче с помощью собственных имен тонких семантических оттенков более всего видно в филологических маргиналиях к собственным стихотворным произведениям. О вымышленных именах читатель узнавал: «Вымышленным именем *Критона* (какковы будут все следующие в сатирах) (курсив в скобках мой – В. К.) означает тут притворного богочестия человек, невежда и суеверный, который наружности закона существу его предпочитает для своей корысти» (стих 26); «Под именем *Силвана* означен старинный скупой дворянин, который об одном своем поместье радеет, осуждая то, что к распространению его доходов не служит» (стих 41); «*Лука* – пьяница, с вина румяный и с вина, часто рыгая

говорит и проч.» (стих 83); «*Медор*. Щеголь тем именем обозначен» (стих 107) [6: 62 – 63]. В примечаниях ко второй сатире «На зависть и гордость дворян злонравных» А. Кантемир объясняет выбор имен для персонажей диалога: «Писана <...> разговором между Филаретом и Евгением – два подложные имена, которых первое на греческом языке изображает *любителя добродетели*, а другое – *дворянина*» [Там же, с. 69]. Поскольку имя *Евгений* в греческом языке значит ‘благородный’, *Филарет* на незаслуженные притязания *Евгения* возражает:

*Благородство, будучи заслуг
мзда, я знаю,*

Сколь важно <...>

*Но тщетно имя оно, ничего
собою*

*Не значит в том, кто себе
своею рукою*

*Не присвоит почесть ту,
добыту трудами*

Предков своих.

В примечании к стиху 77 «*Но тщетно имя оно*» указано: «Оно, сиречь благородие, дворянство». Подробно разъясняет автор сатиры и причины выбора вымышленных имен *Клит*, *Дамон*, *Туллий* и скрытое в них «содержание». О стихах 151 и 152, в которых собственное имя употреблено в предикативной функции, А. Кантемир писал: «Ты сам, новый Нарцисс, жадно глотаешь очьми себя. Тебе подобные дивятся твоему убранству; да ты и сам, как Нарцисс, не можешь на себя наглядеться, жадно себя в зеркале своем смотришь и лубуешься. *Нарцисс*, по баснословию древних, был сын реки Цефицы и нимфы Лириопеи, столь красивый, что все в него влюблялись

ся. В жаркие летние дни приклонився он к колодезю напиться и увидел себя, и сам в себя влюбился, но, узнав, что сам собою свою похоть исполнить не может, с печали умер» [Там же, с. 71].

Литераторы всегда ясно осознавали, что между реальным ономастиконом и собственными именами художественного произведения имеются существенные различия. Ориентация писателей-реалистов на правду жизни и, соответственно, на реальную онимию не мешала этому пониманию. Вот известные слова Л. Н. Толстого: «Имена действующих лиц: Болконский, Друбецкой, Билибин, Курагин и др. напоминают известные русские имена. Сопоставляя действующие не исторические лица с другими историческими лицами, я чувствовал неловкость для уха заставлять говорить графа Растопчина с князем Пронским, с Стрелецким или какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной, двойной или одинокой фамилии. Болконский или Друбецкой, хотя не суть ни Волконский, ни Трубецкой, звучат чем-то знакомым и естественным в русском аристократическом кругу. Я не умел придумать для всех лиц имен, которые мне показались бы не фальшивыми для уха, как Безухов и Ростов, и не умел обойти эту трудность иначе, взяв наудачу самые знакомые русскому уху фамилии и переменив в них некоторые буквы. Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо; в особенности потому, что та литературная деятельность, которая состоит в описывании действительно существующих

или существовавших лиц, не имеет ничего общего с той, которой я занимался...» [11, с. 358]. По сути, в данном случае можно говорить уже не о прототипах некоторых характеров, а о протонимах. Термином «протоним» в ономастике обычно называют исходное имя, послужившее началом в трансонимизационной цепочке. В данном же случае речь идёт о трансформации имён исторических лиц в антропонимы. Г. А. Силаева, исследовавшая имена персонажей романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в сопоставлении с именами прототипов, подчеркивала, что «мастер не копирует, а творчески создает художественный образ» [10, с. 58]. Использование для значительной части персонажей романа прототипов и протонимов для именования персонажей является для писателя, кроме всего прочего, своего рода мнемоническим средством, пользуясь которым автор творит и сохраняет в памяти черты создаваемых им образов.

Протонимизация поэтонимии – явление в художественной литературе, во-первых, сравнительно позднее, во-вторых, не ставшее массовым, в-третьих, вариативное. Оно нуждается в специальном поэтонимологическом «расследовании» как в общетеоретическом плане, так и в конкретных исследованиях в рамках национальных литератур.

Противостояние обыденного и филологического сознаний в процессе восприятия художественной литературы с особой отчётливостью проявляется при чтении исторических романов. При анализе ситуации с поэтонимией исторических художественных произведений и случаев её омонимии с именами реальных исторических лично-

стей выяснилось, что сказанное Л. Н. Толстым об именах действующих не исторических лиц в полной мере относится и к именам личностей исторических. Хотя следует признать, что собственное имя исторического лица имеет в сознании читателя прямую референцию с конкретной личностью, восприятие персонажа – исторической личности (и его имени) в художественном произведении осложнено и изменено преобразующим воздействием творящего сознания. Л. Я. Гинзбург в своё время писала: «Наполеон «Войны и мира» – это в предельной степени творение Толстого, концепция Толстого, но живет этот образ непрерывным соизмерением с настоящим Наполеоном. Структура образа заведомо двойная, основанная на том, что у читателя есть представление о Наполеоне» [2, с. 8]. Чтобы убедиться в том, что имя исторической личности (в данном случае Наполеона) в литературном произведении практически не используется для обозначения подлинного лица, а применяется, как правило, к сотворенному писателем образу, достаточно проследить бесчисленные употребления имени Наполеон в неограниченном числе произведений о нём разных авторов.

Решая более узкую задачу изучения функционирования поэтонима *Хмельницкий* в произведениях украинского исторического романа о временах Богдана Хмельницкого, моя аспирантка Т. Винтонив показала, что ни в одном из проанализированных произведений украинской, русской, польской и французской литератур поэтоним *Хмельницкий* не обозначал тождественные фигуры. В художественной

литературе все референты мнимые, поскольку, с одной стороны, даже реальным референтам приписываются признаки, свойства и действия, не имеющие места в действительности, а с другой – все референты существуют лишь в воображении вначале автора, а затем читателя.

Если с прототипами в литературоведческих исследованиях разбирались и маститые учёные, и их ученики и последователи, то вопрос о протонимах, в особенности, в собственно поэтономологическом плане остаётся по-прежнему малоисследованным. Если прототип может быть скрыт настолько, что для его экспликации от литературоведа требуется настоящее расследование, не всегда, впрочем, увенчивающееся результатом, то протоним так или иначе “прочитывается”. Проницательный исследователь Л. Гинзбург писала: «В «Анне Карениной» Толстой является несомненным и явным прототипом Левина, но это личное дело автора». [2, с. 13]. А вот о протонимах

имён персонажей «Войны и мира» и сам Л. Н. Толстой, чтобы быть правильно понятым, вынужден был говорить. Соприкасаясь в читательском сознании с протонимом, поэтоном испытывает “возмущающее” влияние первого, что было показано выше. Оно тем более сильно, чем более близок литературный герой реальному прототипу (вплоть до отождествления реального лица и персонажа произведения). Однако в тех случаях, когда протоним используется в качестве источника для поэтонома, именуемого вымышленный, а то и фантастический персонаж, он практически никогда не оценивается читателем с точки зрения достоверности и “документальности”, а лишь как аллюзия, нуждающаяся в разгадке, и как средство поэтики. Между полюсами этой бинарной оппозиции располагаются варианты и вариации отношений между названной диадой и поэтономом, которым несть числа и которые нуждаются в кропотливых поэтономологических исследованиях.

Библиографические ссылки

1. Буланин Д. М. Предисловие // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л. : Наука, 1987. 493 с.
2. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л. : Советский писатель, 1979. 223 с.
3. Зелинский Ф. Ф. Воскресшие поэты: 1. Вакхилид // Ф. Ф. Зелинский. Из жизни идей : научн.-поп. ст. СПб. : Алетейя ; Логос – СПб., 1995 ; Репринт. изд. Изъ жизни идей. Научно-популярные статьи проф. Петроградского университета Ф. Зѣлинскаго. Изд. третье, испр. и доп. – Петроградъ : Тип. М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28, 1916. С. 53 – 95.
4. Калинин В. М. Поэтика онима. Донецк : Юго-Восток, 1999. 408 с.
5. Калинин В. М. Материалы к «Словарю поэтономов в творчестве А. С. Пушкина» (роман «Евгений Онегин») // В. М. Калинин. Теория и практика лек-

- сикографии поэтонимов (на материале творчества А. С. Пушкина). Донецк : Юго-Восток, 1999. 247 с.
6. Кантемир А. Сатиры // Русская литература XVIII века. Л. : Просвещение, 1970. С. 59 – 77.
 7. Карпенко Ю. О. Літературна ономастика : зб. ст. Одеса : Астропринт, 2008. 328 с.
 8. Лихачев Д. С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 218 – 234.
 9. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Д. С. Лихачев. Избранные работы: В 3 т. Т. 3. Л. : Худ. лит., 1987. 520 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://likhachev.lfond.spb.ru/Articles/ch.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
 10. Силаева Г. А. Имена персонажей в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» в сопоставлении с именами прототипов // Исследования языка художественных произведений : материалы XVII зонал. конф. кафедр рус. яз. сред. и ниж. Поволжья, посвящ. памяти проф. В. А. Малаховского. 20 – 22 мая 1974 г. Куйбышев, 1975. С. 58 – 61.
 11. Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Л. Н. Толстой. Собр. соч. : в 22 тт. М. : Худ. лит., 1981. Т. 7. С. 356 – 366.
 12. Энгельс Ф. Письмо Маргарет Гаркнесс. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenincrew.com/letter-margaret-harkness> (дата обращения: 03.03.2019).

V. M. Kalinkin

PROTOTYPE – PROTONYM versus POETONYM

The debatable problem of the metalanguage of poetonymology as an interdisciplinary science is considered: the content of the concept of «poetonym» in relation to the philological dyad, designated, on the one hand, by the literary term «prototype», and on the other, by the concept entrenched in poetonymology – «protonym». The insufficiently studied aspects of the formation of the properties of characters in Russian literature are marked with dotted lines. The properties of anthropoetonyms that are determined by the use of the poetonymological methods and which depend on the nature of the relationship in the dyad 'prototype – protonym' are shown.

Keywords: anthropoetonym, poetonym, poetonymology, protonym, prototype, type, character.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ И ОНОМАСТИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ИНОБЫТИЕ ИМЕНИ»**

В статье рассматривается лингвокультурологическое и ономастическое содержание понятия «инобытие имени», указываются основные причины проникновения «чужих» проприальных единиц в онимное пространство русского языка и отдельные особенности их функционирования, описываются некоторые механизмы взаимодействия «инокультурной» по происхождению онимии с семиосферой русской культуры.

Ключевые слова: бытие, инобытие, лингвокультура, семиосфера, онимогенез, интеграционный потенциал онима.

В семиосфере любой культуры носителями языка данной национальной культуры легко обнаруживается «свое» и «чужое». Как правило, по этому признаку не составляет особого труда и разграничение собственных имён.

Имена собственные функционируют в языке и культуре, которым они принадлежат, иначе говоря, в своей лингвокультуре. По отношению к последней они представляют собой особую систему знаков, которой присуща выраженная подвижность. Она отражается в разнообразных проявлениях языкового и культурного планов, тесно взаимосвязанных между собой: историческом, национально-этническом, социальном, религиозном, духовно-нравственном, идеологическом, ментальном, прагматическом и других. Динамический процесс функционирования имен в родной лингвокультурной стихии схож с действием живого организма в подвижной, противоречивой, изменчивой, но *своей* природной среде – пространстве своего *происхождения, проживания, существования, жизнедеятельности, бытования,*

экзистенции. Семантическое содержание предлагаемого синонимического ряда обуславливает нашу интенцию позаимствовать термин из философского обихода и назвать этот процесс *бытием* имени собственного.

«*Бытие*» в его основном понятии – это фундаментальная философская категория, устанавливающая связь между существующими независимо от человеческого сознания реальными объектами, явлениями, процессами, с одной стороны, и человеческим обществом, самим человеком и миром в целом, с другой. Впервые понятие *бытия* появилось в учении элейтов. Согласно древнегреческому философу Пармениду, основателю Элейской школы, *Бытие* – это все то, что есть, все существующее, сущее. Взгляды мыслителя дошли до нас в уцелевших отрывках его метафизической поэмы «О природе», в которой автор провозглашает тождественность *Бытия* и мышления, а также тезис о том, что *Бытие* есть, и помимо него ничего нет:

...мыслить и быть – не одно ли и то же? [7: 179].

Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо

Есть лишь «Быть», а Ничто – не есть... [7, 179].

Высказанные Парменидом идеи создали предпосылки для дальнейшего поиска сущности *бытия* и определили направление развития философии на столетия вперед, заложив краеугольный камень онтологии. Их осмысление вызвало к жизни *идеи* и *иное* («*свое иное*») Платона, *материю* и *форму* Аристотеля, *благо* и *зло* Августина, *бытие* и *ничто* Гегеля и философские воззрения многочисленных других мыслителей и ученых древности, средневековья, новой и новейшей истории – вплоть до наших дней. Иными словами, понятие *бытия* Парменида стало революционным прорывом к философскому познанию мира, которое в дальнейшем было востребовано всеми известными мыслителями, направлениями и школами, приносящими в него собственные мировоззренческие трактовки и разрабатывавшими новые концепции и учения.

Задача настоящей работы не предполагает развитие или инновационное истолкование идеи *бытия* в философском ключе. В предельно общем смысле *бытие* выражает понятие, объем которого «все существующее без исключения». Максимально универсальная семантическая валентность этого понятия допускает возможность терминологически распространить его на функционирование имени собственного в лингвокультуре как принадлежности к «существующему» (в дальнейшем – *бытие имени собственного в лингвокультуре*).

Как элементы языка имена в полной мере подчиняются морфоло-

гии, синтаксису, способны к деривации, обладают семантикой и этимологией. Но кроме включения в систему естественного языка в качестве лексических единиц, собственные имена обладают значительным концептуальным потенциалом: их аксиологические свойства максимально проявляются в этнокультурной специфике. По выражению А. В. Суперанской, «...собственные имена как лингвистическая категория состоят из тех же элементов, что и остальные слова, но обслуживают человеческий коллектив иначе» [5].

Имя бытует синхронически и диахронически – во времени и месте своего этноса. Триада время – место – этнос образует хронотоп культуры. Онимогенез как «всеобщий процесс возникновения, развития в языке и в речи выдающихся языковых личностей собственных имен, а также разнообразных их превращений, включая прекращение функционирования в качестве проприальной единицы» [1, с. 185], раскрывает динамическую сущность онима, обусловленную хронотопом культуры. В динамике этого процесса имя может терять или оставлять на периферии некоторые свойства (например, память об исходной семантике), но, аккумулируя в себе исторические, социальные, духовные, этнические и тому подобные компоненты, приобретать другие проявляющиеся в языке и речи качества, параметры которых делают его представителем онимной системы *своей* лингвокультуры. Подобные процессы происходят во всех разрядах проприальных единиц, но наиболее ярко ощущаются в антропонимах и топонимах. В дальнейшем мы ограничиваемся примерами личных собственных имен.

Антропонимические системы разных языков никогда не совпадают. Именослов человеческого коллектива – племени, народности, народа – всегда подчиняется законам языка этого коллектива, представители которого с детства впитывают родную лингвокультуру и функционирующие в ней имена. При освоении национального имени в памяти человека создается своеобразная база данных. Усвоенные антропонимические модели способствуют образованию в сознании морфологически узнаваемого национального стандарта «своего» имени, с которым затем автоматически сопоставляются другие, попадающие в поле зрения и сортируемые по принципу их «свойства» или «чужести».

Благодаря наличию ассоциативно-культурной ауры имени мы знаем, к примеру, о принадлежности имени Иван к русскому ономастикону, тогда как Джон, Хуан, Ганс, Иоганн, Ян, Ованес – иностранные имена, соответствующие русскому «Иван», также как Поль, Пол, Паоло, Пабло соответствуют имени Павел из русского онимного ассортимента. Возникает закономерный вопрос об обусловленности появления и функционирования имен в чужом языке.

Имена приходят в чужую лингвокультуру разными способами – путем заимствования, калькирования, переименования. В реальной жизни они чаще всего мигрируют вместе со своими носителями. Миграция людей – явление не только физического плана, но и социального. Адаптация в новом социуме включает в себя вовлеченность в быт, трудовую деятельность и другие сферы жизни. Среди прочих процессов

запускается механизм интеграции в новую лингвокультуру. Индивид появляется в инокультуре со своим именем, которое не входит в антропонимическую систему языка принимающей страны и не подчиняется ее законам. До тех пор, пока сохраняется его *status quo*, имя и его носитель остаются для нового сообщества чужими.

Так, летом 1959 года в Москве на американской национальной выставке в парке Сокольники политический деятель СССР Н. С. Хрущев в ходе дебатов с вице-президентом США Ричардом Никсоном произнес ставшую впоследствии широко известной фразу «Мы вам покажем кузькину мать!». Застигнутый врасплох переводчик использовал для объяснения русскоязычной идиомы выражение «Kuz'kina mother», чем крайне озадачил всю американскую делегацию. Не меньшее замешательство и еще более широкий резонанс вызвала та же фраза советского лидера на 15-й Ассамблее ООН, переведенная на этот раз иначе: «We'll show you what's what» – «Мы покажем вам, что есть что» [2]. Не до конца ясное по содержанию, но сопровождающееся экспрессивным стилем речи докладчика, выражение было воспринято как некая угроза со стороны «русских». Так или иначе, но исконно русская «мать Кузьмы» и само имя «Кузьма»¹ стали достоянием мировой политической общественности. Однако с тех пор ни одна страна не присвоила его к своему национальному имени: вычлененное из своей лингвокультуры имя, механиче-

¹ Происходит от греч. Κοσμάς – *мир, порядок, вселенная*, сближенное в др.-русском с нарицательным *кузнец*.

ски помещенное в инокультурную среду, осталось для последней иноязычным, чужим.

Тем не менее многочисленные примеры эмиграции свидетельствуют, что имена могут успешно интегрироваться в новые этнокультурные условия. К примеру, знаменитые основатели и владельцы концерна Warner Brothers Production, выходцы из Польши (по другим источникам – из Белоруссии), эмигрировав в США, преобразовали свои имена и фамилию Гирш, Аарон, Шмуль и Ицхак Вонсколасеры (по другим, белорусским, источникам – Вороны) во вполне узуальные в американском антропонимическом поле Гарри, Альберта, Сэма и Джека Уорнеров. В их случае была удачно подобрана не только фонетическая форма их имен, но и фамилия приобрела внутреннюю семантику: *Warner* – *warner* – *предупреждающее устройство, сигнализатор* (от *warn* – предупредить, предостерегать) [8]. В настоящее время без дополнительной информации трудно усмотреть «русский след» в американской истории братьев Уорнеров, так же как, например, и братьев Шенков (Josef Michael and Nicolas Michael Shenk – Иосиф и Николай Штейнкеры из Рыбинска Ярославской области), первый из которых стал основателем Голливуда, а второй создал крупнейшую фирму «Metro-Goldwyn-Mayer».

На протяжении многих веков пристанищем для представителей разных этносов была и остается Россия. Истории их имен сколь многочисленны, столь и многообразны. Одной из них является история ассимиляции фамилии *Фонвизин* в русскоязычной

культуре. Род Дениса Ивановича Фонвизина, известного русского литератора, имеет немецкое происхождение (*von Wiesen*). Документальные свидетельства о его предке, взятом в плен в ходе Ливонской войны² бароне Берндте-Вольдемаре *Фон-Фиссин*, переименованного на русской службе в Петра Владимировича, датируются второй половиной XVI века. Его потомки имели русские имена Денис, Борис, Юрий и переоформленную фамилию *фон Виссин*. Один из следующих представителей рода принял православие и стал зваться Афанасием с фамилией, вновь подвергнутой изменениям за счёт утраты одного согласного, – *Фон-Висин*. На следующем этапе в той же локации появился интервокальный звонкий – *Фон-Визин*. Так подписывал свои произведения автор «Недоросля», который позже стал с подачи А. С. Пушкина *Фонвизиным*³. В таком виде фамилия окончательно утвердилась после 1917 года [4, с. 3]. В ней частично остались отголоски исходного происхождения (самый очевидный – приставка «фон»: признак дворянского титула старинного аристократического рода в Германии), но благодаря особому культурному статусу носителя, фамилия вошла в историю русской культуры еще до установления фонетической и графической норм ее употребления.

Каждый антропоним обладает своим интеграционным потенциалом. Фамильному имени *Фонвизин* для его

² 1558 – 1583 гг.

³ А. С. Пушкин в письме брату в ноябре 1824 г.: «Не забудь фон-Визина писать Фонвизин. Что он, нехристь?! Он русский, из перерусских русский!» [6].

реализации и ассимиляции в русской ономастической и культурной среде понадобилось несколько столетий. Вырванное из своего культурного контекста, имя вступает в сложные взаимоотношения с системой языка, ономастической системой и системой нравственных ценностей новой для него культуры. В незатухающем процессе ономогенеза запускается операция адаптации онима к функционированию на новой лингвокультурной почве с одновременным его отторжением родной средой обитания. Имя утрачивает признаки, актуальные в своем культурном поле, замещая их другими, приспособительными для новой ипостаси. Возникает любопытнейшая ситуация пограничного существования проприальной единицы как чуждой одновременно и своей, и чужой лингвокультурным системам. Имя может полностью или частично адаптироваться к инокультурной среде и ассимилироваться ею или быть отторгнутым. Но до той поры происходит *нечто* – переход имени от своего *бытия* в *необытие* на новой этнокультурной почве. Это промежуточное состояние мы называем *инобытием собственного имени*.

В заключение можно сделать ряд выводов. Каждый оним обладает определенным набором признаков. Он живет по законам своего языка и является носителем информации, отража-

ющей особенностью своей лингвокультуры. Будучи перемещенным в языковую среду другой культуры, он утрачивает ряд своих признаков за ненадобностью или неактуальностью в новом языке, но, в свою очередь, приобретает новые качества, невозможные прежде в рамках родной языковой системы. На чужом лингвистическом поле имя стремится преодолеть барьер языковой несовместимости и либо адаптируется к новым условиям, либо отторгается ими. При транспортировке оним оказывается в необычной ситуации, когда нарушаются нормы обоих языков, и конфликт двух лингвокультур порождает промежуточное состояние имени, его *инобытие*.

Возникает интерес к исследованию процессов, в которые вовлекается оним на «пути» к ассимиляции чуждой ему антропонимической культурой. *Инобытие* онима, несомненно, должно стать объектом внимания ономастологов, так как этот аспект функционирования имен не изучен ни с лингвокультурологической позиции, ни с позиции поэтономологической, что не менее интересно. Наличие актуальной проблематики открывает перед исследователем широкое поле деятельности и побуждает рассмотреть на уровне семантики, стилистики и поэтики, что происходит с онимом в условиях его *инобытийности*.

Библиографические ссылки

1. Калинин В. М. Вольтер. Материалы к словарной статье // Филологические исследования. Донецк, 2004. VII. С. 184 – 211.
2. Кузькина мать [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кузькина_мать, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 21.01.2019).
3. Русева Л. Сатиры смелой властелин // Смена. 2007. № 7 (1713). С. 177 – 187.

4. Савченко И. А., Дубинин С. И. Российские немцы в Самарском крае. Самара : Самар. ун-т, 1994. С. 7 – 19.
5. Суперанская А. В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М. : Наука, 1970. С. 7 – 17.
6. Фонвизин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lastnames/13552>, свободный. Яз. рус. (дата обращения: 11.02. 2019).
7. Эллинские поэты VIII – III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. М. : Ладомир, 1999. 515 с.
8. АБВУУ Lingvo x3. Электронный словарь / АБВУУ Lingvo. Вып. 14.0.0.442: АБВУУ, 2008. (дата обращения: 25.04.2019).

O. V. Osborneva

LINGUO-CULTURAL AND ONOMASTIC CONTENT OF THE CONCEPT «OTHERNESS».

The article discusses the linguo-cultural and onomastic content of the concept «otherness of a name», the main reasons for the penetration of «foreign» proprial units into the onymy space of the Russian language and certain features of their functioning are pointed out, some mechanisms of interaction of the «other-cultural» onymy with the semiosphere of Russian culture are described.

Keywords: being, otherness, linguo-culture, semiosphere, onymogenesis, onym integration potential.

УДК 81'373.2

И. А. Герасименко

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИФОНИЯ ЭРГОНИМОВ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию эргонимикона современного Донбасса и проблеме чистоты русской речи. Цель работы – описать языковые средства актуализации эргонимного ландшафта Донецкого края и указать на возможные негативные последствия, вызванные языковой модой, экспансией иноязычных заимствований и орфографической свободой носителей русского языка.

Ключевые слова: эргоним, лингвокультурный, Донбасс, номинация, оним, транслитерация, трансонимизация, экология языка.

Эргонимия каждого региона – является исключением. Современные это сплав универсального и специфичного, сочетание общих и отличительных черт номинации внутригородских объектов. Эргонимикон Донбасса не является исключением. Современные эргонимы Донецкого края маркируют культурные представления проживающих в нём этносоциумов, ценностные стереотипы общества, сведения об

исторических фактах, политических предпочтениях, эстетических вкусах, о традициях и устоях населяющих регион народов и народностей. Эргонимы современного Донбасса также отражают языковую моду и орфографические вкусы эпохи. Цель статьи – описать эргонимное пространство Донбасса, в котором зафиксирована не только лингвокультурная полифония Донецкого края, но и языковая мода, экспансия иноязычных заимствований, а также орфографическая свобода носителей русского языка. Материалом исследования послужили номинации городской среды Донецка, Горловки, Макеевки и Енакиева.

Полилингвальность Донбасса обусловлена историческими условиями, в которых происходили процессы становления Донецкого края и которые способствовали формированию многонационального и многоконфессионального состава его населения. По данным Главного управления статистики Донецкой Народной Республики на 1 октября 2018 года общая численность населения ДНР составила 2 миллиона 800 тысяч человек [5]. Народ Республики – это 120 национальностей, в числе которых русские, украинцы, греки, белорусы, болгары, татары, евреи, молдаване и др. При этом на 2014 год в национальном составе населения региона русские являлись крупнейшей этнической группой (Донецк – 48,2 % русских и 46,7 % украинцев, Енакиево — 51,4 % русских и 45,3 % украинцев, Макеевка — 50,8 % русских и 45,0 % украинцев) [8]. Ранее, в 2001 году, по результатам проведённой первой и единственной переписи населения Украины в Донецкой обла-

сти русский язык считался родным для 74,9 % населения, в то время как украинский язык – только для 24,1 % населения [6]. Как следствие, исторические и социальные процессы, обусловленные становлением и развитием региона, а также культурные представления проживающих в Донецком регионе этносоциумов, смена ценностных стереотипов общества повлияли на формирование номинаций его внутригородских объектов.

Современный Донбасс как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен представлен своим специфическим эргонимиком и способами его актуализации» [4, с. 245]. Эргонимная полифония Донецкого края существует в когнитивном контексте (ментальном пространстве, по Дж. Лаккоффу), отображённом в знаменитых слоганах «*Слава шахтёрскому труду*» и «*Донбасс никто не ставил на колени*».

Концептуализация Донбасса как шахтёрского и свободолюбивого края через механизмы репликации существует во множестве текстов общего регионального пространства. Среди них слоганы: *Шахтерскому труду – почёт; Славься, шахтёрский труд; За свободный Донбасс; При длительном нажиме на Донбасс хрупкий уголь превращается в алмаз*. Концептуализация Донбасса, шахтёрской славы и свободы связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна, шахтёрского труда и борьбы за свободу своего края. Концепты донбасского и шахтёрского кластеров явились «ономасиологическим основанием» для формирования его эргонимикона.

Основу эргонимов Донбасса (названий делового объединения людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков (см.: [9, с. 151]) составляют фирменные и городские имена как официальные наименования, под которыми предприятия осуществляют свою коммерческую деятельность и совершают кредитно-финансовые операции. Среди них известными номинациями в Донбассе являются: *гостиница «Шахтарочка», ТРЦ «Декор-Донбасс», стадион «Донбасс Арена», кинотеатр «Шахтёр», продуктовый магазин «Шахтёр», продуктовый магазин «Шахтёрский», Дворец культуры «Кочегарка», ансамбль народного танца «Шахтёрские огоньки», заслуженный ансамбль народного танца «Горняк».*

Эргонимный ландшафт Донбасса связан и с процессом глобализации, охватившим все сферы современной жизни и проявившим себя в семиотическом пространстве региона, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в онимах *ТЦ «Green Plaza»; гостиница «Liverpool»; пиццерия «New York Street Pizza»; спортивный клуб «My fitness»; магазин обуви «Step»* и др. К нетранслитерованным эргонимам Донбасса также принадлежат иноязычные наименования: *Донецкий аквапарк «Aquasferra»; магазины «Colin's» и «Zoo land»; магазин одежды «Glamour»; рестораны «Paradise» и «Barberry»; ресторанный комплекс «Family Club»; предприятие по производству мебели «Idea».* Данные номинации характери-

зуются тем, что являются оригинальными языковыми знаками, которые перенесены из языка-источника в том виде, в котором существуют в момент заимствования, поэтому полностью соответствуют своим иноязычным эквивалентам в языке-источнике. Их использование является манипулятивным и представляет, по мнению учёных, реальную опасность в поликультурном мире.

Иноязычные заимствования занимают значительное место в эргонимиконе Донбасса. Они представлены единицами разной степени освоенности. Так, существуют номинации, оформленные кириллицей и латиницей. Ср. примеры гибридизации: *Васелёк Tech* (студия веб-дизайна); *Лидер Group* (рекламное агентство). Как заметил В. Г. Костомаров, «громадную роль в определении нынешнего орфографического вкуса следует приписать рекламе и в целом масс-медиа. Формируясь на рубеже лингвистических и графических, точнее – всех изобразительных средств (вплоть до цвета и звука), они принципиально переплетают языковую и внеязыковую стороны, что и вызывает органическую потребность в новых типах письменного оформления текста» [7, с. 281 – 282].

В Донбассе, как и в других регионах, понятие «иностранный» зачастую ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними разработками. Поэтому одна из тенденций современного эргонимикона Донецкого края – оформление средствами латиницы освоенных русским языком иноязычных слов. К таким транслитерованным эргонимам относятся номинации, гра-

фическое оформление которых реализовано средствами русской графики. Ср.: ТРЦ «Атриум» (от лат. *atrium* ‘большое открытое пространство внутри здания’), ТРЦ «Донецк Сити» (от англ. *city*), кинотеатр «Фунтура синема» (от англ. *cinema*), гостиница «Мотель» (от англ. *motel*), магазины «Киндер» (от нем. *kinder* ‘дети’) и «Фокс» (от англ. *fox* ‘лиса’).

Графическое оформление эргонимов Донбасса также реализуется путём транслитерации русских и украинских слов средствами латиницы. Ср. номинации, которые, на наш взгляд, крайне отрицательно сказываются на экологии родного языка, формируют у молодого поколения неадекватное восприятие иноязычных слов как «модных», «престижных», «повышающих статус» коммерческого заведения: *Dondass Palace* (гостиница), *Arkadia* (ресторанный комплекс), *Shakhtar Plaza* (гостиница), магазины «Обувноу» и «Tuffelka».

Наряду с влиянием англоязычной культуры, следованием западной моде, в выборе языковых средств номинации в эргонимиконе Донбасса сохраняется украинская лингвокультура. Она зафиксирована в широком спектре номинаций. Среди них магазины «Мрія», «Тютюн», «Крапка»; магазин спортивного питания «Проминь» (укр. *промін* ‘луч’), рестораны «Будьмо» и «Нова Зустріч»; ресторан фьюжен «Первак» (укр. *первак* ‘первач, самогон’), где англ. *fusion* – термин, обозначающий направление в искусстве, сочетающее западно-европейскую академическую музыку и неевропейский фольклор; рестораны «Гуляй Хата», «Янона Хата».

Примечательно, что используемые в языке Донбасса проприальные единицы отображают когнитивно-дискурсивные практики разных народов. Примером могут служить вовлеченные в процесс трансонимизации прецедентные имена. Ср. особенности их использования в примерах типа *магазин вечерних платьев «Венеция»*; *ресторан «Monet»*, названный в честь французского живописца и основателя импрессионизма Оскара Клода Моне; *магазин «Монро»* как аллюзия на имя известной личности Мэрилин Монро.

В пространстве номинаций Донбасса отдельный пласт представляют названия, в которых отображена история региона. Ср.: ТЦ «Юзовский: основанный в 1869 году «посад с упрощенным городским управлением, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии при реке Кальмиусе и балке Скоморошке, на земле Новороссийского металлургического общества» [11, с. 327 – 328].

Эргонимикон Донбасса как многослойный феномен сохраняет номинации советской эпохи. К маркерам советского времени принадлежат номенклатурные наименования предприятий донецкого края типа «Продукты», «Хозяйственный», «Молоко», «Хлеб», «Булочная», «Океан», «Зоомагазин». Данные онимы лишь указывают на сферу деятельности предприятия, поэтому передают информативно-прагматическую функцию, но не обладают ярко выраженным речевым воздействием на адресата.

В языке современного Донбасса активно употребляются ретрономинации, включающие элементы дореволюционной орфографии и пре-

цедентные имена России: *рестораны* «Багратионъ» и «Трактиръ»; *магазин* «Булкинъ», *пекарня-кондитерская* «Wolkonsky». Использование буквы Ъ и фамилии известного знатного рода Волконских вызвано стремлением следовать письменной архаике и воссоздать колорит старины, которые ассоциируются со стабильностью, традициями и историей Российской империи. Как пишет В. Г. Костомаров, «любование упразднёнными буквами старой азбуки есть, конечно же, проявление крайности моды на книжность» [7, с. 280].

Другой пример – *кинокофейня им. А. Ханжонкова*, названная в честь известного российского предпринимателя и организатора кинопромышленности, пионера русского кинематографа Александра Ханжонкова, который родился в Макеевке (ранее – Макеевский уезд Таганрогского округа, Область Войска Донского Российской империи) в 1877 г. *Ханжонков* – прецедентное имя, используемое в эргонимиконе Донбасса и выступающее когнитивным контекстом, который обеспечивает понимание данной номинации и возводит коммерческое предприятие в ранг престижных.

Одним из популярных способов образования эргонимов является трансонимизация – переход онимов из одного подразряда имён собственных в другой. Трансонимизация «топоним – эргоним» отображена в названиях: *ресторан* «Куба»; *ресторан* «Пекин»; *гостиница* «Прага». Путём трансонимизации образована номинация популярного в Донецке паназиатского ресторана «Адачи». Когнитивным контекстом, который стоит за данным именем и «претендует» на его понима-

ние, является название японского сада-музея, в котором растения выступают его основными экспонатами; в свою очередь, этот сад-музей назван по имени его основателя – Адачи Дзенко.

К трансонимизированным единицам принадлежит и название *Донецкого дельфинария «Немо»*. Когнитивным контекстом данного онима выступает имя персонажа (поэтоним *Немо*) фантастического романа Ж. Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Другие примеры: *ресторан* «Остров сокровищ» как номинация, образованная от одноимённого названия приключенческого романа шотландского писателя Р. Стивенсона; *рестораны* «Три товарища» и «Три толстяка» – номинации, восходящие к одноимённому роману Э. М. Ремарка и одноимённой сказке Ю. Олеши соответственно. Данные когнитивные контексты, как справедливо пишет Н. Н. Болдырев, «стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [3, с. 23].

Эргонимная полифония Донбасса представлена также названиями, образованными от имён героев сказочных и мультипликационных произведений. Ср.: *детский магазин* «Чебурашка» (который назван именем персонажа, придуманного писателем Э. Успенским в 1966 году, одного из главных героев книги «Крокодил Гена и его друзья»); *магазин детских товаров* «Колобок» (названный по имени героя одноимённой русской народной сказки); *магазин детских товаров* «Умка» (трансонимизация имени медвежонка из одноимённого мультфильма советского кинематографа); *магазин детских игрушек* «Капитошка» (название восходит к имени литературного и мульти-

пликационного персонажа, созданного детским писателем Н. А. Гузеевой); *детский магазин «Gulliver»* (в номинации которого латиницей отображен поэтоним тетралогии Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»). Безусловно, эти и подобные названия формируют ассоциативный фон, по которому составляется представление о виде деятельности городского объекта. Данные названия не только вызывают ассоциации с известными персонажами, но и делают эргонимы информативными, отвечают требованиям нейминга (ср. также эргонимы, ассоциативно указывающие на ассортимент товаров: *магазина «Малыш», «Любимая книга», «Книжный мир», «Клякса»*). Фоновая информация, которую несут в себе анализируемые названия магазинов, выстраивается на нескольких уровнях: ментальном и эмоциональном, сознательном и подсознательном, отвечая ожиданиям покупателей.

В эргонимиконе Донбасса встречаются также номинации, образованные не только от поэтонимов, но и от мифонимов – названий вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства, восходящих к мифам и сказкам. Так, номинация *Республиканской мобильной связи «Феникс»* восходит к имени мифологической птицы Феникс, символизирующей вечность и возрождение и ассоциирующейся с самоотверженностью и преданностью делу, обновлением и бессмертием. В названии *сети магазинов «Геркулес – МоЛоко»* (с «необоснованным чередованием кириллицы и латиницы в одной лексической единице или номинации» [12, с. 121]) использовано имя древнегреческого мифологического героя,

символизирующего силу и здоровье; в эргониме *гостиницы «Олимп»* использовано название священной горы, на которой, согласно древнегреческой мифологии, пребывали боги во главе с Зевсом. Эти и подобные номинации А. В. Беспалова считает «чрезвычайно специфическими» и поэтому относит их к символически мотивированным [2, с. 92].

Когнитивно-дискурсивный ландшафт Донбасса также характеризуется функционированием в эргонимиконе астронимов типа *ТЦ «Меркурий», ТЦ «Галактика»*.

Расширение ономастического пространства современного Донбасса стало возможным и в результате введения в его поле названий, имеющих в своей основе элементы рифмы. Появление в современном русском языке рифмованных сложных слов типа *супер-пупер, танцы-шманцы, муси-пуси, ширли-мырли, фигли-мигли, шурум-бурум, трали-вали, итучки-дрючки, тары-бары-растабары* привело к возникновению следующих эргонимов: *рестораны «Ёксель-моксель», «Кухен-Игрукен», «Абра-кадабра», «Ё-Моё», «Опля-Картопля»*. В этих словах-гендиадисах второй компонент представляет собой фонетическую трансформацию первого, повторяющую его с изменением начального звука или группы начальных звуков. Как пишет Е. А. Земская, к слову прибавляется рифмованное эхо, слово-отзвучие, что создаёт экспрессивный эффект. При этом «эхо-конструкции могут выражать разного рода смысловые и экспрессивные оттенки, а могут быть лишены какой-либо семантики, выступая лишь в роли шутливой рифмовки

[10, с. 193]. В эргонимиконе словагендиадисы обеспечивают установку «на привлечение внимания потенциальных потребителей посредством необычности самой эргонимической конструкции, демонстрирующей лингвокреативную деятельность номинатора, а также выступающей вербальным инструментом воздействия, манипулирования сознанием посредством слова, что способствует повышению спроса к рекламируемому товару» [1, с. 49].

Итак, проанализированные эргонимы как языковые знаки внутригородских объектов отображают лингвокультурную полифонию Донецкого края, его облик и эстетические предпочтения. Однако бесспорным является тот факт, что они являются современным Донбасса функционально, семантически, структурно и орфографически находятся в контексте влияния вкуса эпохи на языковую жизнь общества. Донбасс – знаковый континуум, содержательная сторона которого создаёт информационное пространство, и в нём образ региона прорисовывается в различных смысловых модальностях. Эргонимикон – это лишь один из ценностных источников информации, отражающий морально-этические принципы общества, его традиции, картину жизни и быта, этноспецифические характеристики языкового коллектива. Поэтому включение иноязычной лексики и элементов латинского алфавита в коммерческую номинацию должно быть более взвешенным и оправданным. Названия коммерческих заведений не должны определяться языковым произволом, так как это распатывает графические, орфографические и

лексические нормы русского языка как государственного Республики.

В аспекте этой проблемы кафедра общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков» разработала программу «Экология современной русской речи», направленную на повышение грамотности жителей Горловки, учеников школ и студентов вуза. В рамках этой программы коллектив кафедры работает по следующим направлениям: изучение языка современного города и региона в целом (урбанимикон Горловки, эргонимикон Донбасса); анализ языка мультипликационного дискурса; чтение лекционных курсов «Лингвоэкология» (для аспирантов), «Активные процессы в современном русском языке» (для магистрантов), «Деловое общение в профессиональной сфере» (для бакалавриата), направленных на освещение проблемы чистоты русской речи. В планах кафедры изучение разговорной речи в межличностной коммуникации: «уровень «сниженности» (просторечия, обценные слова, жаргонизмы); рассмотрение забытого этикета и забытых слов эмпатического и толерантного общения; способов повышения качества публичного и межличностного общения. Считаем, что реализация заявленного проекта через сферу высшего филологического образования может способствовать воспитанию общественного вкуса в языковой коммуникативной среде, привив который мы получим будущих педагогов, владеющих хорошей и правильной речью, что сводится, по сути, к правилам хорошего тона.

Библиографические ссылки

1. Багирова Е. П., Гаврилова Э. О. Языковой имидж современного города (на материале топонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1. № 4 (4). С. 43 – 55.
2. Беспалова А. В. Структурно-семантические модели эргонимов и их употребление в современном английском языке (на материале названий компаний) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки». Одесса, 1989. 183 с.
3. Болдырев Н. Н. Когнитивная лингвистика. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. 251 с.
4. Герасименко И. А. Эргонимное пространство современного Крыма // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция : науч. докл. участников междунар. форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24 – 26 мая 2018 г.) / под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. Брянск : АВЕРС, 2018. С. 254 – 258.
5. Главное управление статистики Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://glavstat.govdnr.ru/file:/// C:/Users/User/Downloads/chisl_naselenie_1018.pdf](http://glavstat.govdnr.ru/file:///C:/Users/User/Downloads/chisl_naselenie_1018.pdf) (дата обращения: 15.01.2019).
6. Государственный комитет статистики Украины [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/publications/#p1> (дата обращения: 02.02.2019).
7. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб. : Златоуст, 1999. 320 с.
8. Кто живёт в Донбассе? Национальная идентичность жителей ДНР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vostokizapad.wordpress.com/2016/11/22/kto-zhivet-v-donbasse> (дата обращения: 25.01.2019).
9. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Наука, 1988. 187 с.
10. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Наука, 1983. 239 с.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. 576 с.
12. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография]. М. : Гнозис, 2010. 293 с.

I. A. Gerasimenko

**LINGUO-CULTURAL POLYPHONY OF THE MODERN DONBASS
ERGONYMS THROUGH THE LENS OF THE PROBLEM
OF LANGUAGE PURITY**

The article deals with the investigation of the Modern Donbass ergonyms and the problem of speech purity. The work describes the linguistic means of actualization of the Donbass ergonymic landscape and points out the possible negative consequenc-

es caused by modern trends in language, expansion of the loaned words, neglect of spelling rules by the Russian-speaking people.

Keywords: ergonym, linguo-cultural, Donbass, nomination, onim, transliteration, transonimisation, speech purity.

УДК 81.373.2

Н. Б. Фельдман

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛЕКСИКИ АТОМНОЙ ОТРАСЛИ

Ономастическое пространство лексики атомной отрасли включает антропонимы и прозвищные имена, астионимы, карабонимы как вид порейонимов, хрематонимы и эргонимы. Основные характеристики анализируемого ономастического пространства заключаются в географической отнесённости, наличии признаков, характерных для специальной лексики, и возникновении особого лексического значения, обусловленного их функционированием в профессиональном дискурсе.

Ключевые слова: ономастическое пространство, астионимы, карабонимы, хрематонимы, эргонимы, профессиональный дискурс, специальная лексика.

Термин «ономастическое пространство» был введён в научный оборот А. В. Суперанской, которая определила его как сумму имён собственных, употребляющихся в языке определённого народа с целью именованья реальных, гипотетических и фантастических объектов, основанных на модели современного мира с включением элементов прежних эпох [11, с. 9]. При этом ономастическое пространство не сводится к пространству языка, а относится в большей степени к человеку определённой культуры, это «мир окружающих человека собственных имён» [Там же, с. 11]. Ономастическое пространство также определяется как «комплекс собственных имён всех рядов, употребляемых данным народом в данный период» [9, с. 104].

А. В. Суперанская выделяет внутри ономастического пространства

ономастические поля, объединённые в систему с набором различных параметров: территория, время, тема, характеристики и категории объектов и т. п. [11, с. 12]. Это определение конкретизируется Н. В. Подольской, которая называет ономастическое поле частью ономастического пространства, содержащей онимы определённого вида [9, с. 103].

Между тем современные исследователи используют термин «ономастическое пространство» в более узком объёме, выделяя отдельные области и категории, например: ономастическое пространство чатов [1], ономастическое пространство английского языка [4], ономастическое пространство русской армии [10] и др. В контексте классических определений эти области являются семантическими полями, объединёнными одной темой, но с точки

зрения когнитивной лингвистики, использующей когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых явлений [17, с. 80], рассматриваемые сферы можно назвать особыми пространствами. Эта точка зрения отражается, в частности, в исследовании О. А. Поповой и О. В. Соболевой, указывающих на то, что совокупность имён собственных, относящихся к определённой сфере деятельности человека, можно считать ономастическим пространством [10, с. 129].

Целью настоящего исследования является системное описание ономастического пространства лексики атомной отрасли, включающего онимы различных разрядов.

Анализируемый нами языковой материал отобран методом сплошной выборки и включает 628 языковых единиц, в том числе 216 антропонимов, 20 астионимов, 13 карабонимов, 50 хремотонимов, 329 эргонимов.

К антропонимам лексики атомной отрасли можно условно отнести имена известных учёных – участников атомного проекта СССР. Естественно, эти имена являются частью общего русскоязычного антропонимического пространства, но в рамках профессионального дискурса атомной отрасли фамилии учёных, внесших значительный вклад в создание ядерного щита страны и развитие мирной атомной энергетики, окрашиваются мелиоративной коннотацией, что позволяет выделить их как отдельную группу персоналий, связанную с отраслевыми научными и техническими достижениями. Список персоналий [8] содержит имена 216 русских и немецких учёных – участников Атомного проекта СССР.

У некоторых участников Атомного проекта зафиксированы прозвища. Н. В. Подольская определяет прозвище как дополнительное имя, данное человеку окружающими, связанное с его характерной чертой, жизненными обстоятельствами или данное по какой-либо аналогии [9, с. 115]. Так, например, руководителя Атомного проекта СССР И. В. Курчатова звали Борода. По воспоминаниям коллег, он выглядел очень моложаво и отпустил бороду, чтобы казаться старше и солиднее. А. Ф. Иоффе получил прозвище Папа, и в источниках встречаются два варианта его возникновения. По одной версии, однажды П. Л. Капица и А. Ф. Иоффе прогуливались по Монмартру. Некие молодые люди предложили Капице проводить его в ночной клуб за скромное вознаграждение, на что он, указывая на Иоффе, предложил вначале спросить разрешения у его папы, а суровый «папа» отказал ему в такой возможности [15]. По другой версии, А. Ф. Иоффе звали Папой из-за его заботы о своих учениках [2]. Самого же П. Л. Капицу звали «Кентавр». Как вспоминает академик Исаак Халатников, это прозвище дал ему А. И. Шальников: «Один знакомый А. И. Шальникова, впервые встретившийся с П. Л. Капицей, был шокирован его нелюбезностью (а возможно, и грубостью). Под свежим впечатлением он спросил у Александра Иосифовича: «Так кто же ваш директор – человек или скотина?», на что Шальников дал мгновенный диалектический ответ: «Он – кентавр»» [14]. Л. Д. Ландау коллеги и ученики звали наш Дау, а он сам любил шуточно объяснять происхождение этого прозвища от французского прочтения

его фамилии: Landau - L'ane Dau (осел Дау) [15]. А. С. Щербак и А. А. Бурыкин называют процесс получения прозвища «универсальным антропонимическим актом», наглядно демонстрирующим «универсальную доступность наречения лица или объекта для каждого из пользователей языка» [16, с. 216].

В группу астионимов атомной отрасли входят 10 названий ЗАТО – закрытых административно-территориальных образований, а также 10 городов-спутников предприятий атомной отрасли [3]. Критерий включения в этот список заключается в том, что

возникновение города, качественный скачок в его развитии, присвоение статуса города связаны именно со строительством объекта либо предприятия атомной отрасли. Соответственно, в анализируемый нами список не вошли города, в которых расположены предприятия атомной отрасли, но имеющие свою историю возникновения и развития, непосредственно не связанную с этими предприятиями, например, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск. Данные о возникновении и изменении названий анализируемых астионимов представлены в табл. 1.

Таблица 1. Астионимы атомной отрасли

Современное название	Первоначальное название, год основания	Специфика, примечания
Волгодонск	Волгодонск, 1950	Город-спутник Ростовской АЭС. Своим рождением Волгодонск обязан строительству Волго-Донского судоходного канала
Глазов	Глазов, статус города с 1870	Градообразующее предприятие – Чепецкий механический завод. Четыре версии происхождения названия, наиболее вероятная – по фамилии основателя
Десногорск	Десногорск, 1974	Город-спутник Смоленской АЭС. В 1973 году среди рабочих был объявлен конкурс на лучшее название поселка. Среди вариантов были: Мечтал (мечта Ленина), Курчатовск (в честь академика Курчатова) и другие. В итоге утвердили Десногорск [6]
Димитровград	Мелекесс, 1698; Димитровград, 1972	Градообразующее предприятие – НИИАР. Город назван в честь Генерального секретаря ЦК БКП Георгия Димитрова (1882 – 1949)

Современное название	Первоначальное название, год основания	Специфика, примечания
Железногорск	Почтовый ящик № 9, 1954 – 1956; Красноярск-26, 1950 – 1994; Железногорск, 1994	Градообразующее предприятие – ГХК. Железногорск – для закрытой переписки и партийных органов. Его также называли «Соцгород» (до 1954 года), «Девятка», «п/я 9», «Атомград» (неофициальные названия)
Заречный ЗАТО	Заречный, 1958 – 1962; Пенза-19, 1962 – 1992; Заречный ЗАТО, с 1992	Градообразующее предприятие «ПО „Старт“ имени М. В. Проценко». Из отдельного района Пензы Заречный был преобразован в город Заречный. До 1994 года отсутствовал на всех картах
Заречный	Заречный, 1955	Город-спутник Белоярской АЭС
Зеленогорск	Заозёрный-13; Красноярск-45	Градообразующее предприятие – Электрохимический завод
Курчатов	Курчатов, 1956	Градообразующее предприятие – Курская АЭС. Назван в честь И. В. Курчатова
Лесной	Горный, 1947 – 1954; Свердловск-45, 1954 – 1994; Лесной, с 1994	Градообразующее предприятие – комбинат «Электрохимприбор»
Нововоронеж	п. Ново-Грэсовский, 1957; Нововоронеж, с 1959	Город-спутник Нововоронежской АЭС
Новоуральск, с 1994	Свердловск-44, 1954 – 1994; Новоуральск, с 1994	Градообразующее предприятие – Уральский электрохимический комбинат. Основан в 1941 году
Озёрск	База-10, 1945 – 1954; Челябинск-40 («Сороковка»), 1954 – 1966; Челябинск-65, 1966 – 1994; Озёрск, с 1994	Градообразующее предприятие – ПО «Маяк»
Полярные Зори	Полярные Зори, с 1968	Город-спутник Кольской АЭС

Современное название	Первоначальное название, год основания	Специфика, примечания
Саров	Саров, с 1706, 1946 – 1954: Объект 550; База 112; Шатки 1; Москва центр 300; Приволжская контора Главгорстроя СССР	Градообразующее предприятие – РФЯЦ-ВНИИЭФ. История названия – по реке Саровке, от финно-угорской основы «сара» – болото, заболоченная река. Названия с 1954 года – по настоящее время: Кремлёв – название секретное; Арзамас-75 – почтовое; Арзамас-16 – почтовое; Кремлёв, с 1994 – открытое; Саров, с 1995 – открытое [5]
Северск	Поселок Берёзки, 1951 – 1954; Почтовый ящик № 5, (неофициальные названия: Пятый Почтовый, Почтовый); Томск-7 (официальное название); Северск, с 1954	Градообразующее предприятие – СХК
Снежинск	Жилой посёлок № 2, 1955 – 1957; Касли-2, 1957 – 1959; Челябинск-50, 1959 – 1966; Челябинск-70, 1966 – 1993; Снежинск, с 1993	Градообразующее предприятие – ВНИИТФ
Сосновый Бор	Сосновый Бор, с 1958	Город-спутник Ленинградской АЭС. В России 43 топонима Сосновый Бор
Трёхгорный	Златоуст-20, 1955 – 1967; Златоуст-36, 1967 – 1993; Трёхгорный, с 1993	Градообразующее предприятие – ПСЗ
Удомля	Удомля, с 1478	Город-спутник Калининской АЭС

Часть названий городов, приведённых в таблице, представляет собой криптонимы – тайные имена, известные только посвящённым. Это объясняется секретностью, и получали такие названия, как правило, города, связанные с созданием ядерного оружия или его компонентов, а у всех городов-спутников АЭС возникновение названий не отличается от традиционных типов именования. С секретностью связана и смена одного ойконима-криптонима другим. На родине ядерной бомбы – в Сарове – названия закрытого города насчитывают 9 вариантов. Интересно, что в итоге городу вернули первоначальное, историческое название, тесно связанное с именем Серафима Саровского и Саровской пустыни. Кроме того, названия закрытых городов: *Челябинск-50, Почтовый ящик № 5, Объект 550, База 10* и подобные – можно отнести к фиктонимам, то есть онимам, придуманным для скртия настоящего имени объекта [9, с. 156]. Наличие в ономастическом пространстве атомной отрасли топонимов формирует широкую географическую отнесённость: топонимическое поле распространяется от северо-запада России до Сибири и Крайнего Севера.

По мнению В. И. Супруна, названия кораблей – карабонимы – являются первичными в порейонимии, включа-

ющей названия любых транспортных средств [12, с. 333]. В группу карабонимов атомной отрасли включены 13 названий атомных ледоколов: «Ленин», «Севморпуть», «Арктика» (в период с 1982 года и до 1986 года ледокол «Арктика» носил имя «Леонид Брежнев»), «Сибирь», «Россия», «Советский Союз», «50 лет Победы», «Ямал», «Таймыр», «Вайгач», «Арктика» (тип ЛК-60Я), строящиеся «Сибирь» и «Урал». Карабонимы атомной отрасли образованы преимущественно от топонимов (76,9 %) и антропонимов (7,7 %) способом трансонимизации: «Ямал», «Ленин»; от праздничных дат (7,7 %) с помощью онимизации: «50 лет Победы»; от апеллятивов путём смешанной аббревиации словосочетания (7,7 %): «Севморпуть». Большинство используемых топонимов имеют отношение к Северному морскому пути, в честь которого был назван атомный лихтеровоз: Арктика, Таймыр, Вайгач, Ямал, Урал, Сибирь.

В исследуемом языковом материале анализируются 50 хремотонимов атомной отрасли – имён собственных, называющих ядерные реакторы и исследовательские установки. К наиболее продуктивным способам образования хремотонимов атомной отрасли в русском языке относится онимизация апеллятивов. Типы образования хремотонимов представлены в табл. 2.

Таблица 2. Хремотонимы атомной отрасли

Тип образования	Количество	Пример
Звуковая аббревиация	5	Реактор «Руслан» (<i>реакторная установка с литиево-алюминиевым наполнением</i>)
Смешанная аббревиация	1	Токамак (<i>ток, камера, магнит, катушка</i>)

Тип образования	Количество	Пример
Сложные слова	1	Установка гамма-излучения «Гаммарид»
Апеллятивы	19	Критический стенд «Квант»
Личные имена	2	Реактор «Аннушка»
Прецедентные имена	5	ПАТЭС «Академик Ломоносов»
Топонимы	2	Передвижная атомная энергетическая станция «Памир»
Номенклатурные единицы	15	Гамма-аппараты АГАТ-С, АГАТ-Р

Следует отметить, что именован- ние реактора «Аннушка» представляет собой деминутив. Хремотонимы атом- ной отрасли обладают особым лекси- ческим значением, в основе которого лежит уникальность называемого объ- екта и выражается отношение говоря- щего к нему, а лексическое значение первичных единиц, от которых образо- ваны хремотонимы атомной отрасли, в большинстве случаев делает их значе- ние немотивированным, что объясня- ется необходимостью соблюдения сек- ретности в процессе создания и экс- плуатации называемых механизмов.

Эргонимы атомной отрасли включают 329 наименований, среди которых десять именован- ний атомных электростанций (АЭС) и 319 названий предприятий атомной отрасли.

Названия АЭС представляют собой словосочетания, где главное слово – это звуковая аббревиатура АЭС, а зависимое – прилагательное в именительном падеже женского рода, образованное от топонима: *Смоленская АЭС*. Принцип выбора топонима – географическая близость. 20 % названий АЭС сохранили уже не существующие топонимы: *Калининская АЭС* и *Ленин-*

градская АЭС (от советских названий Твери и Санкт-Петербурга – Калинин и Ленинград соответственно). *Кольская АЭС* получила имя по названию соот- ветствующего полуострова, остальные названия образовались от ойконимов. Этот процесс Н. В. Подольская называ- ет иррадиацией – распространением основы географического имени данно- го объекта на другие, обычно близко лежащие объекты [9, с. 63].

И. А. Тортунова определяет две основные функции эргонимов: инфор- мационную и воздействующую [13, с. 126]. Для эргонимов атомной отрас- ли [7] первая функция является опре- деляющей. Среди анализируемых еди- ниц можно выделить несколько групп. Предметом нашего анализа стали две категории: внешний вид эргонима, включающий графическое исполнение и синтаксические особенности, а также наличие в многословном эргониме онимов других категорий или произ- водных от него. Следует отметить, что юридическо-правовая форма организа- ции – *ФГУП, АО, ООО* и т. п. – не вхо- дит в состав эргонима.

По особенностям графического исполнения выделяются кирилличе-

ские (89 %) и некириллические (11 %) названия: *АО «Первая горнорудная компания», Mantra East Africa Limited.*

С точки зрения синтаксических особенностей можно выделить следующие номинации:

- 1) однословные названия (22,8 %): *ФГУП «РАДОН»; АО «Атом-энергосектор»;*
- 2) словосочетания, в том числе:
 - простые (11,2 %): *ФГУП «Горно-химический комбинат»; АО «Северские тепловые системы»;*
 - сложные (66 %): *АО «Федеральный центр ядерной и радиационной безопасности»; ООО «Ядерные медицинские технологии – Снежинск».*

В составе многословных эргонимов мы выделили следующие группы онимов и их производных (общая доля всех групп составляет 36,9 % анализируемых единиц):

- 1) апеллятивы (17,8 %), использующиеся в составе многословного эргонима в роли онима (название как выделение единичного предмета), в том числе:
 - значимые имена нарицательные: *ОАО «Всерегionalное объединение “Изотоп”»; ФГУП «Производственное объединение “Маяк”»;*
 - аббревиатуры разных типов: *АО «НИКИМТ “Атомстрой”»; ФГУП «Предприятие по обращению с радиоактивными отходами “РосРАО”»;*
- 2) антропонимы (4,4 %), использующиеся в качестве мемориального имени [9, с. 124], в со-

ставе оборота «имя + инициалы и фамилия учёного в родительном падеже единственного числа»: *Всероссийский научно-исследовательский институт автоматики имени Н. Л. Духова; Опытное конструкторское бюро машиностроения имени И. И. Африкантова;*

- 3) топонимы и их производные (14,7 %), в том числе:
 - собственно топонимы: *машиностроительный завод «ЗиО Подольск»;*
 - относительные прилагательные, образованные от топонимов: *Смоленская АЭС – сервис; Ковровский механический завод.*

Таким образом, ономастическое пространство атомной отрасли за счёт наличия в нём астионимов и эргонимов охватывает достаточно широкий пространственный ареал. Будучи частью профессионального дискурса, анализируемый языковой материал обладает некоторыми особенностями языка специальных целей. В частности, имена учёных – участников Атомного проекта СССР, входящие в русский ономастикон, для людей, имеющих отношение к атомной отрасли, окрашены мелиоративной коннотацией, а хрематонимы, немотивированные для обычных носителей языка, у сотрудников отрасли прочно ассоциируются с конкретными механизмами и установками, т. е., выполняют номинативную функцию и выражают отношение говорящего к объекту. Это сближает ономастическое пространство лексики атомной отрасли со специальной лексикой.

Библиографические ссылки

1. Аникина Т. В. Политизированные никнеймы в ономастическом пространстве чатов // Политическая лингвистика. 2001. № 1 (35). С. 198 – 201.
2. Его называли «Папа Иоффе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/27913/episode_id/1241776/video_id/1397323/ (дата обращения: 10.05.2019).
3. Города Росатома [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gorodarosatoma.ru/allcities> (дата обращения: 29.11.2018).
4. Градалева Е. А. Реализация культурно значимых образов в ономастическом пространстве английского языка // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2015. № 5 (18). URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2142> (дата обращения: 17.10.2018).
5. История наименования места [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vniief.ru/presscenter/zatosarov/namehistiry/e35ea9804970769993e7bb971ecf5820> (дата обращения: 08.12.2018).
6. Козырев С. А. Десногорск // География, 2003. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://geo.1september.ru/article.php?ID=200300103> (дата обращения: 06.11.2018).
7. Перечень организаций Госкорпорации «Росатом» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ar2016.rosatom.ru/upload/RUS/Files/List_1_RUS.pdf (дата обращения: 11.01.2019).
8. Персоналии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biblioatom.ru/founders> (дата обращения: 15.03.2019).
9. Подольская Н. В. Словарь ономастической терминологии. М. : Наука, 1978. 198 с.
10. Попова О. А., Соболева О. В. Ономастическое пространство русской армии (на материале наименований военной техники и вооружения) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). В 2 ч. Ч. 2. С 129 – 131.
11. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
12. Супрун В. И. Порейонимы в ономастическом поле: интра- и интеръязыковые связи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/7692/332-335.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 02.02.2019).
13. Тортунова И. А. Эргоним как инструмент речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. С. 124 – 136.
14. Халатников И. М. Дау, Кентавр и другие (Совершенно не секретно) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer7/Halatnikov1.php> (дата обращения: 14.02.2019).
15. Хуторской А. В., Хуторская Л. Н. Увлекательная физика : сб. заданий и опытов для школьников и абитуриентов с ответами. М. : АРКТИ, 2001. 192 с.

16. Щербак А. С., Бурькин А. А. К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник ТГУ. 2009. Вып. 9 (77). С. 213 – 217.
17. Юдина Н. В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? [монография]. М. : Гнозис, 2010. 293 с.

N. B. Feldman

ONOMASTIC SPACE OF NUCLEAR INDUSTRY VOCABULARY

The onomastic space of the nuclear industry vocabulary includes anthroponyms and nicknames, astionyms, Karaonymus as a type of Poonyonyms, chrematonyms and ergonyms. The main characteristics of the analyzed onomastic space are geographically related, the presence of features characteristic of special vocabulary, and the emergence of special lexical meaning due to their functioning in professional discourse.

Keywords: onomastic space, astionyms, carabonyms, chrematonyms, ergonyms, professional discourse, special vocabulary.

РОЛЬ УЧЕНИЯ ИМАМА АБУ ХАНИФЫ В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ ГУМАНИЗМА И ВЕРОТЕРПИМОСТИ

В статье автор рассказывает о знаменитом мусульманском ученом Абу Ханифе, учение которого сыграло важную роль в деле распространения идей человеколюбия и веротерпимости. Абу Ханифа внес огромный вклад в развитие религиозно-правовой мысли ислама, впоследствии основав одну из крупнейших школ мусульманского мира – ханафитский мазхаб. С именем Абу Ханифы знакомы и сторонники иных конфессий и мировоззрений, оно стало достоянием общемировой правовой культуры. Исследование выполнено в рамках работ по гранту РФФИ (проект № 18-31100269/18).

Ключевые слова: религия, гуманизм, наука, ученый, факих, исламское право, фикх, мазхаб, религиозно-правовая школа, хадисы.

«...Тот, кто хочет познать мир, – должен обладать большими и глубокими познаниями; тот, кто хочет поклоняться Богу, – должен обладать знанием, глубоким пониманием и поступать в соответствии с ними» [7, с. 14].

Абу Ханифа

Исторически ислам сложился не только как система верований и обрядов, но и как рациональная система представлений об устройстве государства, общества и права, включающая в себя различные науки [2, с. 85]. Ислам придает большое значение познанию, процессу передачи и приобретения знаний. Позитивное отношение ислама к развитию наук неоднократно отмечали многие ученые, историки и обществоведы, например, такие, как А. Мюллер (нем. Friedrich August Müller: 03.12.1848 – 12.09.1892) – немецкий ориенталист; В. В. Бартольд (03.11.1869 –

19.08.1930) – российский и советский востоковед, арабист, исламовед; Л. Бернارد (англ. Bernard Lewis: 31.05.1916 – 19.05.2018) – британский и американский историк, востоковед; В. М. Порохова (14.05.1940) – российский профессиональный переводчик-синхронист с английского языка и мусульманский общественный деятель; К. Армстронг (англ. Karen Armstrong: 14.11.1944) – британский религиовед, философ и публицист и др. [9, с. 6].

Для исламского мировоззрения характерны высокая оценка разума и знания как некий закон поиска истины. Разум, знание и истина – это взаимосвязанные понятия, которые занимают особое место в исламской культуре. Исламское вероучение рассматривает себя, прежде всего как понимание о правильном устройстве земной жизни. Знание высоко оценивается в Коране, а его изыскание – это обязанность каждого мусульманина. «Ищите знания,

хотя бы и в Китае, ведь поиск знания – обязанность мусульманина» [10, с.13]. Получение знаний стало одним из требований исламской культуры, которое заставляет странствовать ради обретения ценных познаний, тем самым фиксируя их в рукописях и книгах, собрания которых составляли целые библиотеки. Исламская этика побуждает ученого никогда не отказывать в обучении других, поскольку знания – не есть индивидуальное достояние обладателя и ученый не имеет права оставлять его только для себя. «Один из хадисов называет ученых наследниками пророков; если учесть, что эпоха пророчества, согласно исламскому учению, завершилась со смертью Мухаммеда, получается, что ученым отдана высшая ступень в иерархии живущих» [Там же].

После смерти пророка Мухаммеда развитие исламской системы мировоззрения как некой рациональной системы, впоследствии включившей в себя различные науки, не прекратилось, особенно в области общества и права. Характерной чертой ислама является то, что он никогда не разделял жизнь на духовную и мирскую, вследствие этого во многих мечетях открылись образовательные центры, в которых преподавали многие ученые мусульманского мира.

Необходимо подчеркнуть, что Коран (араб., الْقُرْآن – аль-Қур’ан) и Сунна (араб., سُنَّة – Сунна) по своей сути не являются исходным, т. е. «чистым» источником определения правовых норм. Для того чтобы превратить тот или иной отрывок коранического текста или положения, зафиксированного в хадисах в правовую норму, об-

ладающую несомненным авторитетом, необходима серьезная и кропотливая работа факихов (араб., فقيه – ученый). Дело в том, что текст Корана и Сунны – это не юридический документ, предполагающий ясное и недвусмысленное определение всех деталей правоведения. Оснастить весьма расплывчатые (с юридической точки зрения) указания Корана и Сунны всем необходимым, превратив их в текст, устанавливающий правовые нормы, и есть обязанность факиха. Однако далеко не во всех случаях Сунна и Коран высказываются однозначно по одному и тому же вопросу, и чтобы установить конкретную юридическую норму, обосновав свое решение, факиху требуется эрудиция и серьезная квалификация. Нередко единства мнений среди факихов не удается достичь, и разные школы исламского права – мазхабы (араб., مذهب – мазхаб) – высказываются различным образом по одним и тем же вопросам [Там же, с. 32]. Одним из таких знаменитых и выдающихся ученых был имам Абу Ханифа, с именем которого неразрывно связаны само понятие мусульманской правовой науки – фикха (араб., فقه – фикх) и одна из крупнейших школ исламского права – ханафитского мазхаба. Деятельность грамотного религиозного просвещения Абу Ханифы сыграла важную роль в деле распространения идей человеколюбия и веротерпимости.

Еще на ранней стадии формирования фикх разделился на несколько мазхабов, главными из которых считались пять, получивших названия по именам их основателей. Это – ханафитская (араб., حنفية), или иракская, шко-

ла, основателем которой был АбуХанифа (ум. в 767 г. по христианскому летоисчислению); маликитская (араб., *المالكي*), или мединская, школа, основатель – Малик б. Анас (араб., *ابن مالك*, *الأصمعي*, ум. в 795 г. по христианскому летоисчислению); шафиитская (араб., *الشافعي*), основатель – аш-Шафии (араб., *إدريس بن محمد*, ум. в 820 г. по христианскому летоисчислению); ханбалитская (араб., *حنبل بن علي*), основатель – Ахмад б. Ханбал (араб., *حنبل بن أحمد*, ум. в 855 г. по христианскому летоисчислению); джафаритская (араб., *الجافري*), или имамитская, основатель – шестой имам шиитов-имамитов Джафар ас-Садик (араб., *الصادق جعفر*, ум. в 765 г. по христианскому летоисчислению). Четыре из вышеуказанных школ являются мазхабами суннитского направления в исламе, пятая школа представляет собой мазхаб шиитского направления в исламе [9, с. 23 – 25].

Полное имя Абу Ханифы: Абу́ Хани́фа ан-Нумáн ибн Са́бит аль-Ку́фи (араб., *ابن ثابت بن النعمان حنيفة ابو الكوفي*). Согласно наиболее достоверным сообщениям родился он в 80 г. по Хиджре (5 сентября 699 г. по христианскому летоисчислению) в городе Куфа в Ираке. Абу Ханифа с детства учил Коран наизусть и был глубоко верующим человеком, выросшим в религиозной семье, где знание Корана было чем-то само собой разумеющимся. Прославился же он тем, что часто читал Коран вслух, цитируя наизусть [7, с. 10, 12].

Во многом успех Абу Ханифы на религиозно-научном поприще определил и город, в котором он рос и получил образование, поскольку Куфа,

наряду с Басрой, был крупным религиозно-научным центром не только Ирака, но и всего халифата. Именно этому городу того времени предстояло стать сосредоточением оживленной научной деятельности, какой не было, по всей вероятности, в те времена ни в каком другом месте. Такие науки, как мусульманское богословие, арабская грамматика и филология получили свое начало именно в Ку́фе (араб., *الكوفة* – Эль-Ку́фа, или Ку́фа) и Ба́сре (араб., *البصرة*). В области фикха (исламского права) эти города представляли рационалистическую тенденцию в исламской науке и в этом качестве противостояли традиционалистской школе, представленной на родине ислама – в Хиджа́зе (араб., *الحجاز*) (Мекке и Медине). Школа Хиджаза была ориентирована на буквальном понимании исламских первоисточников – Корана и Сунны, не выходя за их рамки. В Ираке религиозная традиция подвергалась рациональному осмыслению со стороны факихов, благодаря которым вопросы решались, в том числе и с помощью умозрительных методов. Как правило, данное различие объясняется тем, что в Хиджазе исторически проживало много сподвижников пророка Мухаммеда – основных носителей традиции, выраженной в передаваемых из уст в уста хадисах (изречениях пророка), в то время как иракская школа мусульманской учености формировалась сравнительно далеко от родины ислама и не имела в своем арсенале такого же количества хадисов, что в итоге побудило неоднократно обращаться к умозрительным приемам [8].

К изучению исламского права, или фикха, Абу Ханифа приступил в

двадцать два года, его занятия проходили в центральной куфийской мечети. На занятиях обучающиеся всецело были поглощены наукой и получением знаний, ночи напролет разбирая сложные вопросы фикха. Будущий ученый сразу же осознал, что следует учиться не у одного, а у нескольких правоведов, что поможет изучить многие аспекты фикха с разных сторон, избрав лучшего из факихов, который бы позволил завершить его образование и чьи советы были бы для него предпочтительны. Таким наставником стал один из выдающихся ученых того времени Хаммад ибн Аби Сулайман (араб., حماد بن سدل يمان ابي بن), у которого было много учеников, но самым талантливым из них оказался Абу Ханифа, ставший достойной сменой своему наставнику после его смерти (120 г. по Хиджре, 738 г. по христианскому летоисчислению). Абу Ханифа занял место в одной из мечетей города Куфа, где разбирал сложные юридические дела и выносил решения по многим важным правовым вопросам того времени. Именно в этот период особенно ярко проявились его блестящие дарования и определились правовые нормы, составившие основу ханафитского мазхаба как одной из мусульманских правовых школ [7, с. 15 – 17].

Особенностью этой школы является то, что Коран принимается как источник права целиком и безоговорочно; Сунна принимается как независимый источник, но только после тщательного отбора хадисов; иджма́ (араб., إجماع – согласованное мнение), унаследованное от предшественников, учитывается только в том случае, если оно исходит от тех же людей, которые счи-

таются передатчиками достоверных хадисов. Однако при исследовании новых вопросов принимается иджма всякой другой группы авторитетных лиц, и, таким образом, создается возможность возникновения региональных иджма. Кияс (араб., قياس – суждение по аналогии) может строиться на любом достоверном материале и не всегда в порядке его авторитетности, но обязательно с глубоким логическим обоснованием. Как метод, с помощью которого может быть исправлено решение на основании кияса, если такое ведет к вредному или абсурдному результату, применяется истихсан (араб., استدحسان – предпочтительное решение). Мазхаб Абу Ханифы допускает широкое применение обычного права урф (араб., عرف – один из источников исламского права, представляющий собой традиционно распространенные в исламском обществе мнения) как вспомогательного, но независимого источника права, что позволяет упрощать деловые отношения, вступать в деловые и бытовые контакты с иноверцами, получать значительные послабления в быту [5, с. 274].

Средневековый мусульманский учёный-историк, хафиз Хатиб аль-Багдади (араб., الخطيب البغدادي, 1002 – 1071 гг.) в сочинении «История Багдада» приводит слова самого имама Абу Ханифы: *«Я даю предписания на основании Книги Аллаха. Если я чего-то не обнаруживаю, то обращаюсь к Сунне пророка. Если же я не обнаруживаю доказательной основы для правового предписания и там, то я обращаюсь к высказываниям сподвижников пророка. Делая это, я не выхожу за пределы того, что ими сказано. Причем я не*

ставлю между ними (сподвижниками) различий» [6].

К особым наставникам Абу Ханифы многие ученые-исламоведы относят представителей рода пророка Мухаммеда. Во время своих поездок в Хиджаз Абу Ханифа встречался с несколькими из них. В Медине он виделся с Мухаммадом ибн Зайн-аль-Абидином (араб., زين بن محمد (العباديين)), которого за его глубокие познания называли аль-Бакыр (араб., الباقر) – вскрывающий. В то время он уже предстает как знаменитый факих, который прославился своими рациональными методами в праве, хотя самостоятельным факихом Абу Ханифа стал только в 40 лет. Следует отметить, что его жизнь была достаточно богата на встречи с выдающимися современниками, у многих из которых он черпал знания. В его биографиях часто упоминаются те ученые, которых следует считать его учителями, такие как Амир ибн Шурахбилъ (араб., بن امير (شورخ بيل)), Шааби Куфи (араб., شاذلي), Зияд ибн Илака (араб., بن زايد (كوفي)), Ади ибн Сабит (араб., بن عدي (ادلاك)), Катада Басри (араб., كتاد (ثابت)), Мухаммад ибн Мункадир Мадни (араб., ماديون موند كاديرون بن محمد), Симак ибн Харб (араб., بن سيماك (خابر)), Кайс ибн Муслим Куфи (араб., (الكوفي مسلم بن قيس)), Мансур ибн Умар (араб., عمر بن منصور) и многие другие, которые являлись одними из самых выдающихся ученых своей эпохи и внесли немалый вклад в развитие религиозно-правовой мысли будущего знаменитого факиха Абу Ханифы [8].

Следует отметить, что имам Абу Ханифа за свою жизнь разобрал множество сложных и запутанных дел,

вынес большое количество остроумных решений. Абу Ханифа записывал и изучал очень много вопросов по фикху, однако не все его сочинения дошли до нас, несмотря на это Абу Ханифа оставил после себя немало книг: «Китаб-уль-Асар» (араб., كتاب المعصر) – книга, созданная на основе семидесяти тысяч хадисов; «Аль-Фикх аль-Акбар» (араб., مرتاد بن ال كاه) – важный фикх (труд по исламскому праву); «Китабуль Рад аляль Кадирия» (араб., ال قادية على الرد ك تاب) – ответ кадаритам (араб., قادية – сторонники концепции об абсолютной свободе воли человека); «Алим-уаль-мутааллим» (араб., الاموت ال يم علم) – наука и ее изучение; «Рисаля» (араб., رساله) – трактат, научный труд; «Джамиуль Масанид» (араб., مسند جمل) – научный труд, включающий в себя 118 хадисов из раздела молитв; «Аль-Уасия» (араб., الوصية) – завещание и др. Многие мусульманские учёные полагают, что труды Абу Ханифы также отражены в книгах, написанных его учениками, такими как Абу Юсуф (араб., ابو يوسف) 112 – 183 гг. по Хиджре; 730 – 799 гг. по христианскому летоисчислению) и Мухаммад Шайбани (араб., شاذلي بن محمد), ум. в 189 г. по Хиджре; 805 г. по христианскому летоисчислению).

У Абу Ханифы было много учеников и последователей, которые классифицировали и записывали его решения по самым различным вопросам, а также переданные от Абу Ханифы хадисы пророка Мухаммеда, например, Ибрахим бин Тахман, учёный Хорасана; Асад бин Амру аль Баджили; Исмаил бин Яхья Сайрафи; Хасан аль Каззаз; Хафс бин Абдурахман аль-

Кади, его сын Хаммад; Дауд Тгаи; Зуфар бин Хузейль; Саад бин Сильт; Сулейман бин Амру аль-Нахаи; Абдуллах бин аль-Мубарак; Мухаммад бин Хасан Шайбани; Яхья бин Аюб Мисри; Кади Абу Юсуф и десятки других учеников и современников. Количество учеников Абу Ханифы – имамов, записавших его труды в ханафитском мазхабе, – достигает 40 человек, а учёный Абуль Муайяд Мухаммад бин Махмуд Ховарезми (араб., المؤيد أبو و خوارزمي محمود بن محمد) собрал все переданные от Абу Ханифы хадисы в одном сборнике, достигшем 800 страниц, который был издан в Египте в 1326 г. по Хиджре (1908 г. по христианскому летоисчислению) [4]. Впоследствии этому благородному делу посвящали себя не только те, кто был лично знаком с Абу Ханифой, но и те, кто уже не застал его в живых. Все они систематизировали и упорядочивали суждения учёного, которые составили основу особого ханафитского мазхаба [7, с. 28].

Сегодня ханафитский толк является традиционным мазхабом для большей части мусульман Российской Федерации, стран СНГ, Сирии, Египта, Северной Африки, не говоря уже о Хиджазе и Ираке, и до сих пор многие правовые вопросы, связанные с бытом, решаются согласно этому мазхабу, который в свое время стал в Османской империи основой всего законодательства [1, с. 3].

В настоящее время в соответствии с политической обстановкой ислам испытывает сильное религиозно-психологическое давление со стороны целого ряда влиятельных политических центров, ведущих войну за обладание «черным золотом» – нефтью. С

таких позиций в СМИ конструируется образ ислама как воинствующей и агрессивной религии. Исторически данная религия возникла и распространила свое влияние на географических территориях, богатых нефтью, что часто порождало политическое давление на эти страны, в ответ на которое появлялись радикальные движения, готовые на совершение террористических актов и военных действий. Эти движения используют «психологическую промывку мозгов» особенно среди молодежи, выявляя и привлекая религиозных фанатиков с неустойчивой психикой и сознанием, поддающимся пропаганде. Религиозная неграмотность многих верующих дает возможность манипулировать ими с помощью разного рода вербально-психологических воздействий, особенно с помощью таких терминов как «джихад» (араб., الجهاد – усердие на пути Аллаха) и «газават» (араб., غزوات – вторжение, нашествие, набег, внезапное нападение, налет), которые неправильно трактуются со стороны руководителей маргинальных сект и некоторых религиозных деятелей, преследующих политические и иные цели, тем самым используя религию как средство духовно-психологического влияния [3, с. 144 – 145]. Поэтому очень важно всегда и во все времена стремиться получать истинные знания, обучаться у грамотного религиозного деятеля, для которого религия не является оружием экстремизма. Именно таким учёным был имам Абу Ханифа, учение которого играло и продолжает играть важную роль в деле распространения идей гуманизма и веротерпимости. Ханафитский мазхаб приоб-

рел достаточно широкую популярность благодаря своей толерантности и уважительному отношению к свободе мысли, свободе слова, благодаря своей рациональности, а также благодаря тому, что это учение бережно относится к региональным традициям народов, исповедующих ислам. Одна из самых главных отличительных черт ханафитского учения, как в целом и всего ислама, – это человеколюбие [1, с. 3].

В мусульманском мире Абу Ханифа как суннитский ученый религиозно-правовой мысли ислама занимает

особое место среди остальных мусульманских факихов, являясь крупнейшей фигурой в истории классической религиозно-правовой мысли ислама, чье наследие самым действенным образом актуально для мусульман и сегодня. Последователи его школы ханафитского мазхаба встречаются на всех континентах земного шара и исчисляются сотнями миллионов. С именем Абу Ханифы знакомы и представители иных конфессий и мировоззрений, ведь оно стало достоянием общемировой правовой культуры [8].

Библиографические ссылки

1. Абдальхамид М. Т. Ханафитский фикх. Т. 1 / пер. с араб. А. Нирша ; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М. : НУР, 2013. 366 с.
2. Абдуллаева С. Ш. Ислам и наука // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 2 (14). С. 85 – 90.
3. Абдуллаева С. Ш. Религиозно-психологическое воздействие на верующих через понятие «джихад» в исламе // Вестник ВлГУ. Педагогические и психологические науки. 2016. № 25 (44). С. 143 – 150.
4. Имам Абу Ханифа. Биографии ученых, история [Электронный ресурс]. URL: <http://islamcivil.ru/imam-abu-xanifa/> (дата обращения: 08.03.2019).
5. Ислам : энцикл. слов. / Г. В. Милославский [и др.]. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 340 с.
6. Ислам : энцикл. слов. // Академик : [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/848/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9> (дата обращения: 09.03.2019).
7. Мухаммад Али ал-Кутб. Основатели четырех мазхабов : пер. с араб. СПб. : ДИЛЯ, 2013. 84 с.
8. Рустам Батыр. Жизнь и наследие Абу Ханифы [Электронный ресурс]. URL: <http://darulfikr.ru/node/5463> (дата обращения: 20.03.2019).
9. Санаи М. Мусульманское право и политика. М. : ИФРАН, 2004. 96 с.
10. Смирнов А. В. История арабо-мусульманской философии. М. : Академический Проект, 2013. 225 с.

THE ROLE OF TEACHING OF IMAM ABU HANIFA IN SPREADING OF THE IDEAS OF HUMANISM AND TOLERANCE

The author tells in the article about the famous Muslim scientist Abu Hanifa. His teaching played an important role in spreading of the ideas of humanity and tolerance. Abu Hanifa made a great contribution to the development of religious legal thought of Islam, later established one of the largest schools of Muslim world – the Hanafi mazhab. The Abu Hanifa's name is familiar to the followers of other faiths and ideologies, his name became the heritage of the global legal culture. The study was performed out within the framework of RFFI grant (project № 18311-00269/18).

Keywords: religion, humanism, science, scientist, faqih, Islamic law, fiqh, mazhab, religion-school of law, hadiths.

УДК 296.32

Т. И. Хижа

ГЕРЫ, ГИЮР И ПРОЗЕЛИТИЗМ В ИУДЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ И ИСТОРИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ, ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ

В галахической литературе существуют два противоречащих друг другу подхода к сущности гиюра, а раввинистическая традиция демонстрирует амбивалентное восприятие геров. Все это, равно как и специфика тех или иных исторических эпох, обусловило различные формы иудейского отношения к обращению неевреев: активная «миссионерская» деятельность, принудительный гиюр, ограниченный прозелитизм, квазипрозелитизм, отказ от рекрутирования неофитов. Проблема гиюра отражает исключительный «плюрализм» иудаизма и присутствие в нем двух противоположных тенденций – универсализма и изоляционизма.

Ключевые слова: религиозная конверсия, гиюр, геры, прозелиты, иудейский прозелитизм, квазипрозелиты, иудействующие.

В условиях современного пост-секулярного мира, для которого характерно переосмысление роли и места религии в общественной жизни, особую актуальность приобретает проблема религиозной конверсии. Принятию человеком конфессии иной культурного происхождения способствует множество факторов: глобализация и интенсивная миграция, сосу-

ществование и взаимодействие разнообразных этнокультурных идентичностей, рост новых религиозных движений, синкретических по своей природе, парадигма мировоззренческого плюрализма и др.

Впрочем, вопрос о выборе веры и смене религиозной/этнорелигиозной самоидентификации играл существенную роль и в предшествующие эпохи.

Особенную остроту он приобретал тогда, когда в обществе происходили процессы, подобные вышеперечисленным. Поэтому религиозная конверсия становится объектом пристального внимания исследователей, изучающих как прошлое, так и современную реальность [7].

Феномен *гиюра* – перехода в иудаизм – принадлежит к разряду тем, привлекающих активное внимание зарубежных ученых, особенно израильских, но слабо разработанных в отечественной историографии. Представления о гиоре, *герах* – тех, кто присоединился к еврейскому народу, «иудейском прозелитизме» в массовом сознании, в том числе и религиозном, порой мифологизированы. Данное исследование ставит своей целью рассмотреть основные подходы к сущности гиюра, прослеживающиеся в иудейской традиции, обрисовать отношение к прозелитам в последней, а также дать схематичный обзор истории обращений в иудаизм, обозначив наиболее важные проблемы и тенденции этого процесса.

Основные термины и подходы

Обратимся к этимологии первого из интересующих нас понятий. Гер (ивр. גר, мн. число גרים, *герим*, греческий эквивалент – *προσήλυτος*, прозелит) в Ветхом Завете — пришелец, постоянно или длительное время живущий среди иноэтнического населения; в талмудической литературе — нееврей, принявший иудаизм. В Библии упоминаются геры, подвергавшиеся обрезанию, которое приравнивало их к «природным жителям земли» и делало возможным их участие в пасхальной

трапезе¹. Со временем термин, принадлежавший социальной сфере, стал приобретать религиозные коннотации, а затем уже стал употребляться исключительно в религиозном значении (к I в. н.э.). Иудейская традиция различает два вида геров – гер-цедек и гер-тошав. Гер-цедек – праведный гер, принявший иудейскую веру из стремления к истине. Гер-тошав (гер-житель) – пришелец, живущий среди евреев, обязанный придерживаться так называемых семи заповедей сыновей Ноя, но не совершивший обрезания. Последнее является необходимым элементом процедуры гиюра (ивр. גיור), включающей в себя также погружение в микве (водный резервуар для ритуального омовения) и принятие обязательства исполнять заповеди Торы (мицвот). Гиюр женщин состоит, соответственно, из двух последних этапов. Ритуал должен совершаться в присутствии трех свидетелей, составляющих религиозный еврейский суд – *бейт-дин*. Талмудические законы требуют, чтобы кандидат был предупрежден о тяжелой судьбе народа Израиля.

В галахической (иудейской нормативной) традиции существуют два подхода к сущности гиюра. Согласно первому, гиюр – это обряд присоединения нееврея к общине Израиля, поэтому все повеления и запреты Моисеева закона распространяются на него *ipso facto*. С этой точки зрения гиюр

¹ Исх 12:48: «Если же поселится у тебя пришелец и захочет совершить Пасху Господу, то обрежь у него всех мужского пола, и тогда пусть он приступит к совершению ее и будет как природный житель земли; а никакой необрезанный не должен есть ее».

подобен физическому рождению; он совершает онтологическое изменение в природе гера, влекущее за собой ответственность перед Торой, которую несут этнические евреи. Иначе говоря, гер становится таким же евреем, как и человек, рожденный от еврейки. Принятие на себя бремени заповедей не является обязательным условием гиюра, а несоблюдение Закона не отменяет принадлежности гера к еврейству. Это классический принцип, зафиксированный в Талмуде.

Другой подход базируется на противоположной логике: нееврей принимает иудаизм, последствием этого акта является его вхождение в еврейскую общину. Здесь решающим фактором становится личная ответственность обращенного перед иудейской религией: сознательное принятие ига Торы производит радикальную перемену в духовной природе прозелита [19, с. 24 – 28]. Второй подход появился позже первого, во времена ахароним². Впервые он был официально выражен в респонсах³ 1876 г. и с тех пор основательно утвердился в текстах галахических авторитетов. Они заявляют, что человек, совершающий гиюр, но не принимающий обязательство исполнять мицвот, не становится евреем. Подобное спиритуализирующее понимание напоминает, с точки зрения некоторых авторов, христианский взгляд на обращение, как духовный акт, трансформацию сознания [Там же, с. 30 – 32].

² Поздние раввинские авторитеты; нижняя граница периода ахароним обычно возводится к XVI в.

³ Респонсы – ответы раввинистических авторитетов на вопросы еврейской общины и отдельных лиц, относящиеся к галахической сфере.

Интересно, что для религиозного течения «геров» (толк внутри русских иудействующих, возникший в XIX в.) было характерно похожее восприятие перехода в иудейство. Они считали, что «природный еврей», не выполняющий закона, остается евреем при любых обстоятельствах. К «пришельцу» же предъявляются жесткие требования: «А гер что? Пока он выполняет строго все заветы, он еврей, а чуть отступил, сегодня не помолился, завтра с мужиком в трактир пошел, послезавтра пьяный напился и нехорошим словом уста свои осквернил, – он уже не еврей. И всякий скажет: “Какой он гер – мужик пьяный, больше ничего!”» [3, с. 289 – 290]. Исследователь движения иудействующих А. Л. Львов полагает, что такой взгляд на «герство» находится в противоречии с Галахой, а объяснение ему предлагает искать в русской традиционной культуре [24]. Но, как мы видим, данное мнение вполне коррелируется с поздней галахической традицией. Конечно, в христианской культуре есть все основания для такой интерпретации религиозного обращения. Церковному крещению, трактуемому как новое рождение, должна предшествовать кардинальная перемена сознания (вера и покаяние), без которой невозможно осмысленное произнесение крещальных обетов и отречений. При этом и само таинство производит метаморфозу в человеке. Вере, однако (крещаемого, или его родителей и восприемников), отдается безусловный приоритет. Можно предположить, что на возникновение нового подхода к сущности гиюра отчасти повлиял христианский дискурс.

Отношение к герам

Известно, что любовь к пришельцу, т. е. геру, предписывается в качестве одной из заповедей закона Моисея (заповедь 431): «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской⁴». Во многих других местах Пятикнижия Бог предостерегает евреев от того, чтобы они обижали гера. Хотя речь здесь идет на самом деле о «гер-тошаве», некоторые авторы выводят отсюда заключение, что гиюр – одно из предписаний Торы, которое является частью заповеди о любви к геру [26, с. 199, 203 – 204; 8, с. 135 – 136]. Отметим попутно, что в Библии заложен мощный универсалистский потенциал, который ощутим в книгах пророков Исаяи, Иеремии, Софонии, Иезекииля, Захарии, Амоса (речь идет о тех пророчествах, которые возвещают грядущее обращение к единому Богу иных народов)⁵.

Талмудическая письменность демонстрирует амбивалентное отношение к герам. С одной стороны, это безусловное одобрение практики обращения в иудейство, наивысшим выражением которого является высказывание: «Всевышний отправил в изгнание евреев только для того, чтобы присоединились к нему геры» (Псахим 87а). В мидрашах присутствуют похвалы прозелитам и мнения в пользу их приема [12, с. 160 – 161]. Некоторые талмудические высказывания демонстрируют универсалистские интенции иудаизма: «Ворота открыты постоянно, и каждый, кто желает вой-

ти, пусть войдет» (Мидраш Раба, Бо). С другой стороны, в Талмуде присутствует и отрицательное отношение к герам: «Тяжелы геры для Израиля, словно чесотка» (Йевамот 24б); «Не верь геру до двадцать четвертого поколения» (Мидраш Рут Зута); «Беда за бедой придет на принимающих геров» ((Йевамот 109б).

В сочинениях иудейских мудрецов и ученых разных эпох также представлены различные точки зрения на проблему перехода в иудаизм. В книгах ришоним⁶ и в галахическом кодексе «Шулхан Арух», опирающихся на труды талмудических авторов, утверждается, что нужно отговаривать желающего пройти гиюр от его затеи и ни в коем случае не убеждать его принять новую веру. Распространенным является (особенно начиная с эпохи Нового времени) мнение, что нееврей может исполнять волю Творца без обращения в иудаизм. Ему достаточно соблюдать семь заповедей «сыновей Ноя»: это причисляет его к «праведникам народов мира» и гарантирует удел в «грядущем веке». Другие мудрецы (Гилель, Маймонид) запрещают создавать излишние препоны неопиту и даже обязывают облегчать гиюр [12, с. 158 – 163].

Двойственное отношение к герам в раввинистической традиции позволяет понять и мотивы миссионерской деятельности евреев, и причины отказа от нее, а также настороженное восприятие конвертитов в различные исторические периоды.

⁴ Втор 10:18

⁵ Ис 2:1-5; 19:23, 25; 46:9; 56:1-8; Соф 3:9-10; Зах 2:14-17; Иер 1:5; 12:14-16; Ам 9:12.

⁶ Ведущие раввины и еврейские законодатели, жившие приблизительно в XI – XV вв. главным образом в Западной Европе, вслед за эпохой гаонов и до написания кодекса «Шулхан Арух».

Безусловно, взгляд на прозелитов и прозелитизм зависел во многом и от конкретных исторических условий. Например, массовый переход геров в христианство в эпоху ранней Церкви, их поведение во время Иудейской войны (когда они отказывались от иудейства и доносили на евреев римским властям) порождали неприязнь к новообращенным. В целом, однако, позитивное отношение к герам в Талмуде и мидрашах доминирует [33, с. 12 – 13].

Прозелиты и прозелитизм в истории евреев

В библейскую эпоху, когда не существовало формально разработанной процедуры гиюра, нееврей принимал иудейский монотеизм в результате присоединения к народу Израиля⁷. Наиболее известные примеры такого рода прозелитов в Ветхом Завете – это Руфь и Раав. Их обращение является библейским обоснованием первого подхода к гиюру в иудаизме. В период вавилонского плена произошло изменение в концепции приобщения к еврейству: предварительным условием последнего стало принятие иудейской религии. По мнению венгерского историка Р. Дана, впервые термин «иудействовать», обозначающий приобщение к еврейской вере, появляется в книге Эсфири: «И многие из народов страны *сделались Иудеями*, потому что напал на них страх пред Иудеями» (Эсф 8:17). В данном месте было использовано слово «митъяхадим» (מִתְיַחַדִּים, буквально – «становящиеся иудеями») [42, р. 25 – 26].

⁷ См. Руфь 1:16: «Народ твой будет моим народом, и твой Бог будет моим Богом».

О принятии иноземцами «закона Божия» свидетельствуют источники эпохи **Второго Храма**. Несмотря на то что реформаторы еврейской общины Ездра и Неемия были сторонниками изоляции евреев от окружающих народов и запрещали браки с иноплеменниками, этот период ознаменовался принятием прозелитов⁸. Тенденция к обособленности, характерная для персидской и эллинистической эпох (когда еврейский народ был лишен политической самостоятельности), породила готовность присоединять к еврейству лишь тех, кто уверовал в Бога Израиля. Однако в возникшем хасмонейском государстве (II – I вв. до н. э.), территория которого непрерывно расширялась, фиксируются случаи принудительного обращения в иудаизм покоренных народов – идумеев Иохананом Гирканом I, итуреев Аристобулом I, а также попытки иудаизации жителей эллинистических городов, завоеванных Александром Яннаем. Последний предлагал грекам либо принятие иудейской веры, либо изгнание [47, р. 44 – 78].

Это единственные случаи насильственного массового «гиюра» в истории евреев. Политика ассимиляции, проводившаяся Хасмонейским правительством, имеет различные интерпретации в работах еврейских исследователей. Г. Грец, автор первого

⁸ См.: Неем. 10:28: «И прочий народ, священники, левиты, привратники, певцы, нефинеи и все, отделившиеся от народов иноземных к закону Божию...»; Иудифь 14:10: «Ахиор (аммонитянин – Т.Х.) же, видя все, что сделал Бог Израилев, искренно уверовал в Бога, обрезал крайнюю плоть свою и присоединился к дому Израилеву, даже до сего дня».

монументального труда по истории евреев, критикует действия Гиркана [13, с. 32]. С. М. Дубнов не дает этической оценки обращения эдомитов, но подчеркивает «гибельные последствия» их инкорпорации в еврейское общество [17, с. 359]. А. Кашер, исследователь Хасмонейского царства, уверяет, что присоединение идумеев к еврейскому народу стало результатом коллективного свободного выбора. Автор указывает на противоречие практики насильственной конверсии иудейской традиции и обращает внимание на небольшую группу иудумеев-язычников, сохранившуюся до времени правления Ирода великого, что опровергает, по мнению А. Кашера, концепцию принуждения к вере [47, р. 46 – 71]. М. Штерн упоминает о переходе жителей Идумеи в иудаизм в положительном контексте [38, с. 145]. Л. Шиффман ограничивается констатацией факта принудительного обращения идумеев и итуреев [37, с. 116]. Заслуживает внимания и позиция таких известных популяризаторов еврейской истории, как М. Даймонт [15, с. 117 – 118] и Й. Телушкин [31, с. 98 – 99], однозначно осуждающих религиозную политику Гиркана.

Как мне кажется, факт коллективной конверсии свидетельствует о наличии серьезных прозелитических потенциалов в иудействе эпохи Второго храма еще до наступления периода римского владычества. Возможно, стремление к религиозному обращению множества иноверцев со стороны еврейских правителей было связано с универсалистскими тенденциями эллинизма.

Представляется интересной актуализация древних «хасмонейских»

моделей гиюра в сознании некоторых современных политических деятелей Израиля. Так, идеологи т.н. «гиперсионизма» ставят своей целью восстановление израильского государства в границах от Нила до Ефрата, где неевреям, проживающим на присоединенных территориях, будет предоставлен выбор: либо перейти в иудаизм, либо покинуть страну [11].

Совершенно особый характер приобретает прозелитическая деятельность евреев в эпоху Римской империи. В современной науке по этому вопросу сосуществуют две крайние позиции: энергичное утверждение факта иудейского миссионерства (У. Брауде [40], Л. Фельдман [44], М. Туваль [32] и др.) и не менее решительное его отрицание (С. Макнайт [48], М. Гудмен [45], М. Берд [39] и др.). В активном прозелитизме евреев этого периода не сомневаются такие авторы, как Л. Поляков [27, с. 19 – 31], Э.-Э. Урбах [33, с. 9 – 11], Г. Алон [2, с. 92 – 94], М. Штерн [38, с. 187 – 189], М. Даймонт [15, с. 148 – 149]. Ряд исследователей утверждает, что рекрутирование неофитов в этот период приобретает грандиозные масштабы. Резкий демографический скачок среди еврейского населения Палестины и диаспоры они объясняют значительно возросшим количеством обращенных. Ученые называют разные впечатляющие цифры – от нескольких сотен тысяч до нескольких миллионов евреев в Римской империи I в. н. э. [36, с. 434; 23, с. 53 – 54]. Распространителями иудейства выступали еврей-эллинисты. Некоторые историки указывают на миссионерский характер еврейской эллинистической литературы [32; 14, с. 194 – 204]. Последняя

подтверждает колоссальную популярность иудейских обычаев в языческой среде в I в. н. э. Об этом свидетельствуют такие авторы, как Иосиф Флавий, Филон Александрийский, Сенека, Дион Кассий, Ювенал, Тацит, Эпиктет [32]. Филон Александрийский, свидетель и сторонник обращения язычников к единому Богу, подчеркивал универсалистский, «космический» характер иудейской религии. Он утверждал, что перевод Пятикнижия на греческий язык был совершен для того, чтобы все могли «извлечь пользу из соблюдения мудрых и совершенных заповедей для исправления мира» [32].

Тексты Нового Завета, по мнению сторонников концепции иудейского миссионерства, также свидетельствуют о масштабах прозелитизма. Евангелие от Матфея⁹ приводит слова Христа о книжниках и фарисеях, которые обходят «море и сушу, дабы обратить хотя одного», а «Деяния апостолов» многократно упоминают так называемых «богобоязненных»¹⁰. «Боящимся Бога» апостол Павел адресовал проповеди в синагогах. Категория «себоменой/фобоменой/теосебис» (греческие названия «чтущих Бога», «богобоязненных») является древнейшей формой иудаизантаства. Современные исследователи называют этих иудействующих язычников «полуобращенными» (mid-converts), «сочувствующими» (sympathizers) и «квазипрозелитами».

Феномен квазипрозелитов сформировался под непосредственным влиянием иудейской традиции; отношения между евреями и «читателями Бога»

были довольно тесными. К последним относились различные категории полуобращенных: и те, кто включали иудейского Бога в свой пантеон, и придерживающиеся монотеизма, и те, кто следовал в той или иной степени еврейскому образу жизни – исполняя моральные заповеди, соблюдая субботу, отказываясь от запрещенной пищи, участвуя в жизни иудейской общины и т. д. «Боящиеся Бога» занимали в глазах евреев промежуточное положение между язычниками и герами. Они не совершали обрезания, не были полноправными членами еврейской общины и могли принимать участие в языческих культах [23, с. 49 – 227].

Феномен «чтущих Бога» был особенно распространен на территории Боспора. Там они создавали религиозные ассоциации, объединяющие адептов культа «Бога высочайшего», основным центром почитания которого в I – IV вв. был город Танаис. Некоторые исследователи говорят об иудаизации религиозной жизни Боспора в этот период [Там же, с. 199 – 214]. Другие утверждают, что «полуиудаизм» – яркое проявление синкретизиса эллинистической эпохи – стал серьезной движущей силой в культурном пространстве Восточного Средиземноморья, а еврейский компонент был своеобразной «закваской» в религиозном брожении всего римского мира [4, с. 11, 33 – 36].

Среди увлеченных еврейской традицией мы находим представителей социальной элиты империи: матрона Фульвия, обратившаяся в иудаизм в правление императора Тиберия, консул Флавий Клемент и его жена Домитилла, осужденные за атеизм и иудейский образ жизни. Религии Израиля

⁹ Мф 23:15

¹⁰ Деян 10:2; 13:16; 13:26; 13:43; 13:50; 16:14; 17:4; 17:17; 18:6-7.

симпатизировали такие высокопоставленные дамы, как Поппея, жена императора Нерона, Юлия Севера, верховная жрица культа императора, Капитолина из Тралл, принадлежавшая известной фамилии [23, с. 35 – 36, 67 – 73, 111 – 113]. В одном из папирусов начала II в. жители Александрии жалуются императору Траяну на засилье евреев в сенате. По-видимому, речь в этом документе идет не о собственно иудеях, но прозелитах [33, с. 11].

Ярким примером обращения в иудейство стало событие, происшедшее в середине I в. н. э. в государстве Адиабена, расположенном в Месопотамии, где находилась крупная еврейская диаспора. Царь Адиабены Изат, его мать Елена, а также братья царя приняли иудейскую веру. Иосиф Флавий отмечает роль двух евреев в этом прецеденте. Вполне возможно, что примеру царской семьи последовали многие жители этой страны [20, с. 599 – 604].

Не вдаваясь в подробности острых дискуссий, которые ведутся в науке по вопросу о религиозной пропаганде иудеев среди язычников империи, можно уверенно констатировать наличие своеобразной моды на еврейскую религию в римском обществе. Иудейская вера вполне соответствовала магистральной линии религиозных исканий этого времени. И. Левинская, отрицая факт широкомасштабного еврейского прозелитизма, тем не менее, полагает, что в I в. н. э. евреи перешли к некоему подобию миссионерской деятельности. Последняя ставила своей целью не увеличение числа «детей Авраамовых», но завоевание симпатий язычников и расширение круга квазипрозелитов. Этот поворот был

связан с началом христианской миссии, которая в значительной степени была адресована «богобоязненным», имеющим социальные и религиозные связи с иудейскими общинами. Таким образом, проповедь христианства ставила под угрозу стабильность положения евреев в языческом мире: ведь именно наличие квазипрозелитов обеспечивало евреям определенную безопасность в империи. Необходимость опереться на иудействующих заставляла евреев заниматься ситуативным миссионерством [23, с. 319 – 320]. Возможно, определенное число почитателей еврейского Бога не оставалось на стадии полуобращения и принимало обрезание [5, с. 146 – 147]. Другая часть стала основой для появления ряда самостоятельных иудайзантских групп, известных в IV – V вв. (гипсистерии, теосебис, массалиане, целиколы) [35, с. 154 – 155].

По мнению М. Тувалья, градус миссионерской активности иудеев не снизился и после разрушения Второго храма, что следовало бы ожидать [32].

Инструментом обращения также служило рабство, так как рабов-неевреев предписывалось, в соответствии с Торой и некоторыми талмудическими сочинениями, подвергать обрезанию и погружению в еврейских домах: пища и вино, приготовленные руками язычников, считались нечистыми, как и все, чего они касались. Источники говорят о возможности как добровольного, так и принудительного гиюра домашних слуг. Если хозяева приводили многих рабов «под крылья Шхины», то они способствовали таким образом возрастанию «Божьей славы», по выражению мидраша Сифре [46, р. 35 – 41]. Для

раба обрезание было способом довольно скорого превращения в вольноотпущенника [43, p. 59].

Начиная с эпохи императора Адриана, декрет которого расценивал обрезание, отождествляемое с кастрацией, как серьезное преступление, число неофитов резко сократилось. И даже после отмены декрета Антонином Пием совершать эту операцию разрешалось только евреям: в отношении неевреев она рассматривалась как самооскопление. Тем не менее, переход в иудейство продолжал осуществляться, особенно в провинциях, удаленных от центра (закон не применялся в некоторых частях империи). Происходил он и на территориях, находившихся под властью Персии [9, с. 131 – 139], где евреями применялась практика «умеренного миссионерства» [4, с. 165 – 166]. Правда, отношение к прозелитизму внутри иудаизма становилось более сложным и настороженным, что было вызвано успехом христианской проповеди среди геров и полупрозелитов [Там же, с. 163 – 164]. Наконец, когда христианство стало государственной религией Рима, гиюр был окончательно и повсеместно запрещен.

В эпоху Средних веков масштабы гиюра сократились, но феномен геров не исчез. Более того, в период раннего Средневековья иудаизм проник в среду правящей элиты двух государств. В V в. Абу Кариб Асад, царь Химьяра (страны в Южной Аравии, где проживало еврейское население), обратился в иудаизм, после чего его подданные также приняли иудейскую веру. Иудеем был и Юсуф Зу Нувас, последний правитель Химьяра, прекратившего свое существование в VI в.

О распространении в этом регионе ворований, напоминающих иудейские еще до официального принятия иудаизма, говорят эпиграфические памятники [25]. В первой половине VIII в. иудаизм был принят верхушкой Хазарии, а впоследствии (в конце VIII – начале IX вв.) стал государственной религией каганата.

Кроме того, известны примеры индивидуального перехода в иудаизм в это время. Часть обращённых принадлежала духовному сословию: придворный диакон Людовика Благочестивого Бодо (IX в.), монах из Майнца Вецелинус (XI в.), архиепископ г. Бари Андреас (XI в.), Овадия-гер, норманнский священник (XII в.), монах из Франции (XIII в.), ставший раби Авраамом, английский монах-проповедник Роберт (XIII в.). Источники называют и другие случаи конверсий, в том числе и семейных [30, с. 80 – 81, 160; 33, с. 14 – 18]. Более того, важность гиюра постулируется в одном из галахических сочинений этого времени: раби Моше из Куси в «Великой книге заповедей» требует от соплеменников особенной щепетильности в коммерческих делах с иноверцами – ведь в случае обмана со стороны еврея, нееврей никогда не перейдет в иудейскую веру [33, с. 18]. Конечно, масштабы обращения в иудаизм в средневековую эпоху трудно оценить. К. Стоу, например, склонен преуменьшать их, предпочитая говорить о единичных случаях [30, с. 81]. Израильский учёный Э.-Э. Урбах, исходя из того, что упоминания о конвертах встречаются из поколения в поколение, а также принимая во внимание активную антииудейскую полемику, настойчивые проповеди и законы

против гергов, массовые обращения в иудаизм в Хазарии и Химьаре, настаивает на идее непрерывности процесса обращения [33, с. 18]. По мнению Г. С. Зелениной, именно страх перед прозелитизмом стал причиной (по крайней мере, декларируемой) большинства изгнаний евреев из европейских стран [18]. Я. Кац пишет, что евреям средневековой Германии была присуща тенденция к распространению иудаизма [22, с. 26]. Скупость сведений о герах могла быть вызвана понятным нежеланием как христиан, так и евреев распространяться на эту тему. Да и в целом обвинения в миссионерстве еврейская традиция расценивает крайне негативно, так как энергичный прозелитизм противоречит виктимизирующей концепции существования евреев в галуте [18].

Средние века, как и эпоха античности, знают несколько иудаизантских движений, к которым обычно относят афинган, хион, болгарских жидовствующих, московско-новгородских еретиков, пассагиев и циркумцизиев. В науке ведутся дискуссии о возможном еврейском влиянии на зарождение некоторых из них [35, с. 155 – 156].

В эпоху Нового времени в галахическом мышлении появляется негативное отношение к гиюру, а стремление к обращению в иудаизм обнаруживается крайне редко. Я. Кац объясняет эти перемены следующими причинами: 1) страхом перед преследованиями, давлением со стороны христианских властей. В XVI в. раби Шломо Лурия писал: «При нынешних обстоятельствах... если еврей поощряет прозелитизм, он становится мятежником против правительства, достой-

ным смертной казни... Поэтому я всех предостерегаю против таких действий, запрещенных законом государства, чтобы не подвергать риску жизнь»; 2) возрастающей изоляцией евреев, приводившей их к убеждению непреодолимости преград между двумя мирами; 3) ослаблением враждебного восприятия христианства иудеями [22, с. 43 – 44, 48 – 49]. Последнее, в свою очередь, стало реакцией на дискурс терпимости в отношении евреев, зарождавшийся в среде политических элит и сторонников просвещения, начиная с XVII в. (особенно в странах Западной Европы). В это время христианство перестает восприниматься как идолопоклонство, как «авода зара» («чужое служение»), а христиане причисляются к бней-Ноах (потомкам Ноя), которые не обязаны принимать иудейскую веру. Эта позиция ослабляла желание присоединять неевреев к общине Израиля. Таким образом, отказ от прозелитизма получил идейное обоснование. Оно было усилено идеями Гаскалы (еврейского Просвещения), подчёркивавшими еврейскую терпимость. Итогом этих процессов стало преобладание равнодушия иудеев к религиозным судьбам окружающего мира: по образному выражению Я. Каца, «евреи больше не гонялись за прозелитами» [Там же, с. 44].

Однако феномен гиюра не исчезает и в эту эпоху. В еврейских типографиях ряда европейских городов работали геры. В конце XV в. в Иерусалиме были обнаружены два бывших христианских монаха, перешедшие в «еврейскую веру» [21, с. 19 – 20]. В 1696 году христианин из Аугсбурга Иоганн Петер Шпет, известный впо-

следствии под именем Моше Германус, предпринял драматический и опасный шаг обращения в иудаизм. Он совершил обрезание и женился на еврейке [41, р. 71 – 121]. В 1716 г. в Дубно, на территории Речи Посполитой, были казнены две принявшие иудейскую веру христианки. В еврейской культуре присутствует нарратив о герцедеке, мученике, польском дворянине Валентине Потоцком, сожженном в Вильно в 1749 г. по приговору церковного суда. И хотя некоторые исследователи считают повесть о Потоцком легендой, она, тем не менее, свидетельствует о проницаемости границы, существовавшей между двумя мирами – еврейским и христианским [49, р. 237 – 263]. Единичные факты конверсии известны и в России. Самое громкое из подобных дел – гиюр морского офицера Александра Возницына, сожженного за это преступление в соответствии с российскими законами в 1738 г. Ю. Гессен упоминает несколько эпизодов «обращения в иудейство», происходивших на территории черты оседлости [10, с. 399 – 402].

Эпоха Нового времени отмечена появлением в Европе двух крупных иудаизирующих синкретических течений – русского субботничества и трансильванского саббатарианства. Почвой для их возникновения стали критическое отношение к христианской Церкви и её учению, рационалистические тенденции и активный интерес к Библии, свойственные эпохе Реформации. При этом воздействие раввинистической традиции на развитие этих религиозных течений не подвергается сомнению также, как и прохождение гиюра частью иудействующих и фор-

мирование у них еврейской идентичности [34].

В современный период акцент на толерантности и отказ от миссионерской деятельности стали главными принципами в отношениях между иудаизмом и неевреями. Тенденциозный, виктимный подход к исследованию прошлого в иудейской апологетике породил миф об отсутствии какого-либо прозелитизма в истории евреев. В настоящее время возможность прохождения гиюра в ортодоксальном иудаизме искусственно затруднена. Обращающемуся в иудаизм следует доказать отсутствие каких-либо личных интересов, кроме духовных мотивов. Поэтому, например, желание вступить в брак с евреем/еврейкой не считается законным поводом для гиюра, а иногда воспринимается и как негативный фактор. Правда, в среде религиозных сионистов раздавались и раздаются призывы к распространению религии Израиля среди других народов [29], но это не нашло отклика в ортодоксальном обществе. Привлечение неевреев к еврейской традиции в современной иудейской ортодоксии не поощряется.

Вокруг проблемы гиюра в современном иудаизме ведутся острые споры. Знатоки Галахи, обсуждающие этот вопрос, делятся на два лагеря. Первые – сторонники максимального усложнения процесса гиюра; вторые выступают за его облегчение. Полемизирующие стороны, доказывая правильность своих суждений, апеллируют к раввинским авторитетам, а «неудобные» мнения истолковывают иначе, чем их оппоненты. Сделать это не очень сложно, так как богатейшая тра-

диция комментирования Талмуда допускает различные, порой противоречащие друг другу интерпретации, в равной степени признанные [6]. Среди приверженцев «устрожения» преобладают ультраортодоксальные евреи, в то время как умеренную позицию занимают, в первую очередь, религиозные сионисты.

Несмотря на жесткие требования к гиюру, по некоторым оценкам, обращения, совершенные исключительно по духовным побуждениям, составляют меньшинство среди русскоязычных, репатриировавшихся в Израиль. Преобладающие мотивы перехода в иудаизм имеют национально-религиозный, личностный или социальный характер. Это стремление ощущать себя частью еврейского народа, соблюдать традиции, заключение брака с евреем/еврейкой, получение израильского гражданства, желание интегрироваться в израильское общество, сионистская мотивация и др. [16, с. 148 – 155].

В реформистском иудаизме возможность конверсии значительно облегчена. Это является следствием максимальной реализации универсалистских идей: в начальной истории прогрессивного иудаизма предполагалось, что еврей должен превратиться в «лицо иудейского исповедания», принадлежащее к той или иной нации. Реформистское движение рассматривало евреев не как этнос, но только как религиозную общность. Среди реформистов в США в начале 1990-х гг. был выдвинут лозунг: «Миллион прозелитов!» [28]. В этом направлении иудаизма от обращаемого не требуют обещания полностью соблюдать мицвот, а иногда даже – и совершения ритуаль-

ных действий. В целом процедура гиюра занимает сравнительно небольшой срок, в отличие от ортодоксального иудаизма, где предусматривается этап «вживания».

Консервативный иудаизм обязывает кандидатов совершать обрезание и погружение в микве, но не настаивает на принятии бремени Горы.

Как правило, раввины всех течений требуют от обращающихся пройти курс изучения иудаизма.

Заключение

Проблема гиюра и отношение к герам отражают существование в иудейской религии двух интенций – универсализма и изоляционизма. Первая достигла пика своего развития в эпоху Римской империи. В это время еврейский прозелитизм приобретает невиданный до сего времени и в последующие периоды размах. Почва для этого феномена была подготовлена наличием многочисленной, пассивной, эллинизированной еврейской диаспоры, а также эллинистической культурой с ее открытостью различным идеям, религиозным синкретизмом и концепцией единства человечества.

Вторая тенденция усиливается в эпоху Нового времени. Отрицательное отношение к гиюру и отказ от практики рекрутирования неопитов со временем формируют представление о принципиально непрозелитическом, этническом характере иудаизма. Оно встречается в иудейской апологетике и обыденном сознании. Однако такой подход, как мы увидели, не соответствует действительности. Анализ истории гиюра свидетельствует об универсалистских возможностях иудаизма,

которые обеспечивают ему промежуточное положение между этническими и мировыми религиями [1, с. 99].

В истории еврейского прозелитизма можно выделить две его разновидности. Первая подразумевает полное обращение неевреев. Вторая предполагает ознакомление последних (желающих этого) с иудейской традицией без получения ими статуса геров, следствием чего является формирование общества квазипрозелитов. Эта модель, как мне кажется, характерна не только для эпохи античности. Русские и трансильванские последователи «Моисеева закона» напоминают «богобоязненных» римского мира. В течение длительного времени эти движения, усваивая иудейскую традицию, сохраняли элементы христианского наследия и оставались синкретичными по своей природе, а отношения субботников и евреев были сложными. Можно вспомнить польских иудаизантов и анабаптистов-субботников и эпохи раннего Нового времени, которые, по всей видимости, также вступали в контакты с иудеями. На протяже-

нии истории прозелитизм со стороны иудеев нередко выступал в форме квазипрозелитизма. Это не исключало возможности для части иудействующих становиться евреями в соответствии с Галахой и растворяться в еврейской среде, что и происходило, например, с русскими и трансильванскими сектантами. Ярким примером квазипрозелитической деятельности в наши дни является монотеистическое движение «Бней Ноах», проповедующее своеобразный «иудаизм» для неевреев.

Различные подходы к сущности гиюра и современная ожесточенная полемика вокруг этой проблемы, базирующаяся на противоречивых галахических мнениях (иногда кардинально противоположных друг другу) свидетельствуют о необыкновенной «плюралистичности» иудаизма. Об этом же говорит и неоднозначное отношение к прозелитам в иудейской традиции. Забвение этого факта и порождает мифологизирующие представления – в том числе о тех феноменах, которым была посвящена эта статья.

Библиографические ссылки

1. Аверинцев С. С. Иудаизм // С. С. Аверинцев София-Логос. Словарь. Киев, 2001. С. 98 – 102.
2. Аллон Г. История евреев Эрец-Исраэль в талмудическую эпоху. В 2 т. Т. 2. Иерусалим, 1994.
3. Анский С. А. Среди иудействующих. Из путевых заметок // С. А. Анский. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Разрушители ограды. СПб., 1912. С. 279 – 306.
4. Барон С. У. Социальная и религиозная история евреев. В 18 т. Т. 2. М., 2013.
5. Браткин Д. А. Σεβόμενοι προσήλυτοι (Деян 13:43) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (1) (чтения памяти И. М. Тронского). СПб., 2016. С. 137 – 151.
6. Бриск Х., Полонский П. Галахический конфликт на тему гиюра внутри ортодоксального иудаизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pubs>.

- ejwiki.org/wiki/Галахический_конфликт_на_тему_гиюра_внутри_ортодоксального_иудаизма (дата обращения: 20.02.2019).
7. Вера. Мысль. Выбор. По материалам Зерновских конференций 2012 – 2013 гг.: Философская мысль и религиозный опыт, Свобода и выбор веры в истории мировых религий. М., 2014.
 8. Галеви Х.-Д. Создай себе учителя // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001.
 9. Гафни И. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху. Иерусалим. М., 2016.
 10. Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. В 2 т. Т. 1. Пг., 1916.
 11. Гиперсионизм versus сионизм [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://karpada.narod.ru/> (дата обращения: 09.01.2019).
 12. Горен Ш. Гиюр в зеркале Галахи // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 158 – 163.
 13. Грец Г. История евреев от древнейших времен до настоящего. В 12 т. Т. 4. Одесса, 1907.
 14. Грушевой А. Г. Иудеи и иудаизм в истории Римской республики и Римской империи. СПб., 2008.
 15. Даймонт М. Евреи, Бог и история. М., 1994.
 16. Дашевская И. Отношение русскоязычных иммигрантов к гиюру: опыт «Маханаим» // Золото галута. Духовная и культурная интеграция русских евреев в Израиле. М.-Иерусалим, 2009. С. 129 – 163.
 17. Дубнов С. Всеобщая история евреев от древнейших времен до настоящего. В 3 кн. Кн. 1. СПб., 1910.
 18. Зеленина Г. С. Из экклесии в синагогу: казус дьякона Бодо и судьба евреев Европы // Лехаим. № 2 (226). 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lechaim.ru/ARCHIV/226/zelenina.htm> (дата обращения: 18.02.2019).
 19. Зогар Ц., Саги А. Смысл и символика гиюра // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 22 – 36.
 20. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. М. ; Ростов н/Д., 1999.
 21. Кац. Я. Гиюр в Новое время // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 19 – 21.
 22. Кац Я. Кризис традиции. На пороге Нового времени. Иерусалим, 1991.
 23. Левинская И. А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
 24. Львов А. Л. Геры и субботники – «талмудисты» и «караимы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lvov.judaica.spb.ru/gersub.shtml> (дата обращения: 04.03.2019).
 25. Пигулевская Н. Византия на путях в Индию [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/pigul/04.php (дата обращения: 26.02.2019).
 26. Пик Ш.-З. Заповедь о любви к геру // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 199 – 205.
 27. Поляков Л. История антисемитизма: Эпоха веры. М. ; Иерусалим, 2008.

28. Почему евреи выглядят так, как они выглядят? Интервью с Михаилом Членовым [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.migdal.org.ua/times/71/6353/> (дата обращения: 21.01.2019).
29. Редлер-Фридман Й. Ворота открыты постоянно Гер // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 224 – 237.
30. Стоу К. Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой Европе. Иерусалим ; М., 2007.
31. Телушкин Й. Еврейский мир. М. ; Иерусалим, 1998.
32. Туваль М. «Иудейский прозелитизм» в греко-римскую эпоху // Лехаим. 2009. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lechaim.ru/ARHIV/202/drevnosti.html> (дата обращения: 16.03.2019).
33. Урбах Э.-Э. Гер // Гиюр – путь в еврейство. Антология: история, философия, галаха / сост. А. Стриковский. Иерусалим, 2001. С. 9 – 18.
34. Хижая Т. И. «А как мы есть субботного сословия»: проблема идентичности русских иудействующих в XIX – начале XX в. // Вестник ВлГУ. 2014. № 4. С. 82 – 94.
35. Хижая Т. И. Иудействующие: к проблеме дефиниции термина // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2015. Вып. 4. СПб., 2015. С. 152 – 160.
36. Чериковер В. Эллинистическая цивилизация и евреи. СПб., 2010
37. Шиффман Л. От текста к традиции. История иудаизма в эпоху второго Храма и период Мишны и Талмуда. М. ; Иерусалим, 2017.
38. Штерн М. Период второго Храма // Очерк истории еврейского народа : в 2 т. / под ред. Ш. Эттингера. Иерусалим, 1972 – 1990. Т. 1. С. 11 – 208.
39. Bird M. Crossing over sea and land. Peabody, 2010.
40. Braude G. Jewish proselyting in the first five centuries of the Common Era. The age of Tannaim and Amoraim. Provindence, 1940.
41. Coudert A. P. Judaizing in the seventeenth century: Francis Mercury van Helmont and Johann Peter Späth (Moses Germanus) // Secret conversions to Judaism in early modern Europe. Leiden–Boston, 2004. P. 71 – 121.
42. Dan R. «Judaizare» – the career of a term // Antitrinitarism in the second half of the 16-th century. Budapest, 1982. P. 25 – 34.
43. Dormann N. B. Manumission and transformation in Jewish and Roman law // Dohrmann, N. B., Stern D. Jewish Biblical Interpretation and Cultural Exchange: Comparative Exegesis in Context. Philadelphia, 2013. P. 51 – 65.
44. Feldman L. H. Jew and Gentile in the Ancient World. Princeton, 1993.
45. Goodman M. Mission and conversion. Oxford, 1994.
46. Hezser C. Jewish slavery in Antiquity. New York, 2005.
47. Kasher A. Jews, Idumaens, and ancient Arabs. Tubingen, 1988.
48. McKnight S. A light among the Gentiles. Minneapolis, 1991, 1992
49. Teter M. The legend of ger zedek of Wilno as polemic and reassurance // AJS Review 29:2 (2005). P. 237 – 263.

**GERS, GIYUR AND PROSELYTISM IN JEWISH HISTORY
AND TRADITIONS: THE MAIN APPROACHES, PROBLEMS, TRENDS**

There are two conflicting approaches to the nature of Giyur in the Halachic literature, and the rabbinic tradition demonstrates the ambivalent perception of the Gers. All of this, as well as the specifics of certain historical periods, has led to the emergence of diverse Jewish attitudes towards conversion of the Gentiles: active “missionary” activity, forced Giyur, restricted proselytism, quasi-proselytism, refusal to recruit neophytes. The problem of Giyur reflects the exceptional “pluralism” of Judaism and the presence in it of two opposing trends – universalism and isolationism.

Keywords: religious conversion, Giyur, gers, proselytes, Jewish proselytism, quasi-proselytism, Judaizers.

УДК – 261.6

М. Л. Хижий

**ЕПИСКОП АФАНАСИЙ (САХАРОВ) И «ДВИЖЕНИЕ
НЕПОМИНАЮЩИХ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Движение «непоминающих» возникло в Православной церкви как форма религиозного протеста верующих – иерархов, священников и мирян на репрессивную политику советской власти. Советская власть продолжила гонения против верующих, несмотря на начало Великой Отечественной войны. Это создавало угрозу появления ответного коллаборационизма внутри Церкви. Однако позиция патриарха Сергия (Страгородского) и епископа Афанасия (Сахарова) помогла преодолеть трагическую ситуацию.

Ключевые слова: Православная церковь, Великая Отечественная война, антирелигиозная политика, церковное движение.

Летом 1941 года после нападения гитлеровской Германии на СССР епископ Афанасий (Сахаров) вместе с другими заключенными был пешим этапирован в Архангельскую область. Великая отечественная война стала новым испытанием для всего народа и для верующих.

Дело в том, что вторжение вермахта на советскую землю было воспринято неоднозначно в церковной среде. По данным историков, к июню

1941 на свободе оставалось только четыре епископа: митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), архиепископ Петергофский Николай (Ярушевич), архиепископ Дмитровский Сергей (Воскресенский) и незначительное количество (по разным данным от 5 до 8 тысяч) священников. Около десяти епископов находились на покое по болезни или по причине преклонного возраста. Епархиальные структуры факти-

чески были уничтожены органами НКВД. По приблизительным оценкам, на 1941 год с учетом присоединения к СССР территорий Западной Украины и Белоруссии действовало около 3000 храмов [12, с. 215]. В этих условиях внутри церковного подполья сложились устойчивые антисоветские и антикоммунистические настроения: отказ о поминовении советской власти в молитвах, отказ от советских паспортов, от использования советских денежных купюр с портретами Ленина, неприятие советской символики как антихристианской и т. п. Разумеется, катакомбный антикоммунизм имел религиозное обоснование, которое диктовало уклонение от работы в колхозах, в советских учреждениях, службе в армии – все это расценивалось как служение антихристу. Монархизм, почитание последнего императора были широко распространены в этой среде [11, с. 98 – 99].

В определенной степени эти взгляды частично разделял и епископ Афанасий. Из следственных дел известно, что он не скрывал своих монархических убеждений. Сохранились свидетельства о почитании им Государя Николая II [2, интервью Н. В. Фиолетовой]. Одним из обвинений, предъявленных епископу, было нелегальное проживание в населенных пунктах – следовательно, нарушение паспортного режима, уклонение от прописки. Большинство епископов из числа «церковной оппозиции», благословляли не брать советские удостоверения личности, потому что при регистрации органы легко выявляли «контрреволюционеров», подлежащих репрессиям. Одновременно существовало и «ми-

стическое» отношение к паспортам как к «печати антихриста». Конечно, это не означает того, что владыка разделял все взгляды, присущие среде катакомбников, тем более сомнительные в богословском отношении.

Существование в СССР достаточно многочисленного церковного подполья, фактически созданного репрессивной политикой органов НКВД, препятствовавших не только регистрации епархий и приходов Православной Церкви, но и сделавших религиозную жизнь по сути нелегальной, создавало в условиях военного времени все условия для коллаборационизма в церковной среде. Первый, кто осознал угрозу этого явления, был Местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский). Его «Послание пастырям и пасомым Православной Церкви» вышло уже 22 июня 1941 года, раньше обращения И. Сталина к советскому народу. Местоблюститель с первых слов дал оценку германскому фашизму, в которой он указал на то, что «потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени пред неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью родины, кровными заветами любви к своему отечеству» [10, с. 550]. Этот пафос не был формальной декларацией – будущий Патриарх прекрасно знал, что главным обвинением 37-го года для священнослужителей было «пособничество фашистам». Он в своем послании пытался предупредить советскую власть от повторения репрессий по прежней уголовной статье «антисоветская деятельность», заявляя о том, что враги СССР одновременно явля-

ются врагами православного христианства. За все годы войны Местоблюститель 24 раза обратился с патриотическими воззваниями к своей пастве по различным поводам: к жителям оккупированных территорий, поддержке партизанского движения и т. п. Задача митрополита Сергия также состояла в том, чтобы удержать верующих от искушения сотрудничеством с немцами, которых могли воспринимать как «наказание Божие» для коммунистов. Для этих опасений были все основания.

Внутри катакомбного движения не существовало и не могло существовать однозначного отношения к немецкому вторжению: слишком разные группы и духовные лидеры были объединены этим понятием. Некоторые из церковного подполья пошли служить в вооруженные части коллаборационистов, сотрудничая с оккупантами. Однако преобладающей позицией оказалось сдержанное, выжидательное отношение к немецким захватчикам. Впоследствии некоторые из «непоминающих» публично каялись в этом [12, с. 234].

У нас не так много возможностей реконструировать взгляды владыки Афанасия на события Великой Отечественной войны и его отношение к политике Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В первую очередь необходимо учитывать деятельность священнослужителей из его окружения. Авторитет епископа Афанасия в среде «непоминающих» в эти годы существенно вырос, он, пожалуй, был одним из немногих архиереев церковного подполья, которые остались в живых к тому времени.

Считается, что близкие к владыке архимандриты Иеракс (Бочаров) и Серафим (Батюков) придерживались патриотических взглядов. Несмотря на то, что они и их тайные прихожане преследовались НКВД как члены организации «Антисоветское церковное подполье», эти катакомбники молились о «победе Матери Божией» в войне и считали, что ни один христианин не может принять свастики [5, с. 498].

В 1943 году по делу «Антисоветского церковного подполья» был привлечен епископ Афанасий. Как следует из материалов допроса, он обвинялся в ведении «антисоветской пропаганды», которая заключалась в приписываемых ему в доносе слова о том, что «нападение германцев на Россию было попущенным наказанием Божиим». На следствии владыка признал, что он действительно говорил: «... нашествие Гитлера попущено Богом как величайшее бедствие, и его мы должны принять как наказание за свои грехи. Я говорил прежде всего о том, что русские православные люди нарушили основные заповеди любви к Богу и любви к ближним... Я призывал к терпению, а не к примирению к врагу... Я действительно говорил: «Советское правительство весь период войны обманывает народ своими сводками. Немецкие потери преувеличивает, а свои скрывает» [9, с. 166]. В 1944 году в июле он был признан виновным и приговорен к восьми годам заключения. Иначе как чудом такой сравнительно мягкий по тем временам приговор назвать нельзя.

Из его показаний видно существенное расхождение с официальной позицией Московской Патриархии на

происходящие события в стране и мире. Это нашло отражение в литургическом творчестве святителя. По благословению митрополита Сергия в православных храмах в военное время совершался «Молебен в нашествие супостатов, певаемый в дни Отечественной войны 1812 года». Епископ Афанасий составил в августе 1941 «Последование молебного пения об Отечестве, во дни нашествия на Русскую землю немцев». Его текст существенно отличался от старого. Прежде всего, 50-й псалом был заменен на 136 «На реках Вавилонских» – это отражало, по всей видимости, его взгляд на Отечество, как землю пленения врагами (безбожниками). Во-вторых, в чинопоследование были внесены имена угодников из «Службы всех святых, в земле Российской просиявших». В-третьих, заключительная молитва отражала взгляды владыки на подлинную жизнь церковного народа в безбожном государстве: «По молитвам святых очисти, Господи, Русскую землю от нечестия, безбожия, развращения. По молитвам святых очисти, Господи, русских людей от всех злых навыков во дни отступления от веры усвоенных, и да украшаются они верою, благочестием, смирением, терпением и прочими добродетелями христианскими, ими же обиловали отцы наши, по молитвам святых умудри, Господи, архипастырей и пастырей наших право править слово Твоея истины, дерзновенно, везде и пред всеми исповедывать имя Твое, безбоязненно, не взирая на лица, возвещать правду Твою» [1, л. 7].

Чин содержит прошение о спасении «царствующего града Москвы,

яко сердце Святой Руси», святынь ее Кремля. Епископ Афанасий расставил акценты именно так, как он и сказал в своих ответах на допросе. В заключительной молитве есть намек на грехи иерархии в сотрудничестве с безбожной властью, церковные разделения, поклонение «темному западу», «современным ваалам», а также слова об исповедниках веры, «не преклонивших и риз своих не осквернивших» (*Откр.* 3 – 4). Последнее было очевидным указанием на переживание русским народом апокалиптических времен.

«Молебное пение» отражает и взгляды Афанасия (Сахарова) на особую миссию России: «Сохрани Отечество наше, яко светоч Православия не токмо для языков, в нем обитающих, но и для всего мира». В чине ничего не говорится о «властях предержавших». Их место занято «Царицею Небесной Русской земли, Владычицей Державной и Взбранной Воеводой православнаго народа русскаго». Это перекликается с прошением священников-катакомбников «о победе Матери Божией». Патриархийный чин молебна был осовременен и, разумеется, исключал поминовения монархов, присущее дореволюционному варианту, но сохранял прошение о «властях и воинстве».

Епископ Афанасий на допросах в НКВД ясно сравнивал свою позицию «непоминающего» церковные и советские власти с позицией архиепископа Японского Николая (Касаткина): «Я был и остаюсь на своей позиции как монархист. Но никакой практической деятельности против советской власти не вел. Я действовал аналогично архиепископу Николаю Японскому. Он,

служба в чужом государстве, поучал своих подчиненных, чтобы они молились за победу японского оружия, а сам отказался молиться за японцев. Его симпатии были на стороне русского народа. Так и я по отношению к советской власти, потому что я различных взглядов с советской властью. Мои симпатии остаются на стороне монархического строя» [9, с. 168].

Однако при всех различиях новые обстоятельства, возникшие во время войны, постепенно стирали различия между сторонниками митрополита Сергия и «непоминающими». Местоблюстителю прекрасно понимал, что одним осуждением, по требованию советской власти, не вернуть в лоно Московской Патриархии катакомбников. В одном из своих посланий он говорит слова в надежде быть услышанным и церковной оппозицией: « Пусть гроза надвигается. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению атмосферы духовной» [10, с. 552].

Несмотря на присущий святителю Афанасию в те годы пессимизм на судьбу Русской Церкви (он говорил, что «врата ада не одолеют Церковь», но нигде не сказано, что в России), ситуация в стране постепенно начинала меняться для верующих в лучшую сторону. Особенно это стало очевидным с 1943 года, когда правительство под влиянием внешних обстоятельств разрешило возобновить легальное богослужение в некоторых храмах страны. В конечном счете и митрополит Сергий (Страгородский) и епископ Афанасий (Сахаров) оказались правы в

своих оптимистических ожиданиях: война открыла для Православной Церкви возможности, которых у нее не было ранее – участие во внешнеполитической деятельности советского государства [4, с. 106]. НКВД рассчитывало на использование консолидирующей роли Московской Патриархии в антифашистском движении на Балканах. Это было невозможно без минимальной нормализации церковной жизни. Историки определяют этот период, начавшийся в 40-е, как «новый курс» в церковной политике Советского государства [3, с. 123]. Последняя крупная репрессивная акция органов в отношении церковного подполья приходилась на 15 июля 1944 года, она сопровождалась высылкой в Сибирь около полутора тысяч «истинно-православных христиан».

С февраля 1942 года в СССР дозволили возобновить работу церковного издательства. В апреле впервые разрешили провести пасхальные крестные ходы в Москве и ряде крупных городов СССР. Государство приняло в 1943 году от верующих средства, собранные ими на оборону страны, и публично поблагодарило за это. Радикальные преобразования в жизни Православной Церкви начались после встречи Местоблюстителю митрополита Сергия и двух митрополитов с И. Сталиным в Кремле 5 сентября 1943 года: 8 сентября состоялся архиерейский собор, а 12 сентября – интронизация Патриарха Сергия. За этим последовало возрождение епархий РПЦ и открытие некоторого количества храмов для легальных богослужений. Наконец была решена проблема регистрации приходов и священнослужи-

телей. К лету 1945 года в СССР действовало более 10 000 приходов и около 100 монастырей.

Разумеется, информация о радикальных переменах в церковной жизни доходила в места лишения свободы со значительным опозданием, а подлинная ситуация о жизни и гибели священнослужителей в лагерях была неизвестна большинству не только простых христиан, но и иерархам. Митрополит Сергей (Страгородский) представил после встречи в Кремле в 1943 году список из 26 духовных лиц (24 епископа) с ходатайством на освобождение из уз. Как выяснилось, почти все из них к тому времени или умерли, или были казнены. Неизвестна в те годы была судьба митрополитов Кирилла (Смирнова), Петра (Полянского), Иосифа (Петровых) – самых известных иерархов Церкви, тем более отсутствовала информация о менее значимых лицах церковного подполья. Это был один из тактических приемов чекистов: держать в неизвестности живых участников катакомбного движения и последователей митрополита Сергея (Страгородского) для углубления противоречий и разделений внутри Церкви.

Поэтому неудивительно, что епископ Афанасий долгое время не имел достоверной информации о происходящих исторических переменах в жизни православной общины. Он ничего не знал об архиерейском соборе 1943 года, избрании Патриарха Сергея. Только весной 1945 года он решил помянуть его о здравии, не зная, что Святейший скончался 15 мая 1944 года!

Предположительно в марте 1945 года святитель узнал об избрании Патриархом Алексия (Симанского) и

направил ему поздравительное письмо с просьбой принять в молитвенное общение с возглавляемой им Церковью. Это был очень важный шаг, потому что середина 40-х годов стала определенным рубежом существования церковного подполья: необходимостью выбора между окончательным уходом на нелегальное положение или признании Московской Патриархии, каноническое воссоединение с ней. На это время епископ Афанасий (Сахаров) оставался одним из немногих архиереев (если не единственным), которых можно было отнести к «непоминающим». Остальные епископы-катакомбники были уничтожены в результате целенаправленных репрессий. Не случайно в письме 1955 года он упоминает о том, что его советниками в этом вопросе были священники, а не епископы. Отрицая каноническую власть Патриарха Алексия I (Симанского), он брал в этом случае на себя всю ответственность как епископ за структуризацию катакомбной церкви. Но понимая, что Российский Патриарх признан всеми православными поместными Церквями и его власть не может вызывать никаких сомнений, святитель Афанасий принял единственно верное решение [9, с. 175].

Кроме этого письма он обратился также к православным общинам, которые считали его своим епископом, с соответствующим призывом [8, с. 317]. Его точка зрения вызвала неоднозначное отношение. Значительное число последователей вышло из подполья и вернулось в патриархийные храмы. Но было и множество катакомбников, осудивших епископа Афанасия за этот шаг. В 1945 году после признания

Патриарха Алексия I святитель Афанасий (Сахаров) почти перестал получать посылки с продуктами в лагерь. При всей строгости советской пенитенциарной системы запрет на переписку и посылки означал смертный приговор узнику, о котором не сообщали близким. Люди из его окружения позднее считали это негативной реакцией катакомбного окружения на его принципиальный поступок. О. А. Кавелина (инокиня Серафима), вспоминая о своих встречах с епископом Афанасием (Сахаровым) в начале 50-х в Петушках, говорила: «Они (недовольные его поступком духовные чада – *Авт.*) оставили епископа, беспомощного старца без посылок, которые его кормили в лагере!». (Магнитофонная запись беседы от 28.05.1998) [2]. Святитель, безусловно, чувствовал опасность сектантского духа внутри катакомбников. В 1945 г. он писал: «Ревность, хотя бы и не совсем по разуму, – лишь бы она была бескорыстным ревнованием по истине, как, напр., у большинства наших старообрядцев, не останется не оценённой у Того, Кто и намерения целует и расположение хвалит... Только, к великому прискорбию, встречаются ревнители, у которых ревность переходит в злобу» [7, с. 318]. Именно последние ушли окончательно в подполье, считая таковое нормой [3, с. 216].

Однако большинство церковных подпольщиков слышали призыв владыки к воссоединению с Московской Патриархией и вернулись в ее храмы. Одна из его духовных чад так описывала эти события: «Мы – дети катакомбной церкви тех лет, когда от-

крылись храмы Троице-Сергиевой Лавры и туда хлынула масса людей, мы смешались с этими толпами и не посмели отделить себя от них и усомниться. Мы не рассуждали, не мудрствовали, а приняли изменение вокруг нас как должное и покорились с радостью, посчитав это волей Божией» [6, с. 269].

Возвращение из церковного подполья было столь впечатляющим, что органы советской власти на местах не успевали справляться с регистрацией новых общин, уже имевших подпольного священника. Размах этого движения обычно связывают с позицией епископа Афанасия (Сахарова).

Но самому святителю это не принесло никакого облегчения: на письмо Патриарху он ответа не получил и, несмотря на свою готовность пребывать в послушании, к трудам на благо Церкви, был оставлен в лагерях, а затем под надзором в инвалидном доме до 1954 года. Спустя 10 лет после своего письма Святейшему Патриарху он писал: «Многое в деятельности современных иерархов и священников Русской Церкви вызывает смущение. Но иерархию, возглавляющую в настоящее время Русскую Церковь, признают все восточные патриархи. Если мы отделимся от нашей иерархии, с кем же мы будем в общении, через кого будет наше единение с Единой Святой Вселенской Церковью и со Христом?» [7, с. 421].

Несмотря на многие разногласия во взглядах на церковную жизнь, положение верующих в СССР, он оставался верным и преданным Православной Церкви архипастырем.

Библиографические ссылки

1. Архив Владимирской епархии. Фонд епископа Афанасия (Сахарова). (АВЕ. Ф. ЕА (С)). Оп. 3.1. Д. 8.
2. Архив протоиерея Хижего М. Л., секретаря Комиссии по канонизации месточтимых святых Владимирской епархии (1995 – 1998).
3. Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008.
4. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М., 1999.
5. Глазов С. Два портрета // Вестник РХД. 1972. № 106.
6. Желнавакова М. Письма // Альфа и Омега. 2000. № 1 (23).
7. Молитва всех вас спасет. М., 2000.
8. Поспеловский Д. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996.
9. Сергия (Ежикова), инокиня. Святитель Афанасий (Сахаров), исповедник и песнописец. Сергиев Посад, 2003.
10. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003.
11. Хижий М. Л., Диесперов В. Б. Возникновение движения «непоминающих» в 1927 – 1945 гг. в Православной Церкви // Вестник ВлГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2017. № 4 (16). С. 96 – 101.
12. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.

M. L. Khizhiy

BISHOP ATHANASIUS (SAKHAROV) AND THE «NOT MENTIONNIG IN PRAYERS» MOVEMENT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The movement of «not mentionnig in prayers» appeared in the Orthodox Church as a form of religious protest of the faithful – bishops, priests and laity on the repressive policy of the Soviet power. The Soviet government continued the persecution against believers, despite the beginning of the Great Patriotic war. This created a threat of the reciprocal collaboration within the Church. However, the position of Patriarch Sergiy (Stragorodsky) and Bishop Athanasiy (Sakharov) helped to overcome the tragic situation.

Keywords: Orthodox Church, Great Patriotic war, anti-religious policy, Church movement.

**ПОДПИСАНИЕ АКТА О КАНОНИЧЕСКОМ ОБЩЕНИИ В 2007 ГОДУ:
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

Статья посвящена истории восстановления полноты канонического общения в единой Поместной Русской Православной Церкви. Автор исследует проблемы взаимоотношения церкви и государства в России. Он анализирует деятельность епископата, роль Президента РФ.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь Зарубежом, Московский Патриархат, Российское государство, каноническое общение.

В праздник Вознесения Господня 17 мая 2007 года в Храме Христа Спасителя в Москве состоялось торжественное подписание Акта о каноническом общении между Московским Патриархатом и Русской Православной Церковью Заграницей (точнее, той ее частью, которая пожелала в этом участвовать). Этому событию предшествовали несколько лет, а точнее почти два десятилетия (1993 – 2006 гг.), на протяжении которых представители обеих Церквей пытались понять и простить друг друга [1, к. 11 - Б].

Особый интерес для исследования представляют те положения Акта, которые отражают непосредственно проблемы российских епархий РПЦЗ. Так, в документе сказано: «Учитывая, что Русская Православная Церковь Заграницей осуществляет свое служение на территории многих государств, – настоящим Актом утверждаем:

1. Русская Православная Церковь Заграницей, совершая свое спасительное служение в исторически сложившейся совокупности ее епархий, приходов, монастырей, братств и других церковных учреждений, пребывает

неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви. ...

12. Изменения, вносимые в Положение о Русской Православной Церкви Заграницей ее высшей законодательной властью, подлежат утверждению Патриархом Московским и всея Руси и Священным Синодом Русской Православной Церкви в том случае, если таковые изменения имеют канонический характер.

Настоящим Актом восстанавливается каноническое общение внутри Поместной Русской Православной Церкви.

Ранее изданные акты, препятствовавшие полноте канонического общения, признаются недействительными либо утратившими силу» [3, с. 6 – 7].

Одним из самых сложных вопросов в проблеме воссоединения была проблема интеграции российских приходов РПЦЗ в епархии Московского Патриархата, на канонической территории которых они осуществляли свою деятельность в период с 1990 по 2006 гг. Участники Акта заявили: «Действуя в духе церковной икономии, Священный Синод Русской Пра-

вославной Церкви и Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви предусматривают пятилетний переходный период для полного урегулирования положения бывших приходов Русской Зарубежной Церкви на канонической территории Московского Патриархата посредством их вхождения в юрисдикцию метных правящих архиереев. До завершения этого срока таким приходам, не находящимся на территории Самоуправляемых Церквей, предоставляется возможность находиться под окормлением викария Патриарха Московского и всея Руси, которому с благословения Патриарха, представляется также возможность принимать участие в работе Архиерейского Собора и Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви по приглашению ее Первоиерарха» [3, с. 8].

Архиереем Московского Патриархата с вышеизложенными полномочиями был назначен бывший член Архиерейского Собора РПЦЗ, епископ Ишимский и Сибирский Евтихий (Курочкин). «Постановили:

1. Преосвященному епископу Евтихию (Курочкину) быть епископом Домодедовским, викарием Московской епархии, с поручением ему временного архипастырского окормления бывших приходов Русской Зарубежной Церкви в России, согласно Приложению к Акту о каноническом общении.

2. Находящимся во временной канонической юрисдикции Пресвященного епископа Домодедовского Евтихия признать клириков в соответствии с согласованным списком.

3. Решение вступает в силу после подписания Акта о каноническом общении» [4, с. 11].

Святейший Патриарх Алексей II обратился с особым Посланием ко всей полноте Русской Православной Церкви сразу после подписания Акта о каноническом общении, которое было зачитано во всех канонических подразделениях РПЦЗ: «Отныне Русская Православная Церковь Заграницей, сохраняя сложившееся в ней самоуправление, пребудет неотъемлемой частью единой Поместной Русской Православной Церкви, соединенной в общении и единстве со всей полнотой Вселенского Православия. Возрадуемся же о нашем единении. Будем помнить уроки вразумления Божия и крепко беречь связующий нас союз любви» [4, с. 13 – 14].

В день подписания Акта состоялось первое совместное Богослужение [Там же, с.19 – 21]. В Божественной литургии в Храме Христа Спасителя российские епархии РПЦЗ, принявшие участие в объединении, представлял викарий Святейшего Патриарха епископ Домодедовский Евтихий (Курочкин).

Вечером того же дня в конференц-зале гостиничного монастырского комплекса «Даниловский» состоялась пресс-конференция, в которой приняли участие председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, председатель Комиссии Московского Патриархата по диалогу с Русской Зарубежной Церковью архиепископ Корсунский Иннокентий, председатель Комиссии Русской Зарубежной Церкви по переговорам с Московским Патриархатом архиепископ Берлинский, Германский и Великобританский Марк, секретари

этих комиссий протоиерей Николай (Балашов) и протоиерей Александр (Лебедев). Отвечая на вопросы журналистов, касающиеся канонического статуса российских приходов РПЦЗ после объединения, митрополит Кирилл привел в качестве примера ситуацию в Германии: «Что-то из этого происходило даже до воссоединения, когда мы не имели полного общения, – рассказал председатель ОВЦС. – Примером тому – пастырская ситуация в Берлинской епархии. Архиепископ РПЦЗ Марк рассказывал, что еще до начала процесса, который привел к восстановлению единства, в Германии уже проходили совместные пастырские совещания и встречи между духовенством Московского Патриархата и Зарубежной Церкви. Такого рода работа должна продолжаться, а в рамках налаженного постоянного взаимодействия будут обсуждаться все вопросы, которые необходимо решать [4, с. 26 – 27].

По просьбе представителей СМИ архиепископ Марк прокомментировал позицию тех верующих РПЦЗ, большинство которых оказались представителями именно ее российских приходов, которые выступили против воссоединения с Московским Патриархатом. «Расколы были всегда в истории Церкви, в том числе и в русском зарубежье. Отделяясь от Церкви, люди прикрываются при этом правдой, которой, как им кажется, они обладают. Мы сожалеем о каждом человеке или группе людей, которые отделяют себя от Церкви. Но удивляться этому не приходится, когда такие искушения происходят, это говорит, что мы находимся на правильном пути». «Мы

должны с пониманием и сочувствием относиться к тому, что некоторые люди недостаточно восприняли ту информацию о воссоединении Русской Православной Церкви, которую мы сообщали», – сказал архиепископ [Там же, с. 27 – 28].

Через день, 19 мая, делегация РПЦЗ приняла участие в освящении храма святых Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне. Освящение храма и первую литургию в нем совершил Святейший Патриарх Алексей в сослужении первоиерарха РПЦЗ митрополита Восточно-Американского и Нью-Йоркского Лавра и многочисленных иерархов РПЦЗ и Московского Патриархата. Святейший Патриарх Алексей отметил, что закладку этого храма он совершил три года назад при участии митрополита Лавра, прибывшего во главе делегации РПЦЗ в Россию с официальным визитом. [2, с. 22 – 40].

20 мая Первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр и сопровождавшее его заграничное духовенство сослужили Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II за Литургией в Успенском соборе Московского Кремля, где присутствовало все высшее руководство страны во главе с Президентом В. В. Путиным.

В слове по окончании Божественной литургии Святейший Патриарх Алексей подчеркнул: «Сегодняшнее богослужение войдет в историю как важное событие достигнутого единства – единства в вере, канонического, евхаристического единства. Сегодня мы уже не чувствуем, что стоим по разные стороны баррикад, но мы ощущаем наше единство. Теперь па-

ломники будут ездить к нам, а мы – к святыням Русской Зарубежной Церкви. И дай Бог нам мужества, мудрости, чтобы противостоять попыткам внести раздоры, а такие попытки будут и у нас и у вас. Но наше единство основано на единстве молитвенном, и его нельзя разрушить» [4, с. 38].

В своем ответном слове архиепископ Берлинский, Германский и Великобританский Марк также напомнил всем присутствующим, что церковное единство всегда было целью для пастырей и паствы РПЦЗ: «Успенский собор для нас всех был центром, сердцем Святой Руси, куда мы стремились душой. Сегодня мы не чувствуем никакой розни, а только полное единство».

Та часть священнослужителей и верующих РПЦЗ, которые не сочли возможным объединяться или посчитали, что время объединения еще не наступило, остались в составе нескольких православных юрисдикций, получивших свое каноническое бытие от Зарубежной церкви.

Из этих религиозных организаций наиболее заметной по числу последователей и количеству епархий является «Синод митрополита Агафангела (Пашковского)», который накануне подписания Акта о каноническом общении оставался членом Архиерейского Собора РПЦЗ с титулом Одесский и Симферопольский, но отказался участвовать в воссоединении. В структуру РПЦЗ(А) вошли наиболее заметные приходы РПЦЗ как за рубежом, так и на территории постсоветских республик, так например в полном составе под омофор епископа Агафангела перешли сестры монастыря РПЦЗ из Ишима [7, с. 175 – 178].

Подавляющее большинство бывшей Владимиро-Суздальской епархии РПЦЗ вернулись в лоно Матери-Церкви, но без своих руководителей, которые продолжали оставаться в расколе с Архиерейским Собором РПЦЗ. По этой причине численность приходов Российской автономной православной церкви в настоящее время сократилась со 130 до 30 – 40 реально функционирующих приходов [6, с. 40].

Российское государство попыталось решить чрезвычайно сложную и деликатную задачу – объединить два церковных организма, которые во многом принципиально отличались друг от друга. Представители объединившейся части РПЦЗ (в церковных СМИ их обычно именуют РПЦЗ (Л) (по имени митрополита Лавра) пытаются убедить себя и своих оппонентов, что Московская Патриархия – это ложная обновленческая церковь современной России, остающейся наследницей СССР, в том числе и идейной.

Большинство «зарубежников», противостоящих процессу объединения, не верят в то, что Московская Патриархия освободилась от советских традиций и уже неподконтрольна власти. Кстати, именно роли российского Президента в вопросе объединения они отводят особое место. Их полемисты из Московского Патриархата также оказались в непростой ситуации, поскольку еще в 2000-х в их публикациях содержались жесткие инвективы в адрес РПЦЗ.

После начала активного сближения Московской Патриархии и РПЦЗ в 2003 – 2004 годах стало очевидным, что среди «зарубежников» наблюдается не только стремление войти в единую Русскую Православ-

ную Церковь, чтобы сохранить церковное имущество и личное положение, но и желание остаться независимой от российского государства церковной институцией [6, с.13].

Первое стремление являлось следствием рациональных расчетов, естественных патриотических чувств и ностальгии по дореволюционной России, которую, как полагали потомки русских эмигрантов «первой волны», возрождает Президент В. В. Путин.

Одновременно идеологи РПЦЗ желали сохранить в церковной жизни решения Всероссийского Собора 1917 – 1918 годов, которые предполагали сделать Церковь самостоятельной институцией гражданского общества. Вместе с тем для «зарубежников» важен приобретенный ими опыт жизни в западном обществе, которое отнюдь не склоняло их к отказу от православной идентичности. В зарубежной церковной среде, несмотря на преобладание патриотической риторики, были восприняты европейские нормы и ценности, а членами приходов РПЦЗ стали и американцы, и англичане, и французы. Это было следствием успешной православной миссии таких иерархов, как архиепископ Иоанн (Максимович) и архиепископ Аверкий (Таушев) [5, с. 47].

Во многом благодаря Зарубежной Церкви в Европе и США, сохранилась русская православная культура, российское патриотическое мировоззрение, в основе которого лежит образ России, в которую когда-либо надо будет вернуться. Монархические идеи первой волны русской эмиграции приобрели впоследствии черты далекого исторического мифа, давно потерявшего связь с реальностью. Образ Рос-

сии стал напоминать образ любой другой свободной цивилизованной европейской страны.

Русские патриоты – сторонники Первоиерарха РПЦЗ митрополита Лавра – в ходе долгих переговоров согласились постепенно стать частью системы Русской Православной Церкви Московского Патриархата – фактически автономией, в которой будет происходить постепенная эволюция в сторону централизации и унификации церковной жизни по стандартам Московского Патриархата [1, с. 40]. Было решено, что назначения архиереев РПЦЗ будут согласовываться в Московской Патриархии, т. е. утверждаться ее Священным Синодом [4, с. 13].

Во всех возможных церковных рейтингах 2007 года процесс «исторического воссоединения Русской церкви», безусловно, занимает первое место. С точки зрения статистической, количество приходов Московского Патриархата благодаря воссоединению возросло не более чем на 1 %. Объединение с РПЦЗ, до конца XX века обличавшей «сталинскую» Московскую Патриархию, воспринимается своего рода историческим рубежом, и на то есть веские причины.

Во-первых, Русская Православная Церковь Московского Патриархата на момент объединения с РПЦЗ лишь частично адаптировалась в российское гражданское общество. Раскаиваться в «сергианстве» и признавать свою работу на советскую власть в полном объеме сейчас, после того как на протяжении все перестроечных лет Московская Патриархия доказывала, что все эти нарушения делались «во имя спасения Церкви», было серьезной ошибкой [9, с. 37].

Во-вторых, русское православие по проектам власти в ближайшем будущем должно стать единственной и уникальной «Единой Церковью», символом российской государственности. И с этой точки зрения участие В. В. Путина в решении «ключевой церковной проблемы» современности надо признать вполне оправданным с позиций его государственной идеологии. «Сильной России необходима сильная Церковь», – любят повторять самые разные идеологи Великой России. Анализ многочисленных выступлений журналистов и политиков по поводу объединения Церквей позволяет говорить о том, что в интеллектуальном сообществе и в среде широкой общественности русское православие изначально рассматривается в качестве некоего идеологического инструмента, и не более того [6, с. 27].

В-третьих, единство двух Церквей необходимо русскому народу и российской власти как важное явление десоветизации общественной жизни в России. Единая русская Церковь смогла бы послужить стране в деле преодоления духовных последствий гражданской войны, стать для государства равноправным партнером. Только такое русское Православие обрело бы после объединения и реальный общемировой статус.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что заслуга великого объединения двух Церквей принадлежит Президенту РФ В. В. Путину, стоявшему у истоков процесса сближения. Инерция царской власти и советских руководителей, которые сами создавали Церковь в своем государстве, привела Россию и ее Церковь на новый круг развития.

Библиографические ссылки

1. Архив Германской епархии РПЦЗ. (АГЕ РПЦЗ). Ф. НА.
2. Информационный Бюллетень ОВЦС МП. 2004. № 5.
3. Там же. 2006. № 11.
4. Информационный Бюллетень ОВАЦС МП. 2007. № 5.
5. Православная Русь. 1980. № 3.
6. Суздальские епархиальные ведомости. 2013. № 32.
7. Суздальский паломник. 1994. №№ 18, 19, 20 (объединенный выпуск).
8. Церковная жизнь. 1965. №№. 7 – 12.
9. Церковь и власть. М., 1991.

A. V. Makovetzkiy

THE SIGNING OF THE ACT OF CANONICAL COMMUNION IN 2007: THE CHURCH-HISTORICAL SIGNIFICANCE

The article is devoted to the history of the reestablishment of the fullness of communion within one Local Russian Orthodox Church. The author researches the problems of the relationship between the church and the state in Russia. He analyzes the activities of the episcopate, the role of the President of the Russian Federation.

Keywords: Russian Orthodox Church, Russian Orthodox Church Outside of Russia, Moscow Patriarchate, Russian state, Canonical Communion.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна – преподаватель Колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, аспирант третьего курса кафедры философии и религиоведения ВлГУ, профиль «Философия и религиоведение»
amirseiidova.sabina@yandex.ru

ГЕРАСИМЕНКО Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков
iragerasimenko@mail.ru

ЕГОРОВА Галина Сергеевна – кандидат исторических наук доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
birdsfllyinghigh1@gmail.com

КАЛИНКИН Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой русского и латинского языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького
kalinkin.valeriy@mail.ru

ЛОМОНОСОВ Михаил Дмитриевич – магистрант группы ОИМ-117 Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
birdsfllyinghigh1@gmail.com

МАКОВЕЦКИЙ Аркадий Валентинович – кандидат философских наук доцент кафедры церковной истории и церковно-практических дисциплин Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии, настоятель храма св. Василия Великого г. Суздаля Владимирской епархии РПЦ МП.
avm12091963@mail.ru

НИКОЛАЕВА Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
irina-nikolaeva-v80@yandex.ru

ОБОРНЕВА Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры русского и латинского языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького
hellgella@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ФЕЛЬДМАН Наталья Борисовна – аспирант кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
nbfeldman@yandex.ru

ХИЖАЯ Татьяна Игоревна – кандидат философских наук
доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
bobcat64@mail.ru

ХИЖИЙ Максим Леонидович – кандидат философских наук доцент кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
maxim-priest@mail.ru

ЦВЕТКОВ Василий Жанович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.
vzb.vctkov@mpgu.su